

Вестник



МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*РУССКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ*



№ 4 / 2011

Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

№ 4

Выходит 6 раз в год

2011

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 27.10. 2010 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru)

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник МГОУ»**

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik.mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях, без разрешения редакции, запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 27.10. 2010 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik.mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik.mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 4

Issued 6 times a year

2011

Series «RUSSIAN PHILOLOGY»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.фил.н., доц., ректор МГОУ (председатель совета)
Левченко М.Н. – д.фил.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коницев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.фил.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.фил.н., профессор МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., ректор Орловской региональной академии государственной службы
Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – канд. фил. н., гл.ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н., проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Трайтак С.Д. – к.ф-м.н., проф. МГТУ им. М.Л. Шолохова
Троиц К. Г. – доктор, проф. Кобленц-Ландау Университета (Германия)
Ху Гумин – д.фил.н., проф., Институт иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Associate Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
M.N. Levchenko – Ph. D. in Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozеров – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulyn – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V. F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Principal of the Oryol Regional Academy of Public Service
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
S.D. Traytak – Ph.D. in Physics and Mathematics, Professor of the Sholokhov Moscow State University for the humanities
Klaus G. Troitzsch – Doctor, Professor of Koblenz-Landau University (Germany)
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages of Ukhani University (China)

Редакционная коллегия серии «Русская филология»
Series editorial board «Russian philology»

Отв. ред. серии: **Лекант П.А.**, д. филол. н., проф.,
зам. отв. ред.: **Шаповалова Т.Е.**, д. филол. н., проф.
Члены ред. коллегии серии:
Алексеева Л.Ф., д. филол. н., проф.; **Аношкина В.Н.** – д. филол. н., проф.; **Копосов Л.Ф.**, д. филол. н., проф.; **Леденева В.В.**, д. филол. н., проф.; **Моторин А.В.** – д. филол. н., проф. (НГУ им. Ярослава Мудрого, Новгород); **Нагорный И.А.**, д. филол. н., проф. (БГУ, Белгород); **Петров А.В.** – д. филол. н., доц. (ПГУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск); **Гладров В.**, – д., проф. (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия); **Гржибкова Р.**, – д. (Карлов университет, Чехия); **Шеншина В.А.**, – лектор Хельсинского университета (Финляндия)

Editor-in-chief - **P.A. Lekant**, Doctor of Philology, Professor
Deputy editor-in-chief - **T.Ye. Shapovalova**, Doctor of Philology, Professor
Members of Editorial Board: **L.F. Alexeyeva**, Doctor of Philology, Professor; **V.N. Anoshkina**, Doctor of Philology, Professor; **L.F. Kuposov**, Doctor of Philology, Professor; **V.V. Ledeneva**, Doctor of Philology, Professor; **A.V. Motorin**, Doctor of Philology, Professor (Yaroslav Mudry Novgorod State University); **I.A. Nagorny**, Doctor of Philology, Professor (Belgorod State University); **A.V. Petrov**, Doctor of Philology, Associate Professor (Pomorsky State University, Arkhangelsk); **V. Gladrov**, Doctor of Philology, Professor (Humboldt University of Berlin, Germany); **R. Grzhibkova**, Doctor (Charles University, Czech Republic); **V.A. Shenshina** Lecturer of Helsinki University (Finland)

ISSN 2072-8522

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2011. - № 4. – М.: Изд-во МГОУ. – 166 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФЦ77-26173.

Индекс серии «Русская филология»
по каталогу агентства «Роспечать» **36761**

ISSN 2072-8522

Bulletin of the MSRU. Series «Russian Philology». – 2011. – № 4. – М.: MSRU Publishing house. – 166 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФЦ77-26173.

Index series « Russian Philology » under
"Rospechat" agency catalog **36761**

СОДЕРЖАНИЕ

Поздравления с юбилеем	7
------------------------------	---

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Голованева М.А.</i> Коммуникативно-когнитивный потенциал специфических текстовых элементов в русской драме абсурда конца XX века	18
<i>Кожин А.Н.</i> Повествование сквозь призму неопределенности субъекта речи	23
<i>Левина В.Н.</i> Функциональная значимость пейзажных единиц в структуре фольклорного текста	27
<i>Начёрная С.В.</i> Модель развития причинно-следственных отношений в доказательной композиции защитительной речи	33
<i>Осетров И.Г.</i> Сложнозначное высказывание как двухадресный речевой акт	36
<i>Рябушкина С.В.</i> Имя числительное и «экспансия номинатива»	41
<i>Фадеева Т.М.</i> Взаимодействие сложного эпитета в художественном тексте с другими средствами выразительности	47
<i>Южакова Ю.А.</i> Виды тождества предмета самому себе	55

Публикации аспирантов

<i>Арименова Р.С.</i> Лексическое значение слова на примере фауны (на материале монгольских и русского языков)	60
<i>Зайцева И.А.</i> Праславянские имена существительные, стилистически сместившиеся в сферу разговорной лексики	66
<i>Константинова М.В.</i> Экспериментальное исследование специфики юридической метафоры в индивидуальном лексиконе	70
<i>Лапина С.С.</i> Особенности словообразовательного гнезда с вершиной «нога» в современном русском языке	74
<i>Лукина Е.С.</i> Словообразовательная адаптация итальянских заимствований в русском языке	79
<i>Преферансов С.А.</i> Отражение общерусских норм и местных особенностей составления документов в региональной письменности конца XVIII века (на материале архивного фонда Царицынского городского магистрата)	82
<i>Свиридова Е.А.</i> Книжная лексика в современной прессе	88
<i>Сицына-Кудрявцева А.Н.</i> Философские основания функционирования категории «языковая норма»	94
<i>Сорокин Р.В.</i> Общественно-политическая лексика в русском языке советского времени (1960–1980 гг.)	99
<i>Федорова Н.И.</i> Номинативное поле концепта <i>небо</i> (на примере русских народных примет) ...	105
<i>Юрлова А.А.</i> Орфография произведений В.К. Тредиаковского	107

ЛИТЕРАТУРА

<i>Алпатова Т.А.</i> Личность и творчество Н.М. Карамзина как мера методологического развития русской историко-литературной науки	113
<i>Греков В.Н.</i> Концепция цельности в философской публицистике славянофилов	119
<i>Кузина А.Н.</i> Идеи почвенников в творчестве В.Г. Распутина	124

<i>Лоскутникова М.Б.</i> Проблема художественного стиля в трудах А.Ф. Лосева	130
<i>Павлова И.Б.</i> Салтыков-Щедрин и его современники в поисках блага народа	136

Публикации аспирантов

<i>Сотова Т.О.</i> Переложение эпоса о Гильгамеше Н.С. Гумилева в соотнесении с его поэтической концепцией человеческой личности	143
<i>Сулемина О.В.</i> «Страшное» и субъектная организация лицейской лирики Пушкина	149
<i>Эфендиева С.А.</i> Коранические мотивы в поэзии И.А. Бунина	154

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Киселева И.А.</i> Межвузовский научный семинар, посвященный 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова (МГПУ)	160
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Шаповалова Т.Е.</i> Рецензия на учебное пособие «Современный русский язык. Синтаксис» Леканта П.А. (М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 256 с.)	162
---	-----

НАШИ АВТОРЫ	164
--------------------------	-----

CONTENTS

Congratulations to Moscow State Regional University (MSRU) on the 80th Jubilee	7
--	---

RUSSIAN LANGUAGE

M. Golovaneva. Communicative-cognitive potential of specific text elements in Russian absurd drama of late 20th century	18
A. Kozhin. Narration in the light of uncertainty of the subject of speech	23
V. Levina. Functional relevance of landscape units in folk text structure	27
S. Nachernaya. The Model of the development of cause-and-effect relations in the demonstrative composition of a defensive speech	33
I. Osetrov. Synthosemantic statement as a double address speech act	36
S. Ryabushkina. The numeral and “the expansion of the nominative”	41
T. Fadeeva. Interaction of complex epithet with other means of expressiveness in fiction	47
Y. Yuzhakova. Types of identity of object to itself	55

Publications of post-graduate students

R. Arimenova. The lexical meaning of the word as an example of fauna (based on the Mongolian and Russian languages)	60
I. Zaytseva. Praslavic nouns that have stylistically shifted to the colloquial language	66
M. Konstantinova. Experimental research of the legal metaphor specificity in the individual lexicon ..	70
S. Lapshina. Characteristics of the word-formative family with the top “leg” in modern Russian language	74
E. Lukina. Word-formative adaptation of Italian borrowings in the Russian language	79
S. Preferansov. The reflection of common Russian norms and local features of documents preparation in regional writing of the end of 19th century (on the material of the archival fund of Tsaritsyn city council)	82
E. Sviridova. Book lexicon in modern media	88
A. Sitsyna-Kudriavtseva. Philosophical foundations for the functioning of the “linguistic norm” category	94
R. Sorokin. Social and political lexicon in Russian language of Soviet time (1960–1980)	99
N. Fyodorova. Nominative field of the concept <i>sky</i> (on the Russian folk sayings)	105
A. Yurlova. Orthography in the works of V. Trediakovsky	107

LITERATURE

T. Alpatova. Personality and works of N. Karamzin as a measure of methodological development of Russian history and literature science	113
V. Grekov. The concept of integrity in the philosophical essays of slavophiles	119
A. Kuzina. Ideas of nationalists in works by V.G. Rasputin	124
M. Loskutnikova. Problem of the art style in works of A.F. Losev	130
I. Pavlova. Saltykov-Shchedrin and his contemporaries in their searches of the common people's good	136

Publications of post-graduate students

T. Sotova. Adaptation of epic about Gilgamesh by N. Gumilev in correlation with its poetic conceptthe human personality	143
O. Sulemina. «Terrible» and subjective organization of Pushkin's lyceum lyrics	149
S. Efendiyeva. Quranic motifs in I. Bunin's poetry	154

THE SCIENTIFIC LIFE

I. Kiseleva. Interuniversity scientific seminar dedicated to the 300th anniversary of M. Lomonosov (MSPU)	160
--	-----

REVIEW

T. Shapovalova. Review on the textbook "The Modern Russian Language. Syntax" (M.: Publishing Center "Academy "; 2010. – 256) by Pavel Alexandrovich Lekant, Doctor of Philology, professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the department of the Modern Russian Language at Moscow Regional State University	162
---	-----

OUR AUTHORS	164
--------------------------	-----

МГОУ – 80 ЛЕТ: ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ЮБИЛЕЕМ

**Уважаемые преподаватели, студенты, выпускники
областного университета! Дорогие друзья!**



Сердечно поздравляю Московский государственный областной университет с замечательным юбилеем – 80-летием!

Путь от МОПИ им. Н.К. Крупской до МГОУ – это 80 лет упорной работы, творческого поиска, заслуженного признания. Созданный в 1931 году институт, а теперь университет, был и остаётся флагманом системы подготовки высококвалифицированных специалистов в Московской области.

Сегодня в университете обучается более 12 тысяч студентов, и в вашем ВУЗе к каждому находят индивидуальный подход.

Показателен тот факт, что известные ученые, руководители, общественные деятели и, конечно же, педагоги получили образование именно в МОПИ – МПУ – МГОУ. Вклад выпускников ВУЗа трудно переоценить – он поистине колоссальный!

Сегодня университет является крупнейшим ВУЗом Московского региона, дающим современное качественное, востребованное обществом образование. Синтез учебного процесса с научными исследованиями, интенсивное использование инновационных технологий, широкий спектр реализуемых образовательных программ, а также активное участие в общественной жизни страны позволяют вашим выпускникам достигать больших высот в различных сферах и областях

деятельности и плодотворно работать на благо национального процветания.

Коллектив университета по праву гордится своей славной биографией, уникальными научными школами, именами преподавателей и выпускников, среди которых – заслуженные деятели науки Российской Федерации, лауреаты Госпремии СССР, России и премии Президента РФ, академики и члены-корреспонденты российских и международных академий, профессора, доктора и кандидаты наук, известные ученые, общественные деятели, руководители, известные педагоги, члены профессиональных союзов, олимпийские чемпионы.

Правительство Московской области высоко ценит вклад Московского государственного областного университета в развитие инновационного, интеллектуального, трудового и экономического потенциала нашего региона.

Деятельность преподавателей и сотрудников университета является ярким примером преданного служения благородному делу образования, высокой компетентности и профессионализма.

Желаю университету долгой истории и крепких традиций, коллективу преподавателей, сотрудников, студентов и аспирантов – доброго здоровья, новых творческих свершений на благо высшей школы и российского образования, удачи и успехов!

Губернатор Московской области

Б.В. Громов

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!



Сердечно поздравляю весь коллектив Московского государственного областного университета со знаменательной датой – 80-летним юбилеем! Примите мои поздравления и глубокую благодарность за неоценимый вклад, внесенный вами в дело просвещения и науки! Позвольте пожелать исполнения самых заветных желаний, успехов в реализации самых смелых замыслов, счастья и радости, пытливых, талантливых студентов, аспирантов, докторантов.

Особенно приятно это сделать еще и потому, что старейший ВУЗ Московской области мне очень близок. Я сама окончила МОПИ им. Н.К. Крупской, и некоторое время преподавала здесь, всегда помню прекрасных людей, с которыми мне посчастливилось встретиться в стенах ВУЗа и у которых я удостоилась чести учиться. Их отличал и отличает высокий профессионализм и лучшие человеческие качества. Уверена, что своими научными и практическими успехами я в значительной степени обязана тому прочному профессиональному фундаменту, который был заложен моими Учителями – учеными и педагогами МГОУ (МОПИ).

Сегодня Московский государственный областной университет – крупнейший университет региона. Пройденный его коллективом славный путь от МОПИ – МПУ до МГОУ являет собой поистине яркий пример верности и преданности избранному делу и долгу.

В учительском корпусе Подмоскovie большинство составляют выпускники университета. Это элита работников народного образования. Среди выпускников ВУЗа – заслуженные учителя России, отличники образования, победители профессиональных конкурсов различного уровня.

МГОУ по праву является научно-педагогическим центром Московского региона. Университет обрел и удерживает это право благодаря высокому профессионализму и творческому потенциалу преподавателей, эффективной работе советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, активной научно-исследовательской работе по приоритетным направлениям науки, в том числе по нанотехнологиям, широким международным связям в области образования и науки.

Мы гордимся лидерами научных школ МГОУ, продолжающими научный поиск и демонстрирующими новые достижения в области подготовки высококвалифицированных кадров для Подмоскovie, а также высокими результатами нашей совместной деятельности, связанной с реализацией различных проектов, направленных на развитие и углубление образовательных процессов в регионе.

Традиционно много внимания в университете уделяется воспитанию студентов, культурно-массовой, спортивно-оздоровительной работе с молодежью, что, бесспорно, является очень важным, с учетом современных тенденций, наблюдающихся в общественной жизни. В настоящее время ВУЗы страны должны вести постоянный поиск новых форм и методов работы, современных образовательных технологий, базирующихся на новейших открытиях, нестандартных подходах к воспитанию студенческой молодежи. МГОУ – одно из тех образовательных учреждений, на которое следует равняться в процессе поиска путей достижения целей, связанных с молодежной политикой.

Как отметил Президент Д.А. Медведев, «Модернизация и инновационное развитие – единственный путь, который позволит России стать конкурентным обществом в мире 21-го века, обеспечить достойную жизнь всем нашим гражданам. В условиях решения этих стратегических задач важнейшими качествами личности становятся инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, умение выбирать профессиональный путь, готовность обучаться в течение всей жизни...». Именно эти качества вы, дорогие коллеги, преподаватели и сотрудники университета, формируете и развиваете у ваших студентов.

Уверена, что решение этих и других важных задач по плечу вашему дружному, работоспособному коллективу.

Сегодняшний юбилей – это праздник всех, кто в разные годы получил путевку в жизнь из МОПИ – МПУ – МГОУ. Сердечно поздравляю преподавателей, сотрудников, аспирантов, студентов, выпускников разных поколений с 80-летием Московского государственного областного университета! Высокая оценка профессиональных, деловых и личностных качеств, ваш богатый опыт, обширные знания снискали вам заслуженный авторитет и уважение у представителей всего образовательного сообщества. Большого вам человеческого счастья, крепкого здоровья, успехов в труде и процветания!

Желаю любимому ВУЗу сохранения и приумножения традиций отечественного образования, новых свершений на общее благо Московского региона и нашей страны!

Министр образования Правительства Московской области,
член-корреспондент РАО, д.п.н., профессор

Л.Н. Антонова



ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Уважаемый Павел Николаевич!

Поздравляю Вас, в Вашем лице – ветеранов профессорско-преподавательский состав, студентов, аспирантов и всех сотрудников со знаменательной датой – 80-летием со дня образования Московского государственного областного университета!

Все эти годы вуз пользуется заслуженным авторитетом как крупный образовательный центр, подготовивший тысячи высококвалифицированных педагогических кадров, славится своими богатыми традициями, сильным профессорско-преподавательским коллективом.

Выпускники МГОУ, обладающие глубокими знаниями и практическими навыками, внесли значимый вклад в развитие российской науки и образования.

Среди них также есть известные телеведущие, спортсмены, поэты и писатели, государственные и общественные деятели.

Уверен, что плодотворная научная, образовательная, культурно-воспитательная работа и впредь будет служить визитной карточкой университета.

Желаю всем крепкого здоровья, успехов во всех начинаниях, благодарных студентов, силы духа и веры в Россию!

Депутат Государственной думы
Федерального собрания РФ

В.А. Малашенко

Уважаемый Павел Николаевич!

От имени издательства «Просвещение» искренне поздравляю коллектив Московского государственного областного университета.

Юбилей – это радостный праздник, время подведения итогов, строительства планов на будущее. Вы по праву можете гордиться достигнутыми результатами. Со дня основания Университет – это проводник в мире образования и воспитания для всех педагогов нашей большой страны.

Велика значимость колоссальной работы, которую ведут преподаватели Вашего университета по подготовке молодых учителей, по внедрению в жизнь новых эффективных научных и образовательных концепций и технологий, по повышению престижа профессии педагога.

Примите искренние слова благодарности за преданность, честное и благородное служение делу образования и просвещения.

Желаю Вам дальнейшего процветания и развития!

С уважением,
Управляющий директор
ОАО Издательство «Просвещение»

А.М. Кондаков

Дорогие друзья!

Руководство и профессорско-преподавательский состав Академии Федеральной службы безопасности Российской Федерации сердечно поздравляют Вас со знаменательным событием в жизни вашего учебного заведения — 80-летием!

За время своего существования вы воспитали и подготовили тысячи высококвалифицированных педагогов, преданных делу воспитания и обучения подрастающего поколения, способного к прогрессивному развитию и созиданию.

Среди ваших выпускников — педагоги-практики и педагоги-ученые, известные научно-педагогической общественности России и зарубежных стран, внесшие значительный вклад в развитие методической мысли России. Уже много лет подряд Московский государственный областной университет (первоначально — МОПИ имени Н.К. Крупской) отвечает вызовам времени.

Ваш университет — это более, чем просто вуз подготовки преподавателей школы и вуза, а ныне — и специалистов других профессий, соответствующих требованиям времени, — это институт формирования крепкого нравственного стержня профессионала.

Вы воспитываете у студентов лучшие качества российской интеллигенции: любовь к Родине, высочайший профессионализм, преданность делу, трудолюбие, справедливость и честность.

Труд коллектива университета и вклад в науку его ученых снискали глубочайшее уважение и почтительное отношение к вашему учебному заведению в обществе.

Желаем коллективу университета дальнейших творческих успехов, здоровья, благополучия и процветания!

Руководство Академии ФСБ России

Дорогие друзья!

Коллектив Института микробиологии Национальной академии наук Азербайджана шлёт руководству и всему профессорско-преподавательскому составу Московского государственного областного университета свои самые искренние поздравления с 80-летием образования университета.

Авторитет университета неизменно высок и в России, и далеко за ее пределами, а его диплом — свидетельство фундаментальных и прикладных знаний, широкого кругозора, основательной профессиональной подготовки. Важно, что вы стремитесь следовать лучшим традициям, заложенным несколькими поколениями выдающихся ученых и наставников, и развиваетесь как высшее учебное заведение современного, инновационного типа.

Желаем вашему университету дальнейшего процветания и стабильности, а всем вашим коллегам — доброго здоровья, сил и упорства в работе на благо университета. Пусть реализация ваших планов приносит стабильный доход и новые перспективы!

Директор Института микробиологии
НАН Азербайджана, д.б.н., проф.,
действительный член НАНА



Салманов М.А.

Дорогие друзья!

Ректорат, профессорско-преподавательский состав и студенты Хмельницкого национального университета поздравляют коллектив Московского государственного областного университета со славным 80-летним юбилеем!

Желаем успешно развиваться, уверенно идти по избранному вами пути, крепкого здоровья, благополучия, счастья и новых творческих побед!

Надеемся на плодотворное сотрудничество в сфере образования и науки!

Проректор по международным связям
Хмельницкого национального университета,
к.т.н., профессор



Н.А. Иохна

Уважаемый Павел Николаевич!

Коллектив Пятигорского государственного лингвистического университета рад присоединиться к многочисленным поздравлениям, звучащим в адрес Московского государственного областного университета в связи со знаменательной датой – 80-летием со дня основания!

За долгие годы своего славного существования университет подготовил сотни тысяч выпускников, которые успешно трудятся во всех без исключения регионах России и за рубежом. Университет заслуженно пользуется авторитетом не только на Родине, но и далеко за ее пределами благодаря высокому профессионализму профессорско-преподавательского состава, его опыту и огромному творческому потенциалу, верности богатейшим традициям, заложенным десятилетиями, и умению идти в ногу со временем.

Поздравляя Вас и ваш коллектив с юбилеем, мы от всей души желаем всем, чья жизнь связана с МГОУ, сохранять и приумножать высокий научный потенциал своей Alma Mater, поддерживать славные традиции, заложенные многими поколениями преподавателей и студентов. Крепкого всем здоровья, счастья, мира и благополучия!

Ректор Пятигорского государственного
лингвистического университета, профессор,
академик АПСН, председатель
Общественного Совета г. Пятигорска



А.П. Горбунов

Уважаемые коллеги!

Сердечно поздравляем Вас с замечательным юбилеем!!!

Ваш творческий путь – путь могучей кузницы кадров – широко известен не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами!!!

Вы являетесь флагманом для сотен высших учебных заведений и путеводной звездой для тысяч молодых сердец!!!

От души желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, новых достижений и успехов в труде на благо нашей Родины!!!

Коллектив Калужского государственного университета

Первый проректор



В.Б. Королев

Уважаемые коллеги!

Коллектив Курского государственного университета сердечно поздравляет преподавателей и студентов Московского государственного областного университета с юбилеем зрелости и мудрости – 80-летием со дня основания!

Научно-педагогические традиции и достижения Московского государственного областного университета, заложенные в далекие тридцатые годы XX века и творчески развиваемые современным поколением сотрудников, позволяют говорить об университете как о современном научном, научно-методическом и научно-организационном центре подготовки кадров специалистов-профессионалов высшей квалификации.

Желаем коллективу Московского государственного областного университета творческих успехов и достижения новых высот в научной деятельности и в деле подготовки новых поколений специалистов на благо России.

Проректор по научной работе
Курского государственного университета,
доктор педагогических наук, профессор



В.А. Кудинов

Уважаемые коллеги!

Ректорат и профессорско-преподавательский состав Поволжской государственной социально-гуманитарной академии шлют руководству и всему коллективу Московского государственного областного университета сердечные поздравления со славным 80-летним юбилеем вуза, глубоко ценя его огромные заслуги в подготовке высококвалифицированных кадров для разных областей народного хозяйства, образования, науки и культуры; среди выпускников факультетов и аспирантуры МГОУ есть и сотрудники нашего вуза.

Неоценимый вклад, внесенный коллективом МГОУ в дело просвещения и науки, делает ваш вуз весомой частью драгоценного культурного достояния страны.

В этот знаменательный день примите самые теплые пожелания дальнейших успехов в вашем благородном труде на ниве возрождения величия нашего Отечества.

Ректор Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, доктор филол. наук, проф.



Вершинин И.В.

Дорогие коллеги!

80-летний юбилей вашего учебного заведения – значимое и радостное событие для всего российского образования! Позвольте присоединить к блестящему каскаду поздравлений наши теплые и искренние слова.

От Московского областного педагогического института образца 1931 года до современного университета XXI века пролегли долгие 80 лет. Этот путь – целая эпоха, вместившая в себя массу разнонаправ-

табных событий, находок, достижений, а иногда – трудностей и потрясений. Многое преодолено, многое достигнуто. И главное достижение – это целое созвездие блистательных выпускников, среди которых известные поэты, писатели, драматурги, редакторы известных изданий, народные артисты, политики, заслуженные учителя Российской Федерации, работники министерств, лауреаты различных премий. 80 лет вашими выпускниками формируется и укрепляется интеллектуальная элита России!

Ваш коллектив – дружное сообщество мастеров своего дела самой высокой пробы, которые всю свою профессиональную жизнь ищут, совершают, стремятся, открывают, познают, и все это – с самым высоким градусом напряжения интеллектуальных, душевных, физических сил, невзирая на уже приобретенный солидный возраст и авторитет.

В истории нашего молодого сибирского вуза и в благодарной памяти его сотрудников навсегда останутся имена заведующего кафедрой педагогики Василия Ивановича Журавлева, декана факультета повышения квалификации Валентина Петровича Симонова, начальника отдела аспирантуры Галины Александровны Белинской. Их помощь в формировании высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава нашего учебного заведения неоценима.

За свою насыщенную событиями 80-летнюю историю ваше учебное заведение трижды меняло свое название. Но неизменной оставалась его уникальная академическая атмосфера, сформированная подвижнической деятельностью многих талантливых ученых и педагогов, сумевших объединить лучшее из педагогического и классического университетского образования – Заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор филологических наук Наталья Михайловна Васильева, профессор, доктор филологических наук Людмила Петровна Пицкова, воспитавшие и продолжающие воспитывать вот уже несколько поколений романистов, преподавателей, учителей, исследователей, в духе высокопрофессиональной научной лингвистической школы, созданной в вашем вузе много лет назад под руководством профессора, доктора филологических наук Нины Алексеевны Катагощиной, память о которой останется в наших сердцах, а научных дух её исследований – в трудах всех последователей.

Ваш коллектив всегда достойно преодолевал соблазн искушения «новомодными инновациями». Вы мудро определили для себя курс: модернизация, но с опорой на традицию. Ваш вуз внес неизмеримо значительный вклад в подготовку педагогических кадров нашей большой страны. Вспоминая слова известной песни, можно с полным правом сказать, что ваш адрес – «не дом и не улица», ваш адрес – Советский Союз!

Меняется облик российской высшей школы, все более успешно решаются задачи модернизации отечественной системы образования, и в этом есть огромный вклад коллектива Московского государственного областного университета.

Уверены – мудрость, талант, творческая энергия и повседневный кропотливый труд вашего коллектива всегда позволят вам достигать тех высоких целей, которые вы ставите перед собой.

Примите от нашего молодого Сургутского государственного педагогического университета самые сердечные поздравления с юбилеем! Пусть и впредь авторские находки и профессиональные поиски, преданность делу и вдохновенное творчество будут главными в деятельности вашего учебного заведения. Пусть легко покоряются самые высокие вершины, а любые замыслы находят успешное воплощение. Пусть каждый ваш день будет светлым, каждое начинание – успешным! Крепкого вам здоровья, стабильности, удачи, профессионального и творческого долголетия всему вашему творческому коллективу преподавателей и сотрудников!

Коллектив Сургутского государственного
педагогического университета

Дорогие коллеги!

Сердечно поздравляем Московский государственный областной университет с 80-летием! Вы по праву можете гордиться богатой историей вуза и тем, что в настоящее время он по-прежнему остается одним из ведущих образовательных учреждений страны.

В этом большая заслуга администрации и коллектива Университета, всех его подразделений, журнала «Вестник МГОУ», который издается в стенах Московского государственного областного университета уже более 10 лет!

В эти праздничные дни, пожалуйста, примите пожелания дальнейшего процветания Университета! Желаем Вам новых научных достижений, успехов в образовательной деятельности, а также надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество!

От имени коллектива Института
Экологических проблем Севера УрО РАН
директор, д.х.н., проф.



К.Г. Боголицын

Уважаемый Павел Николаевич!

Поздравляем Вас и возглавляемый Вами коллектив Московского государственного областного университета, как одного из членов Ассоциации Московских вузов, со знаменательной датой – 80-летием со дня основания.

За прошедшие годы Вашему коллективу удалось достичь заметных успехов в подготовке высококвалифицированных научно-педагогических кадров для российского образования. На сегодняшний день в этой области вы являетесь одним из ведущих вузов.

Желаем Вам успехов в сложной и ответственной работе, реализации всех намеченных планов.

Желаем коллективу здоровья, счастья и новых творческих свершений.

Ректор
Московского физико-технического института

Н.Н. Кудрявцев

Уважаемый Павел Николаевич!

Ректорат Владимирского государственного университета поздравляет вас, а также преподавательский состав, ветеранов, студентов и выпускников со знаменательной датой — 80-летием Московского государственного областного университета.

Ваш университет за годы своего существования снискал славу передового научно-образовательного центра. Вы по праву гордитесь своей славной историей, выдающимися выпускниками и успехами университета как ведущего вуза нашей страны. Верность традициям и умение работать на перспективу позволяет Московскому государственному областному университету и сегодня оставаться признанным лидером в области подготовки научных кадров и высококвалифицированных специалистов. Сегодня МГОУ продолжает динамично развиваться, активно участвуя в модернизации системы высшего образования и формировании конкурентоспособной экономики знаний.

Для владимирской высшей школы особенно значимым является многолетнее и плодотворное сотрудничество кафедры русского языка Владимирского государственного гуманитарного университета (ныне - ВлГУ) и кафедры современного русского языка Вашего университета, возглавляемой доктором филологических наук, профессором Павлом Александровичем Лекантом. Кафедра русского языка нашего университета по праву гордится тем, что проводимая ею конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект» не обходится без активного участия в ней сотрудников кафедры современного русского языка МГОУ. Мы уверены, что это сотрудничество будет продолжаться долгие годы и будет полезно преподавателям, сотрудникам и студентам обоих вузов.

Желаем Вам и Вашему вузу всех благ, успехов, оптимизма, здоровья и сил, дерзновенных поисков и счастливых открытий, сохранения старых и укрепления новых традиций.

Ректор Владимирского
государственного университета



В.В. Морозов

Дорогой Павел Александрович Лекант!

В связи с 80-летием Московского государственного областного университета хочу от имени филологов МГУ имени М.В. Ломоносова поздравить всех авторов и читателей Серии «Русская филология» Вестника МГОУ, весь коллектив университета с юбилеем. Выпускники 16 факультетов и 79 кафедр МГОУ трудятся не только в российских вузах и школах, они успешно работают в разных сферах науки, культуры, в органах управления, на предприятиях нашей страны и зарубежья. Филологи МГОУ всегда были желанными гостями на филологическом факультете МГУ, они работают в наших диссертационных советах, регулярно возглавляют Государственную аттестационную комиссию, активно участвуют в научных конференциях, проводимых в МГУ. Особенно сердечные профессиональные и личные отношения в течение многих десятилетий связывают сотрудников наших кафедр, изучающих русский язык в его истории и современном состоянии.

Желаю всем профессорам и преподавателям, студентам и аспирантам МГОУ новых успехов и личного счастья. Вашему журналу, с момента своего основания прочно занявшему свое место в составленном ВАК перечне наиболее авторитетных научных изданий страны, хотелось бы пожелать успешной работы, расширения круга авторов и читателей, новых ярких публикаций.

Декан филологического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
главный редактор журнала «Вестник Московского университета.
Серия 9: Филология», доктор филол. наук, проф.



М.Л. Ремнева

Дорогие коллеги!

Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова обращается к вам в день вашего славного юбилея с самыми теплыми и искренними словами, посвященными главному человеку в жизни каждого из нас – УЧИТЕЛЮ! Именно их готовите вы в течение вот уже восьмидесяти лет на своих факультетах и кафедрах. Родившись как известный на всю страну МОПИ имени Н.К. Крупской, вуз не растерял главного принципа, который отличает всех его выпускников в городах и весях нашей Родины: «Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь» (В.О. Ключевский).

Входящее в состав наименования университета слово «областной» давно уже не имеет территориально-административного смысла: это круг людей, объединенных одной – самой трудной и самой благородной в мире профессиональной задачей – делать человека ЧЕЛОВЕКОМ. Профессора, доценты, старшие преподаватели и ассистенты – люди нескольких десятков различных специальностей – в первую очередь владеют тайнами души, методами воздействия на чувства, поведение, умы детей и юношества, студентов и аспирантов, магистрантов и докторантов. Их – тысячи в Московской области и Москве, в ближних и дальних регионах России, в детских садах и школах, колледжах и институтах, академиях и университетах.

Золотыми буквами вписаны в историю университета, а значит, в историю страны и в души учеников, имена работающих профессоров: Павла Александровича Леканта, Льва Феодосьевича Копосова, Клавдии Анатольевны Войловой, Валентины Васильевны Леденевой, Натальи Аркадьевны Герасименко, Татьяны Егоровны Шаповаловой и многих других.

Ваши бывшие студенты и аспиранты, выпускники МОПИ – МПУ – МГОУ – навсегда сохраняют в своей благодарной памяти слова и дела Л.Ф. Федоренко, Н.А. Кондрашова, М.Ф. Дудникова, М.Ф. Тузовой и многих-многих других Учителей с большой буквы.

Московскому государственному областному университету – БЛАГОДАРНОСТЬ! СЛАВА! ПОЧЕТ!

Доктор филологических наук, профессор,
проректор Московского государственного
университета печати им. Ивана Федорова



Маркелова Т.В.

Глубокоуважаемый Павел Александрович Лекант!

Коллектив Нового гуманитарного института сердечно поздравляет Вас и возглавляемую Вами кафедру современного русского языка с 80-летием Московского государственного областного университета, в стенах которого проходит Ваша научная и педагогическая деятельность.

Мы высоко ценим научно-исследовательские достижения Вашей кафедры и Ваш личный вклад в разработку фундаментальных узловых проблем современного языкознания, без решения которых было бы невозможно дальнейшее развитие отечественной науки. Большую роль в распространении информативно-концептуального поля созданной Вами научной школы играет журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология» – одно из самых авторитетных научных изданий страны, включенных в перечень ВАК. Круг авторов журнала не замыкается только аспирантами и профессорами МГОУ: он открыт для научных обсуждений и дискуссий, что является ярким свидетельством тесного взаимодействия коллектива журнала с отечественными и зарубежными лингвистами.

Желаем Вам и Вашему коллективу дальнейших творческих подъемов, реализаций самых смелых и новаторских замыслов, а читателям журнала – новых интересных и ярких публикаций!

Ректор Нового гуманитарного института,
доктор филологических наук профессор



Т.С. Мони́на

Милый, незабвенный МОПИ!

Стоишь в центре моей московской жизни! Как я благодарен Тебе за все! За открытие мира литературы и русского языка, истории России, за то, что именно в Твоих стенах я встретился с будущей верной мне и красивой женой.

Ты не учил нас зарабатывать деньги, Ты учил нас любить детей и Родину!

Кланяюсь и вспоминаю Тебя всегда, и радостно становится на сердце, что я Твой выпускник.

*На небе звезды – веснушки!
Стынут на щеках зорь.
Не могу головы от подушки
Оторвать –
Вот проклятая хворь.
Ах, сегодня Григорий Львович –
Самый лучший лектор на свете!
Ах, сегодня наш Абрамович
Будет с лекцией двадцать третьей!
Нет, довольно в кровати сети
Забываться гриппозным сном.
Еду, будто в больничной карете,
На трамвае 37-м!*

Крупин В.Н. Выпуск 1967 года



* * *

*На всю Россию раструби:
Свезло ж нам в ы п у с т и т ь с я, братцы!
Готов в истории остаться
как скромный выпускник МОПИ*.*

*Наш вуз,
наш бренд сравнить буквально не с кем –
Мы, нужно подписавшийся*

Вишневский

Дорогие друзья!

Из недостижимой теперь дали юности, как свет самой яркой звезды в ночном небе, видится мне родной МОПИ с незабываемыми лекциями-откровениями, лекциями-гимнами родной литературе и русскому языку, лица любимых педагогов: Григория Львовича Абрамовича, Зои Тихоновны Гражданской, Владимира Николаевича Богословского, Григория Александровича Хабургаева, Анны Федоровны Дружининой, Анны Михайловны Новиковой, Ульриха Рихардовича Фохта...

Вспоминая самый лучший педагогический вуз страны, вновь и вновь испытываешь тревогу сессий и радость покоренных вершин, песни с друзьями у ночного костра на картошке, поездки с однокурсниками в детский дом, подготовку рукописного журнала «Молодо-зелено», любимых непослушных детей в Евпаторийском пионерском лагере, взгляды дорогих глаз на лекции с последней парты...

МОПИ! Мы обязаны Тебе всем: своими знаниями, дружбой и любовью, которой Ты озарил, профессиональной, ставшей делом жизни, успехами, которые мы достигли. Ты в сердце, пока мы живы!

Дай Бог идущим вслед испытать то же!

Главный редактор журнала
«Литература в школе»



Н.Л. Крупина

* Вариант: хотя б как выпускник МОПИ.

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 808.1

Голованева М.А.

Астраханский государственный университет

КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РУССКОЙ ДРАМЕ АБСУРДА КОНЦА XX ВЕКА

M. Golovaneva

The Astrakhan State University

COMMUNICATIVE-COGNITIVE POTENTIAL OF SPECIFIC TEXT ELEMENTS IN RUSSIAN ABSURD DRAMA OF LATE 20TH CENTURY

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления коммуникативно-когнитивного потенциала специфических текстовых элементов в русской драме абсурда конца XX века, участвующих в образовании абсурда: фрагментарных повторов, вставных элементов, интертекстуальных включений, метатекстовых элементов, фрагментов с описанием вовлечения зрителей в сценическое действие пьесы. Исследование свидетельствует о том, что в процессе создания подобных текстовых конструкций автором реализуются специфические коммуникативные речевые стратегии, проводимые с помощью соответствующих тактик. Следовательно, коммуникативно-когнитивный потенциал рассмотренных текстовых элементов объективно значим и эффективно используется в авторской дискурсивной практике.

Ключевые слова: текст, коммуникативно-когнитивный потенциал, коммуникативные речевые стратегии и тактики.

Abstract. The article is devoted to the identification of communicative and cognitive potential of specific text elements in the Russian absurd drama of the twentieth century, involved in the formation of the absurd: *the fragmentary repetition, insert elements, intertextual inclusions, metatext elements, fragments, describing the involvement of the audience in the action on stage.* The study suggests that in the process of creating such texts the author implements a specific communicative speech strategy, using for that appropriate tactics. Consequently, communicative and cognitive potential of the considered text elements is significant and is effectively used in the author's discursive practice.

Key words: text, communicative-cognitive potential, communicative speech strategy and tactics.

В русской драме абсурда конца XX в. феномен абсурда образуется не только на уровне языка, но и на уровне текста. Специфические элементы, участвующие в преобразовании текстовой структуры пьесы, имеют коммуникативно-когнитивный потенциал, отражающий возможности авторского сознания в объективации когнитивных порождений, соответствующих реалиям изображаемой объективной действительности.

Цель данной работы заключается в определении этого коммуникативно-когнитивного потенциала, из чего вытекают задачи выявления подобных текстовых элементов в наиболее

репрезентативных драматургических текстах; анализ их коммуникативной роли (участие в реализации авторских речевых стратегий и тактик) и когнитивного вклада в драматургический дискурс.

Актуальность исследования связана с назревшей необходимостью проявить более пристальное лингвистическое внимание к художественной диалогической коммуникации в рамках антропоцентрических коммуникативной и когнитивной парадигм, а также с недостаточным количеством лингвистических работ о феномене абсурда в драматургическом тексте.

«Абсурд [лат. *absurdus* ‘нелепый’] – бессмыслица, вызванная неправдоподобием и алогизмом речи» [11, с. 73]. Лингвистическая природа абсурда исследовалась в наиболее значительных работах Ю.Д. Апресяна [1], Н.Д. Арутюновой [2], Е. Бабаевой, Ф. Успенского [3], Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелёва [4], И. Дюшен [8], И.М. Кобозевой [10]. Однако феномен образования абсурда при оперировании пространственными текстовыми структурами исследован мало. В нашем представлении, *драматургический текст – это текст, являющийся продуктом дискурсивной деятельности двух сознаний – авторского и предполагаемого читателя, который отличается от текста недраматургического размещением метатекста внутри текста пьесы как формата знания*^{*}.

Повторы фрагментов различного объёма – одно из основных текстовых средств, обеспечивающих абсурд в пьесах абсурда. Так, в пьесе А. Иванова «Бес» [9] встречаем ряд фрагментов, являющихся «кочующими вставками». Например, данная ниже выдержка повторяется в тексте пьесы трижды через произвольные промежутки основного текста: *Г о л о с а. – Где мы? Ничего не видно... – До костей промёрзла! – Есть тут кто живой? Хозяин! – Кажется, здесь тепло... Люди, от-*

зовитесь! – Хоть спичку кто-нибудь зажгите, мужчины! – Сейчас... Руки не слушаются... Вспыхивает крохотный огонёк, выхватывая из темноты несколько лиц. К р и к. Ой, смотрите! Возле огонька появляется указующая рука. Пламя гаснет. В наступившей темноте отчётливо видны два горящих красным огнём глаза. П р и г л у ш ё н н ы й г о л о с. Я боюсь, мама!

Пьеса-мистификация вызывает у читателя ощущение недоверия к себе из-за неожиданного повторения уже прочитанного материала, а затем страха, что пугающие фантастические события пьесы воздействуют на сферу его эмоционального и интеллектуального восприятия. Авторская коммуникативная *тактика возбуждения страха* базируется на осуществлении приёма **фрагментарного повтора**. Именно такие повторы, создающие атмосферу нагнетаемого безумия, раздражения читателя от потери основной мысли, прерванной повторяющимся элементом, создают абсурд. По замыслу автора, данный приём должен способствовать когнитивному освоению читателем образов реальной жизни, в которой абсурдный повтор большей части событий составляет основу, и хаотическое брожение мелких повторяющихся событий внутри них есть бытийное наполнение жизни. Текстовые фрагменты, включающие в себя монологи, диалоги, полилоги персонажей и претерпевшие подобные трансформации, отличаются разной степенью активности внутренней драматургической коммуникации и абсурда в них, однако в отношении читателя коммуникативная цель автора заключается в усилении главного *прагматического эффекта привлечения внимания*, что соответствует коммуникативной речевой стратегии, проводимой посредством *тактики возбуждения удивления*.

Вторая разновидность текстовых операторов – **вставные элементы** – в пьесах абсурда являются самостоятельными сюжетными образованиями. Действующие лица таких конструкций могут оставаться в прежнем составе в различных фрагментах, однако буквального повтора текста они не содержат. Их функция,

^{*} Метатекст – текст, элементы и структуры которого соотносятся с ситуацией общения и раскрывают специфику речевого поведения говорящего [18, с. 304]; Метатекст – «высказывание о самом высказывании» [5, с. 404].

по авторской интенции, – внести полифонию в драматургический текст, раздробить магистральную тематическую линию переключением на микротемы, усложнить диалогическую организацию пьесы. Так, в следующем примере [цифрой (2)] обозначено начало зоны вставного элемента, где микротема касается объекта диалога основных персонажей – Коли. Однако персонажи вставного элемента – *Первая* и *Вторая* [старушки] – развивают микротему «тиражирования» объекта, что представляет из себя абсурд факта, смысловой (семантический) абсурд: (1) Б а р с у к о в. *Колю арестовали. Е л и з а в е т а С е р г е е в н а. Как, за что? Б а р с у к о в. Мой бедный мальчик...* (Из-за его спины выглядывают две старушки.) (2) П е р в а я. *Смотри – вон Коля. В т о р а я. И вон Коля. П е р в а я. И там Коля. В т о р а я. И там, там, там. П е р в а я. Ах, сколько их. В т о р а я. Их никто. П е р в а я. Их ещё, ещё, ещё. В т о р а я. О, майн гот. П е р в а я. Коля, Коля, Коля. В т о р а я. Не зови его, не зови.* (Скрываются в коридоре) (1) Е л и з а в е т а. *С е р г е е в н а. Как это произошло?* (О. Мухина «Ю» [12]).

Иллюстрацией вставных элементов, вносящих в пьесу колорит всеобщего безумия, является фрагмент из пьесы В. Сорокина «Юбилей» [17], где спектакль, разыгрываемый персонажами, периодически прерывается Г о л о с о м для осуществления бессмысленных действий: Г о л о с. *Внимание! Время крика во внутренние органы А.П. Чеховых. Н и н а (подходит к столу, берёт сердце, опускается на колени, кричит в сердце) Вотробо! Вотробо! Вотробо! И в а н о в (подходит к столу, берёт печень, опускается на колени, кричит в печень) Пашо! Пашо! Пашо! Пашо! Пашо! Речевые акты данного вставного элемента не могут быть квалифицированы как директивы, комиссивы, экспрессивы и т. п. в системе речевых актов, а также охарактеризованы как какие-либо речевые поступки, т. к. речевая деятельность персонажей не выражает никакого коммуникативного смысла. Кроме того, данные речевые акты не имеют коммуникативного результата и не являются коммуникативно вынуждающими*

для других персонажей, не порождают нового знания у других участников внутренней драматургической коммуникации. Таким образом, текстовый элемент в коммуникативно-когнитивном отношении представляет собой инородное вкрапление, не требующее речевой реакции и полностью подчиняющееся микротеме сумасшествия. Следовательно, стремление автора отразить включённость современного человека в мир «сумерек сознания» реализуется при проведении *тактики погружения в область безумного* при помощи создания вставных элементов пьес.

Эпатаж читателя бессмысленностью коммуникации персонажей обусловлен реализацией одноимённой *тактики* в границах коммуникативной *семантической стратегии дискредитации современного общества* вследствие порождения когнитивных параллелей. Авторские *тактики эпатажа* читателя и возбуждения в его сознании эмоционального, этического и нравственного *неприятия* явлений абсурдных речевых действий персонажей во вставных элементах проводятся в рамках реализации главной *риторической стратегии привлечения внимания*.

Интертекстуальные включения в драме абсурда – третий текстовый оператор в условиях создания абсурда. Так, *коммемората** на основе стихотворения М. Светлова «Родное имя» в пьесе В. Сорокина «Землянка» [16], по замыслу автора, призвана организовать такое когнитивное пространство в сознании читателя, в котором концептуальные образования, порождённые общеизвестными строками о великом вожде должны, но не могут совместиться с когнитивными структурами, связанными со словами-вставками (**нонсенсами** [11, с. 462]). Конфликт великого (в традиционном восприятии) и низкого (в силу бессмысленности и неуместности) образует сигнал об абсурде. Абсурд изображённого интерпретируется читателем или отвергается, однако его существование однозначно от-

* Коммемората (реминисценция) – включение в ткань повествования чужого текста (чаще всего известного и несколько трансформированного) без указания на его авторство [18, с. 517].

мечается: П у х о в (Разворачивает газету, жуя кусок хлеба, принимается читать.) *Имя Ленина снова и снова **влипаро** повторяет великий народ. И как самое близкое слово **унаро** имя Ленина в сердце живёт. И советская наша держава **барбидо**, и великих побед торжество – это Ленинский гений и слава **карбидо** и бессмертное дело его. Мы в работе большой не устанем, **моркосы!** И сильнее нашей Родины нет, если партии тёплым дыханьем **обросы** каждый подвиг народа согрет.*

Метатекст в драме абсурда является таким элементом, представляется той составляющей, которая расширяет коммуникативно-когнитивное пространство драмы, превращает пьесу из «плоского» текстового явления в объёмное, служит основой для когнитивного освоения читателем путей сценического воплощения драматургического действия. Присутствие авторской оценки сценической интерпретации текста противоречит канонам драмы, поэтому абсурдность содержания, подчеркнутая авторским метатекстовым вкраплением о нестандартности пьесы, усиливается: «От автора: ... честно говоря, я совершенно не верю, чтобы это хоть один раз появилось на нашей прославленной сцене» (Е.Ф. Сабуров «Двойное дежурство в любовном угаре» [15]). Здесь в границах паратекста (нерепликового фонда) посредством реализации **вердиктива** (выражения сомнения) драматург проводит *стратегию привлечения внимания тактикой посвящения читателя в авторские размышления о востребованности пьесы*. Репликовый фонд пьесы также может содержать метатекст: П о д п л ё к о в. *Вот именно, что публика ждёт. Публика ждёт от вас гражданских и реалистических произведений, а вы какой-то чушью занимаетесь. Модерн какой-то придумали. Театр, понимаете ли, абсурда. Глупость такую придумали – зрителей на сцену таскать. Да я такую мерзость и смотреть не желаю* (В. Войнович «Трибунал» [6]).

Следует отметить, что метатекстовые элементы драмы абсурда не являются фактами алогизма речи или неправдоподобия. Напро-

тив, это реакция автора, персонажей и предполагаемых адресатов пьесы на содержание драмы абсурда. Их функция – акцентирование внимания на наиболее репрезентативных проявлениях абсурда. Авторская диалогическая стратегия вовлечения читателя в драматургический диалог достигает при этом наибольшей эффективности.

Специфическим коммуникативно-когнитивным эффектом обладает авторский **приём вовлечения зрителей в сценическое действие пьесы**. Например, в пьесе В. Дьяченко «Женщина в стиле “Осень”» [7] все зрители погибают; в пьесах Е. Попова «Предтеча» [13] и Д. Пригова «Пятьдесятая азбука» [14] они участвуют в драке с актёрами, развернувшейся в зрительном зале после спектакля: (1) *Ремарка: ... с невероятным грохотом стены и потолок обрушиваются к чёртовой матери, ни один из зрителей не уходит живым. Пауза. Неподвижная, спокойная, возможно, мёртвая, Дама стоит на сцене в полном одиночестве и прозрачности...* (2) **П у б л и к а. Пустии! В о с и я н о в ы. Не пушуй! П у б л и к а. Ах, так?! Свалка. Звон и бой предметов. В о с с и я н о в ы. Ой-ой-ой!;** (3) *Ремарка: выбегают 270-й, 271-ый, 272-й, 273-ий с ружьями наперевес. **Весь зал вскакивает с шумом, криком, грохотом опрокидываемых кресел и стульев, убегают, тогда вскакивают все вплоть до 300-го и 300а, 300б и 300в, и 300г, начинается смертопобоище.*** Организация смыслового пространства пьесы с акцентированием болевых точек социума (насильственная смерть, разрушение, насилие), с объективированием в тексте соответствующих им когнитивных структур, обусловлена тотальным насилием и разрушением в объективной реальности.

Вовлечение зрителя в орбиту хаоса и смерти параллельного драматургического мира есть элокутивно воплощённый абсурд факта, который обеспечивается в данных ситуациях выходом драматурга за пределы строго разграниченных внешней и внутренней коммуникации пьесы (автор-читатель/зритель; персонаж-персонаж).

Так, вступая в контакт с персонажами, зритель (а это иная, физически воплощённая

в условиях хронотопа спектакля ипостась читателя) включается во внутреннюю коммуникацию пьесы, что является абсурдным. Коммуникативная аномалия, порождённая при реализации авторских коммуникативных стратегий: *диалоговой (вовлечения читателя в драматургический диалог, прагматических самопрезентации, формирования эмоционального настроения, эстетического внимания); риторической (привлечения внимания)* – является умышленным действием, обеспечивающим проведение названных стратегий. Рабочей тактикой при этом является *тактика эпатажа читателя*.

Таким образом, текстовая организация русской драмы абсурда конца XX века отличается рядом специфических черт. Для объективации когнитивных структур, порождённых эпохой социально-исторического слома, в драме абсурда функционируют *фрагментарные повторы, вставные элементы, интертекстуальные включения, метатекстовые элементы, фрагменты с описанием вовлечения зрителей в сценическое действие пьесы*. В процессе создания подобных текстовых конструкций автором реализуются специфические коммуникативные речевые стратегии, проводимые с помощью соответствующих выявленных тактик. Следовательно, коммуникативно-когнитивный потенциал специфических текстовых элементов объективно значим и эффективно используется в авторской дискурсивной практике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, Наука, Восточная литература, 1995. – С. 598-621.
2. Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3-19.
3. Бабаева Е., Успенский Ф. Грамматика абсурда и абсурд грамматики // Русский авангард в кругу европейской культуры: Тезисы и материалы междунар. конф. (Москва 4-7 янв. 1993 г.). – М.: Радикс, Научн. Совет по истории мировой культуры РАН, 1994. – С. 145-151.
4. Булыгина Т., Шмелёв А. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста: сб. науч. тр. / Ин-т языкозн. АН СССР. – М.: Наука, 1990. – С. 94-106.
5. Вежицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. – М.: Прогресс, 1978. – С. 259-336.
6. Войнович В. Трибунал. Малое собрание сочинений: В 5 т. – Т. 4. – М.: Фабула, Рапид, СИА-БАНК, 1995. – С. 5-48.
7. Дьяченко В. Женщина в стиле «Осень»: Пьеса // Современная русская литература: хрест. для средней и высшей школы. – Астрахань: Изд-во Астраханского пед. ин-та, 1995. – С. 604-632.
8. Дюшен И. Театр парадокса. – СПб., 1991. – 298 с.
9. Иванов А. Бес // Современная драматургия. – 1992. – № 3-4. – С. 23-51.
10. Кобозева И.М. Прагмасемантическая аномальность высказывания и семантика модальных частиц // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990. – С. 194-203.
11. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2007. – 940 с.
12. Мухина О.Ю. [Электронный ресурс] // Театр: [сайт]. [1997]. URL: <http://www.theatre.ru/drama/muhina/index.html> (дата обращения: 13.03.2010)
13. Попов Е. Предтеча // Стрелец: альманах литературы, искусства и общ.-политич. мысли. – Париж-Москва-Нью-Йорк: Третья волна, 1992. – С. 44-78.
14. Пригов Д. Пятидесятая азбука // Театр. – 1992. – № 8. – С. 181-191.
15. Сабуров Е.Ф. Двойное дежурство в любовном угаре // Восемь нехороших пьес: сб. пьес. – М.: В/о «Союзтеатр» СТД СССР, 1990. – С. 79-115.
16. Сорокин В. Землянка // Современная драматургия. – 1994. – № 3. – С. 55-70.
17. Сорокин В. Дисморфомания // В. Сорокин. Капитал. Полное собрание пьес. – М.: Захаров, 2007. – С. 154-198.
18. Старичёнок В.Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2008. – 811 с.

УДК 81'42

Кожин А.Н.

Московский государственный областной университет

ПОВЕСТВОВАНИЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СУБЪЕКТА РЕЧИ

A. Kozhin

Moscow State Regional University

NARRATION IN THE LIGHT OF UNCERTAINTY OF THE SUBJECT OF SPEECH

Аннотация. На материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» рассматриваются отдельные особенности повествования, которые исходят от своеобразного рассказчика: он указывает на ограниченность знания при оценке поступков героев.

Повествование разворачивается сквозь призму неопределенности рассказчика, само изображение предстает как плавный переход от одного описания к другому и тем самым одно и то же явление воспринимается и оценивается по-разному, поэтому неопределенное обретает ясность и определенность.

Ключевые слова: неопределенность, субъект речи, событийная данность, кажимость представляемого, полифоничность, сверхфразовое единство.

Abstract. Basing on the novel by F. Dostoevsky "The Brothers Karamazov" the author studies some of the features of narration, that come from narrator's characteristics: he points to the limited knowledge in the evaluation of characters' actions.

The narrative unfolds through the prism of the narrator's uncertainty, the image itself appears as a smooth transition from one description to another, and thus the same situation is perceived and evaluated differently, so uncertain gains clarity and certainty.

Key words: uncertainty, the subject of speech, event-triggered reality, simulative representation, polyphony, extra-phrasal unity.

Художественное мастерство Достоевского понимается не одинаково. В трудах одних ученых оно сводится к изобразительности группы слов, других – к роли грамматических конструкций.

В работе Д.С. Лихачева «Внутренний мир художественного произведения» [7, с. 85-86] слова *вдруг, впрочем, несколько, некоторый, довольно, словно, как будто, какой-то, вроде, не совсем* и др. рассматриваются как средство выражения индивидуального своеобразия языка Достоевского. Но в книге В.В. Виноградова находим следующее: «Трудно составить из сцепления или повторения этих слов какое-нибудь хотя бы очень приблизительное представление о стиле Достоевского» [1, с. 22].

В статье Е.Н. Руднева «Концепт *болезнь* как лейтмотив романа Ф.М. Достоевского "Идиот"» «ставится акцент на значимости универсальных концептов, в роли которых выступают слова *добро, зло, воля, безволие, любовь, ненависть*» [10, с. 231-234].

В работе Ю.Н. Караулова «Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского» [5, с. 244-245] указываются средства, используемые в сочинениях Достоевского для создания «эффекта неопределенности»: неопределенные местоимения и наречия, союзы, частицы (*однако, иногда, не то чтобы*), синтаксические конструкции: *известно было* и др. Кроме того, подчеркивается значимость противопоставления элементов текста, что понимается как неопределенность, свидетельствующая о характере восприятия изображаемого.

В иных исследованиях подчеркивается значимость точки зрения повествователя как истолкователя событий. Структура повествования «включает характеристику субъекта речи, а также "голоса" персонажей, дополняющих повествователя (рассказчика), учитывает их точ-

ки зрения, взаимодействие которых придает объемность внутреннему миру произведения» [8, с. 6].

Отмечается даже и то, что изображение событий в произведениях Достоевского весьма своеобразно. Обращается внимание на значимость разновидности повествования: субъективного, объективного, объективно-авторского, объективно-неавторского, повествования с эпическим или лирическим рассказчиком [4, с. 196], житийного, исповедального, литературно-нейтрального [9, с. 344] и т. п. Более того, обращается внимание на своеобразие типов повествования, которые отличаются «мерой конкретности повествования, характером позиции повествователя, характером адресата» [6, с. 3, 328].

В художественной системе Достоевского просматривается тенденция к смещению устойчивых форм повествования, предопределяемая позицией повествователя, его тяготением то к всезнающему автору, то к позиции заданного автором рассказчика.

Повествование в произведениях Достоевского полифонично: «Одни и те же события преломляются через множество разных сознаний» [6, с. 285].

Мы предпринимаем попытку уточнить некоторые аспекты развертывания художественного изображения сквозь призму повествователя, в роли которого может быть названный или неназванный рассказчик.

Рассказчик проступает в приемах организации текста и предстает как субъект речи. Таким образом пропускается сквозь призму рассказчика и тем самым раскрывается душевный мир персонажей.

При таком повествовании приоткрывается сознание персонажей: что-то неясное становится более ясным, более определенным. Само изображение развертывается скачками, посредством намеков, определяющих плавный переход от одного описания к другому при изображении какого-то события.

Думается, что такое повествование можно понимать как художественный прием, позволяющий представлять изображаемое сквозь призму неопределенности как исходной сту-

пени точного, определенного, а порой не простого, но более сложного описания.

Рассказчик в романе «Братья Карамазовы» дает предисловие «От автора», выступая при этом в роли автора, что можно понимать как намёк на тяготение к всезнающему автору. Более того, рассказчик подчеркивает, что ему как непосредственному наблюдателю трудно представить своего героя, поэтому приходится быть в «некотором недоумении <...> сам знаю, что человек он отнюдь не великий <...> пожалуй, и деятель, но деятель неопределенный» [2, с. 9, 10].

Описание событий сопровождается замечаниями рассказчика, указывающими на ограниченность знания или же на возможность оценивать поступки литературных героев: подробностей не знаю, доподлинно не знаю, положительно известно, забегаю вперед, вот мое мнение.

Такой повествователь держит читателя в напряжении, представляя изображаемое сквозь призму неопределенности.

Изображение начинается с описания семьи Федора Павловича Карамазова, но такая семья называется семейкой, более того, довольно странной семейкой: отец семейки – шут из шутов: «Явилась, например, наглая потребность в прежнем шуте – других в шуты рядить» [3, с. 145, 147].

У такого отца было три сына: старший Дмитрий (Митя), второй Иван, третий Алексей (Алеша).

Митя «слишком уж жизнь полюбил, так слишком, что мерзко» [3, с. 505]. Иван учился в университете, стремился понять суть бытия. Алеша был послушником, восторженно принимая поучения старца Зосимы, смерть которого вызвала душевный разлад, и он покинул монастырь.

Братья хотели избавиться от такого родителя, и это проступает в сценах, проясняющих, что старший сын не причастен к смерти отца: «Хотел убить <...> но в убийстве старика отца – невиновен» [3, с. 572].

Сквозь призму неопределенности (переживания Мити) прокручивается причастность лакея Смердякова к убийству главы се-

мейки: Смердяков не мог убить – он «человек низжайшей натуры и трус» [3, с. 569], но он «несомненно убил, это мне теперь ясно как свет» [3, с. 605].

Второй сын хотел быть ученым, пописывал статейки, пытался понять суть происходящего, но осмысление постигаемого порождает рой сомнения: «Принимаю бога и не только с охотой, но, мало того, принимаю и премудрость его <...> я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю» [3, с. 295].

Та же двойственность героя проступает в его поэме «Великий инквизитор», где изображаемое подается сквозь призму неопределенности. Появление Христа на испанской земле восторженно приветствуют ликующие люди, но при появлении кардинала «толпа моментально» склоняется головами перед великим инквизитором. Стражи уводят Христа в темницу, но затем инквизитор отпускает пленника и говорит: «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе ... никогда, никогда!» [3, с. 330].

Сквозь призму неопределенности подаются ситуации, раскрывающие отношение Ивана к Смердякову. Фраза лакея «С умным человеком и поговорить любопытно» предстает в роли камертона, постепенно упрочивающего осмысление, что умным оказывается лакей, хотя Иван стремится подавить доводы лакея оценочной весомостью слов *дурак, идиот, мерзавец*, но при этом поступает так, что до лакея долетает другое: «Прочь, негодяй, какая я тебе компания, дурак!» – полетело было с языка его, но, к величайшему удивлению, слетело с языка совсем другое: «Что батюшка, спит или проснулся? – тихо и смиренно проговорил Иван» [3, с. 886].

Визиты Ивана к Смердякову завершаются тем, что лакей советует ему быть умным и наконец, подводит к самому страшному: «Вы убили, вы главный убийца и есть, а я только вашим приспешником был <...> с вами вместе убил-с, а Дмитрий Федорович как есть безвинны-с» [3, с. 11].

В состоянии страха душевной подавленности Иван заявляет на судебном заседании: убил отца Смердяков, он «убил, а я его научил убить» [3, с. 225].

Та же неопределенность проступает в «Эпилоге» романа: подчеркивается надежда на выздоровление Ивана, если осужденный брат Митя решится бежать [3, с. 316].

Описание событий при таком изображении (сквозь призму неопределенности рассказчика) ведется посредством противопоставления: за описанием одного и того же события следует другое описание. Такое противопоставление следует понимать как указание на несхожесть или противоречивость изображаемого.

Таким образом повествователь выдает свое отношение к предмету изображения, занимая при этом двойственную позицию.

Наблюдения над своеобразием текста свидетельствуют о том, что описание какого-то события предстает как сложное синтаксическое целое, как сложное сверхфразовое единство, реализующее образную кажимость совокупной содержательностью единиц языка.

Повествование сквозь призму неопределенности субъекта речи (рассказчика) можно понимать как событийно-текстовое. В подтверждение обратимся к описанию, раскрывающему состояние Ивана после третьего свидания с лакеем Смердяковым. Незначительный по объему текст [3, с. 158-159] состоит из слов и грамматических конструкций, порождающих представление о состоянии мятущегося героя: как поступить? Сказать или не сказать о признании Смердякова? Как это представить? Сочетаемостью слов в данном тексте формируются фразы, посредством которых разворачивается изображаемое; при этом фразы нацелены на противопоставление чего-то смутного, не вполне осознаваемого: «стал шататься» и «почувствовал в себе какую-то бесконечную твердость», но «встал и прошелся по комнате».

Событийная данность другого текста «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» [3, с. 159-181] обретает образную зримость в организации речевых средств, ориентируемых на фразовую весомость слов, посредством которых высвечивается борец душевных сил мятущегося героя.

Одни фразы формируются из слов, намекающих на причастность героя к учености: *квадриллион, квадриллион квадриллионов, квадриллионовая степень, формула, геометрия, химическая молекула, протоплазма* и др.

Другие фразы втягивают оценочный потенциал слов, оттеняющих реакцию героя на доводы своего странного собеседника: *дурак, негодяй, осел, глуп, дозволено, шабаш* и др.

Неустойчивость сознания героя проступает как неопределенность фиксируемого поведения. Иван принимает доводы странного гостя (черта, приживальщика): «Ты – я, сам я; только с другою рожей»; «Это я, я сам говорю, а не ты» [3, с. 164]. Но при этом Иван пытается избавиться от навязчивой аргументации гостя, стараясь воспринимать это как сон, как галлюцинации. Настойчивый стук в окне выводит Ивана из бредово-сонного состояния, но в то же время он стремится осмыслить виденное: «Нет, клянусь, это был не сон, это все сейчас было» [3, с. 184]. Но он вновь охвачен волной сомнений: «Час назад повесился Смердяков», – ответил ему со двора Алеша» [3, с. 187]. Таким образом, текстовая организация единиц языка предстает как сверхфразовое единство, содействующее прояснению неопределенности и достижению колоритности изображения как событийной данности, кажимости представляемого, определяющей разворачивание данного отрывка как части художественного произведения.

Повествование в данном произведении Достоевского предстает как сложная система отбора и организации единиц языка (слов, грамматических конструкций), направленная на осмысление неясного, неопределенного,

на достижение более точного, ясного понимания.

Одно и то же событие в произведениях Достоевского оценивается и представляется по-разному: «многократное освещение одних и тех же событий – характерная особенность стиля Достоевского».

Мы полагаем, что повествование сквозь призму неопределенности субъекта речи может содействовать прояснению художественного мастерства Ф.М. Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 2005. – С. 22.
2. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в десяти томах. – М., 1958. – Т. 9. – С. 9, 10.
3. Достоевский Ф.М. Собр. соч. в десяти томах. – М. 1958. – Т. 10. – С. 145, 147.
4. Иванчикова Е.А. Рассказчик в повествовательной структуре произведений Достоевского // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения В.В. Виноградова. – М., 1995. – С. 196.
5. Караулов Ю.Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Язык как творчество. – М., 1996. – С. 244, 245.
6. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX-XX вв. – М., 1994. – С. 3, 328.
7. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. – 1968. – № 8. – С. 85-86.
8. Николина Н.А. Поэтика русской автобиографической прозы. – М., 2002. – С. 6.
9. Пономарева Г.Б. О житийности романов Лескова и Достоевского // Современное прочтение русской классической литературы XIX века. – М.: изд-во «Пашков дом», 2007. – С. 344.
10. Руднев Е.Н. Концепт болезнь как лейтмотив романа Ф.М. Достоевского «Идиот» // Отражение русской ментальности в языке и речи. – Липецк, 2004. – С. 231-234.

УДК 81'42; 801.7

Левина В.Н.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ПЕЙЗАЖНЫХ ЕДИНИЦ В СТРУКТУРЕ ФОЛЬКЛОРНОГО ТЕКСТА

V. Levina

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

FUNCTIONAL RELEVANCE OF LANDSCAPE UNITS IN FOLK TEXT STRUCTURE

Аннотация. Для каждого народа характерна своя собственная, уникальная языковая картина мира. Она отражает менталитет, культуру, мировосприятие народа. Это в полной мере реализовано в фольклоре, где накоплены опыт, представления людей об окружающем мире. Пословицы и сказки являются источником исторической памяти языка, знаниями о символическом значении природных реалий, которые вербализованы в текстовых пейзажных единицах. В структуре фольклорного текста пейзажная единица является функционально значимым элементом.

Ключевые слова: теория текста, языковая картина мира, структура фольклорного текста, единицы текста.

Abstract. Every nation has its own, unique linguistic view of the world. It reflects mentality, culture, and world perception of the nation. It is actualized in full in folk literature which accumulates the people's experience and notion of the world. Proverbs and fairy-tales are the source of historic language memory, and the knowledge of symbolic meaning of natural reality which is verbalized in landscape text units. The landscape text unit appears to be a functionally relevant element in the structure of a folk text.

Key words: text theory, linguistic view of the world, folk text structure, text units.

Для каждого народа характерна своя собственная, уникальная языковая картина мира, которая развивается одновременно с формированием человеческого мышления и передает менталитет, культуру, мировосприятие этого народа, что в полной мере реализовано в фольклоре, где накоплены опыт, представления людей об окружающем их мире. Как справедливо указывает в своих исследованиях Е.С. Кубрякова, «язык отражает опыт человека по взаимодействию со средой и <...> именно такой объективированный в языке опыт в своей совокупной целостности образует языковую картину мира» [9, с. 32-36].

Знания о символическом значении, которые закреплены, прежде всего, в наименованиях компонентов пейзажа, были известны русским писателям и естественным образом вводились в художественные тексты. Это подтверждает существование архетипов в русской культурной традиции, так как «любая культура развивается в процессе коллективного освоения материального мира <...> в любой культуре встречаются одни и те же символы, обозначающие основополагающие элементы бытия человека: жизнь и смерть, болезнь и здоровье, силу и слабость и т. д.» [13, с. 356]. Так, Е.Р. Корниенко, говоря о том, что концепты традиционного фольклорного искусства представляют собой часть общенародной культуры, отмечает: «для России типичны такие образы народной культуры, как «белая береза», олицетворяющая русскую природу, а также «свежий ветер», «дорога» – символы простора...» [8, с. 113]. В связи с этим следует обратить внимание и на такую характерную черту фольклорного текста, как речевые стереотипы. Их функционирование в фольклоре, «постоянная реактуализация порождают и структурируют фольклорный текст, специфично объединяющий коллективное

© Левина В.Н.

НИР выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, Государственный контракт № П656 от 19 мая 2010 г.

и индивидуальное, традицию и новации в искусстве устного слова. <...> Слова и речевые формулы в устном творчестве помимо своего номинативного значения обладают традиционно-фольклорным смыслом, обусловленным специфическими особенностями фольклорной традиции: формами обрядности, архаическим мышлением, функциональностью жанров и т. д. Это позволило исследователям выдвинуть идею о семантическом языке фольклорной традиции, своеобразном метаязыке фольклора, в котором стереотипные структурные объединения образуют «грамматическую» парадигму, порождающую фольклорный текст» [2, с. 568]. Все эти элементы являются реализацией фольклорной картины мира, воплощением культурной картины мира народов, в которых представлены в единстве люди, земля, подземное царство, небо, мифологические существа, что передает особенности знаний о мире, опыте поколений. Таким образом, «фольклорная картина мира создается путем преломления мифологических и этнографических элементов через специфическую фольклорную систему шифров посредством обобщения, типизации и перевода культурных смыслов на язык символов, язык поэзии» [1, с. 9].

Современная лингвистика исследует культурообразующую функцию языка, который реализует освоение человеком окружающей реальности в различных типах текстов, среди которых особое место занимает пословичный текст. Русская пословица является одной из наиболее структурно и семантически организованных единиц, благодаря этому она реализует функции, свойственные культуре как системе. Разнообразная тематика русских пословиц затрагивает многие стороны реальной жизни народа, отражает его мировоззрение, отношения в семье и т. п.

Пословицы являются своеобразным выразителем народной идеологии, живущей и развивающейся внутри культуры под влиянием различных факторов. Это порождение живой народной речи, предмет культурного творчества народа, назначение которого выходит за рамки высказывания поучительного свойства.

Пословицы и поговорки являются минимальными текстами, поэтому, несмотря на кажущуюся внешнюю простоту построения, обладают сложной семантикой, порой скрытым глубинным смыслом. Как известно, они служат ценным средством обогащения речи, повышения общей языковой культуры и в то же время играют большую воспитательную роль, но главное для лингвистики – это то, что они являются источником исторической памяти языка, среди которых занимают значительное место природные символы. Это распространенные символы понятия «родная земля», широко представленные как в произведениях фольклора, так и в литературном творчестве национальных писателей прошлого и настоящего.

Рассмотрим это на примере накопленного символического значения понятия «дерево» (родовое понятие) – наиболее частотной единицы информационного поля «пейзаж». Как пишет О.В. Дехнич, «в сознании большинства индоевропейских народов бытует представление о многоэтажной Вселенной, в центре которой находится космическое (Мировое) дерево – ось мира, сердцевина мироздания, интегрирующая весь космос в единое целое. Находясь в сакральном центре мира, оно соединяло три сообщающиеся зоны: небо (ветви дерева), землю (ствол) и преисподнюю (корни). Образ дерева как модели Вселенной существует и у славян. Представления о нем связаны с идеями растительной силы, сезонного цикла, плодородия природы» [5, с. 69]. Дерево является универсальным понятием, поэтому активность этого компонента в языке, особенно в лексике и фразеологии, составляет основу фольклорной и языковой традиции культуры. В процессе познания окружающего мира и собственного бытия, человек обращается к природе, выделяя в ней то, что является для него жизненно важным и необходимым. Деревья имеют особую значимость: они служат строительным материалом, лекарственными средствами, цветущие ветки деревьев и кустарников используются как украшения, плоды многих деревьев съедобны. Например, в «Словаре русских посло-

виц и поговорок» В.П. Жукова мы находим следующий комментарий: «*Лес по дереву не плачет (Смерть отдельных людей не волнует общество в целом)*» [7]. «*Руби дерево по себе (Выбирай себе ровню)*» [7]. «*Лес рубят – щепки летят (В большом деле не бывает без ошибок, недостатков, жертв)*» [7]. «*Не все сосны в лесу корабельные (В коллективе не все обладают одинаковыми достоинствами, не все одинаково хороши)*» [7]. «*Чем дальше в лес, тем больше дров (Чем дальше развиваются события, тем больше возникает трудностей, неожиданностей, осложнений, из которых не легко найти выход)*» [7]. Все эти особенности, так или иначе, сохраняются в значении данного понятия в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля: «**Дерево** или **дрéво** – самое крупное и рослое растение, которое выгоняет от корня один пенё или лесину, и состоит из древесины, древесных волокон, придающих ему плотность и крепость. Меньшие деревья, не достигающие большой толщины, назыв. деревцами, а если лесина коротка и двоится на сучья, то это куст, дерево кустом, кустарное дерево» [4]. В современных словарях это значение несколько утрачивается: «**Дерево** 1. Многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, образующими крону. 2. То же, что древесина. Родословное дерево – родословная таблица» [11].

Следует отметить, что в русской языковой культуре закреплены символические значения деревьев, которые отражены и в словаре В.И. Даля. Например, **осина** имеет отрицательную символику в пословицах: «*Одно проклятое дерево без ветра шумит (осина)*» [4]. «**Осина** – дерево, всего более идет на щепенную деревянную посуду, почему его также зов. баклушей. *Горькая осинушка* (в песнях). *Осина проклятое дерево*» [4]. Но если мы обратимся к словарю С.И. Ожегова, который на протяжении многих лет отражает современное состояние языка, то увидим нейтральное толкование, утратившее фольклорную символическую образность: «**Осина** – лиственное дерево из семейства ивовых. Осинник – осиновый лес» [11].

Дуб в мифологии славян символизирует мужскую силу, твердость. В пословицах, как и в других фольклорных жанрах, дуб нередко отождествляется с мужчиной, а **береза** – с женщиной. При сопоставлении толканий лексемы дуб в словарях В.И. Даля и С.И. Ожегова было отмечено, что фольклорное символическое значение сохраняется в толковании переносного значения в словаре С.И. Ожегова: «**Дуб** 1. Крупное лиственное дерево с крепкой древесиной и плодами – желудями. 2. перен. О тупом, нечутком человеке (разгов.)» [11]. В.И. Даль при толковании использует различные прилагательные, характеризуя это дерево: «**Дуб** – родовое название дерева. Д. простой, обыкновенный. Д. белый, Д. чернильный, Д. чернильноорешковый. Дуб пробковый, бутылочный, пробковое дерево» [4]. Интересным было сравнение толкований лексемы **черемуха** в указанных словарях: «**Черемуха** – дерево с белыми душистыми цветками, собранными в кисти, а также черные, терпкого вкуса ягоды этого дерева. Без черемухи (перен.: без лирики, без нежности) [11]. В словаре В.И. Даля эта лексема не выделена в отдельную словарную статью, а встречается в толковании лексемы **черемный**: «**Черемный** – перм. вят. сиб. чермный, красный, рудой, особ. рыжий, о волосах. Она белолица, весновата и черемна. **Черема** ж. твер. **черемуха**, **черемушка**, **черемха**, **черемушина**, дерево, засадиha, голотуха, колоколуша. *Урожай на черемуху, так и на рожь (оренб.)*. *Когда цветет черемуха, тогда улов на лещей (пенз.)* || *Душистая черемуха*. **Черемушник** собирает. черемховая роща. **Черемнуха** иск. твер. корь, скалатина, или краснуха, сыпь, черемнушка, или черемнушки мн. то же. **Черемуховый**, **черемушный**, **черемховый**, к дереву этому относящ. *Гни сказку готовую, что дугу черемховую! Черемховые вязки. Черемуховая трава, вят. растен. горчак* [4].

Привычной для русского человека реалией окружающего мира была **береза**, она росла у крыльца, под окном дома, встречала его в поле, в лесу. Изделия из березы были привычными и необходимыми предметами быта русского человека. Более того, **береза** являлась симво-

лом согласия при ответе свахи (В.И. Даль), наказания (*накормить березовой кашей; береза ума даст*), ссылки в Сибирь (*услан березки считать*). К березе обращались как в песнях, так и в пословицах: «*Есть дерево об четыре дело: первое дело – мир освещает; другое дело – крик утишает; третье дело – больных исцеляет; четвертое дело – чистоту соблюдает (береза: лучина, деготь на колеса, береста на обхват горшков, банный веник)*» [4]. «*Какова березка, такова и отростка (Каковы родители, таковы и дети)*» [7].

В словаре С.И. Ожегова мы находим такое определение: «**Береза** – лиственное дерево с белой корой и с сердцевидными листьями. Березняк – березовый лес. Берёзовик – съедобный гриб с коричневой шляпкой, подберезовик» [11]. Ср.: «**Береза** – дерево, вид белая, от стар. *бреза*; весьма близкий к белой; вид или порода *береза шерстолистная*, есть и *остролистная*; она из семьи *сережчатых*. *Березу белую* зовут и *веселкой*» [4].

Образ деревьев широко представлен и в сказках, мир которых разнообразен, выражает культурные традиции, способствует нравственному и творческому развитию читателей посредством художественных образов. Как отмечает В.Я. Пропп, «основное место в сборнике А.Н. Афанасьева принадлежит волшебнo-фантастическим сказкам. Это объясняется тем, что фольклористика середины XIX века особое значение придавала волшебным сказкам, считая их наиболее древними и потому особенно ценными. <...> Однако, несмотря на свою фантастичность, сказка выражает высокие жизненные идеалы народа. В волшебных сказках народ создал образы героев – заступников за обездоленных, борцов за правду и справедливость, сильных сознанием своей правоты, прекрасных в своей, не знающей пределов, смелости» в единстве с природой [10].

Как уже известно, язык сказки по своей природе стереотипен так же, как и структура сказочного текста, содержащего следующие элементы: зачин, концовка, сказочные формулы, пословицы, поговорки, афоризмы и др.

В сказочном сюжете находят свое отражение реальные черты народной жизни и быта, что создает философскую и культурологическую основу сказок. Этим во многом объясняются особенности функционирования пейзажных единиц в сказках, безусловно, ярким отражением национальной специфики в которых является образ **березы**. Он, с одной стороны, обозначает пространство, окружающее героя: «*Случилось ему идти лесом, а в лесу стояла старая сухая береза; ветер подует – и береза заскрипит*» («Дурак и береза») [10], а с другой – это полноправный участник происходящих событий, например: «*Березка говорит*» («Баба-Яга») [10]. «*И говорит ему береза человеческим голосом*» («Береза и три сокола») [10]. Еще одним распространенным сказочным образом, который часто встречается в сказках, является **яблоня**, например: «*Стоит яблонь. «Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!» // «Съешь мое лесное яблочко!» Поскорей съела. Яблонь ее заслонила веточками, прикрыла листиками*» («Гуси-лебеди») [10].

Наряду с этим пейзажная единица может входить в состав устойчивых речевых оборотов, так называемых сказочных формул, чаще всего эпитет+субстантив, например: *чистое поле* («Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь»), «Гуси-лебеди», «Солдат и царь в лесу», «Зорька. Вечорка и Полночка», *темный лес* («Гуси-лебеди»), *молочная речка, кисельные берега* («Гуси-лебеди»), *дремучий страшный лес* («Баба-Яга»), *дикий, дремучий лес* («Солдат и царь в лесу») [10]. Семантика используемых эпитетов подчеркивает дуализм взаимоотношений человека и природы: с одной стороны – это страшная сила, которая может ставить препятствия герою, а с другой стороны – это помощь ему, поддержка в трудной ситуации. К устойчивым оборотам можно отнести и выражения типа: «*Стань передо мной, как лист перед травой*» («Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь») [10]. Здесь пейзажная единица входит в состав сравнительного оборота с предикатом в повелительном наклоне-

нии. Сказочные образы и их вербализация в фольклорном тексте фиксируют специфику русского менталитета.

Компоненты пейзажа (деревья, животные, птицы, цветы и др.), являясь действующими сказочными персонажами, отражают языческое представление славян об окружающем их мире. С помощью пейзажных компонентов формируется окружающее пространство в сказке, которое представляют пейзажные единицы с семантикой локальности: «...посадила братца на травке под окошком» («Гуси-лебеди») [10]. «...стоит молочная речка, кисельные берега» («Гуси-лебеди») [10]. «...приехала к реке» («Баба-Яга») [10]. «...лес такой дремучий да страшный» («Баба-Яга») [10]. «...поскакали они в чистое поле» («Солдат и царь в лесу») [10]. «Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь – стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками» («Иван Быкович») [10]. «Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга – в ступе едет, нестом погоняет, помелом след замечает» («Василиса Прекрасная») [10]. Здесь пейзажная единица предвещает появление Бабы-Яги. Такая модель является часто используемой в сказках.

Временное пространство в сказке создают такие пейзажные единицы, как, например: «Пришла осень». «Прошло несколько лет». «Настала ночь». «Утро мудреней вечера» («Василиса Прекрасная») [10]. В некоторых случаях происходит смешение временного и локального типа пейзажных единиц, и тогда перед нами предстает уже более развернутая картина: «Отправились добрые мо'лодцы в путь-дорогу; едут месяц, и другой, и третий, и заехали в широкую пустынную степь. За той степью дремучий лес, а у самого лесу стоит избушка; постучались в окошко — нет отзвья, вошли в двери — а в избушке нет никого» («Зорька. Вечорка и Полночка») [10]. «Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы» («Василиса Прекрасная») [10].

В ходе анализа было обращено внимание на номинативный характер пейзажной еди-

ницы, которая только называет место действия (*поле, лес, степь, у реки* и т. п.), но его подробного описания не дается, то есть идет активное обращение к фоновым знаниям воспринимающего сказку. В связи с этим интересным, на наш взгляд, является и тот факт, что данный прием прослеживается и в прозе современных авторов: происходит сжатие информативного поля пейзажной единицы до одного слова: «... *Еще чаю? Яблони в цвету. Одуванчики. Сирень. Фу, как жарко. Вон из Москвы – к морю*» (Т. Толстая «Милая Шура») [12]. Так называемый минимализм объясняется изменением языкового сознания, являющимся следствием социально-экономических преобразований в обществе. «Информация» стала замещать «знание» и отделяться от живого человека – ее носителя. «Книжная» культура, доминировавшая на протяжении последнего тысячелетия, стала заменяться культурой «экранной» [3, с. 176].

Таким образом, как справедливо отмечает Т.К. Донская, «этнические символы – это исторически сложившиеся в народном сознании заместители предметов и явлений окружающей действительности, имеющие номинативное и эстетическое значение и наделенные глубоким национальным содержанием, отражающим нравственные ценности этноса. Народ (этнос), являясь носителем культурно-языковых ценностей, отражает в родном языке три пласта человеческой жизни: духовность, науку и культуру» [6, с. 73-74]. Выделяются общечеловеческие и этнические ценности, зафиксированные в языке в основном лексическими средствами и получившие с развитием литературного языка символическое поэтическое значение этнического символа. В пословицах и других фольклорных жанрах, а также и в произведениях русских писателей и поэтов XIX, XX и XXI вв. пейзажная единица текста является традиционным поэтическим символом родной земли у русских, символом ее нетленной красоты, отражающим любовь и преданность русского народа своей Отчизне и воспетой им как символ памяти о прошлом и надежды на будущее. Кроме того, подобного рода сим-

волы – «семантическая память культуры» [6]. Пейзажная единица текста – функционально значимый компонент в семантике текста, который несет на себе часто одну из основных коммуникативных нагрузок, обладает многоаспектной информацией, отражает традиционные и новые знания о картине мира.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алещенко Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): Автореф. дисс. ... д-ра филол. н. – Волгоград, 2008. – 23 с.
2. Бралина С.Ж. Речевые стереотипы фольклорного текста // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка: труды и материалы / сост. М.Л. Ремнева и др. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – С. 568-569.
3. Гашева Н.В., Кондаков Б.В. Тенденции развития русской прозы 1990-х гг. Статья первая // Вестник Пермского университета. Серия. Российская и зарубежная филология. – Вып. 5 (11). – 2010. – С. 175-183.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах. М.: Русский язык, 1978. – Т. 1. А-З. – 699 с. – Т. 2. И-О. – 779 с.
5. Дехнич О.В. Концепт «дерево» и языковая картина мира (на материале русского и английских языков) // Мир русского слова и русское слово в мире: мат-лы XI Конгресса МАПРЯЛ / под ред. К. Петровой, А. Пенчевой. – Т. 4. – София, 2007. – С. 68-72.
6. Донская Т.К. Этнические символы как объект филологического анализа текста // Мир русского слова и русское слово в мире: мат-лы XI Конгресса МАПРЯЛ / под ред. К. Петровой, А. Пенчевой. – Т. 4. – София, 2007. – С. 73-75.
7. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – 537 с.
8. Корниенко Е.Р. Сказочные образы русской фольклорной культуры (в аспекте преподавания РКИ) // Мир русского слова и русское слово в мире: мат-лы XI Конгресса МАПРЯЛ / под ред. К. Петровой, А. Пенчевой. – Т. 4. – София, 2007. – С. 113-116.
9. Кубрякова Е.С. Сознание человека и его связь с языком и языковой картиной мира // Филология и культура: мат-лы IV Междунар. науч. конф. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2003. – С. 32-36.
10. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. – М.: Государственное Издательство Художественной литературы (Гослитиздат), 1957-1958. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.ru-skazki.ru> (дата обращения: 16.04.2011).
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.
12. Толстая Т. Женский день: рассказы. – М.: Эксмо, 2009. – 416 с.
13. Чернышов А.В. Архетипы древности в русской культурной традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия. Социология. Психология. Философия. – № 1. – 2010. – С. 349-356.

УДК 82–51

Начёрная С.В.

Тамбовский государственный технический университет

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ КОМПОЗИЦИИ ЗАЩИТИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ

S. Nachernaya

Tambov State Technical University

THE MODEL OF THE DEVELOPMENT OF CAUSE-AND-EFFECT RELATIONS IN THE DEMONSTRATIVE COMPOSITION OF A DEFENSIVE SPEECH

Аннотация. В статье анализируется эпизод текста юридической защитительной речи адвоката С.А. Андреевского как информационного текста, в основе которого лежат причинно-следственные отношения. Причинность рассматривается как логический аспект, состоящий из трёх элементов: причины, причинного действия и следствия. Логико-грамматические отношения развиваются как причинно-следственные в рамках информационной модели, в которой ярко представлена последовательность определённых событий прошлого, настоящего и будущего. Предлагаемый модельный образ защитительной речи помогает восстановить основной смысл текста, его главные структурно-семантические связи, представить развитие текстовой информации.

Ключевые слова: модель, юридический текст, защитительная речь, причина, следствие, детерминация, абстрактный метод.

Abstract. The paper deals with the analysis of a text episode from a judicial defensive speech by a lawyer S. Andreevsky as an informational text, which is based on cause-and-effect relations. The causality is considered as a logical aspect, which consists of three elements: cause, causal action and consequence. The logical-grammatical relations develop as cause-and-effect ones within the limits of information model, in which sequence of certain events of past, present and future is shown. The offered model image of the defensive speech helps to restore the main meaning of the text, its basic structural-semantic relations and represent the development of text information.

Key words: model, judicial text, defensive speech, cause, effect, determination, abstract method.

В качестве исследуемого объекта в лингвистике нередко выступает не текст сам по себе, а так называемый «размеченный текст», который имеет определенные грамматические сведения. Это уже можно назвать минимальным уровнем формализации текста. Более абстрактный метод исследования связан с тем, что текст вообще исчезает и заменяется символами, которые используются при создании определенных динамических моделей. Если модель – это имитация реальности, как считает Ю.А. Гастев [2, с. 339], то степень формализации оказывается довольно значительной.

Каждая модель опирается не на весь язык, а на некоторую его область или на отдельную категорию, в таком случае описание языка предполагает использование разных моделей не только одной области, но и разных научных областей. К модельному представлению обращаются ученые различных специализаций, когда хотят уяснить основополагающие взаимосвязи определенных явлений.

Нас интересует юридический текст защитительных речей как информационный текст, в основе которого лежат причинно-следственные отношения. Логико-грамматические отношения в тексте разворачиваются как причинно-следственные.

Известно, что трактовка причинно-следственных отношений неоднозначна. Понятие «причинно-следственная связь» в своей философской основе имеет огромное значение для

науки, так как данные категории широко используются в различных исследованиях для объяснения установленных зависимостей.

Философские категории «причина и следствие» всегда представляли интерес для исследователей. Они отображают одну из форм всеобщей связи и взаимодействия суждений.

Причина обычно обозначает то, что производит, а следствие – то, что произведено. Причины не просто влияют на свои следствия, а существование следствий зависит от их причин.

Иными словами, то, что здесь или теперь является причиной, там или когда-то становится следствием и наоборот. В реальности существует множество причинных цепей, которые могут взаимодополнять или взаимоисключать друг друга. Значения категорий «причины и следствия» определяются проведением анализа категориального аппарата учения о причинно-следственных связях.

Причинная связь – один из видов универсальной взаимосвязи предметов и явления объективной действительности. Причинность считается всеобщей, потому что причинность выражает детерминацию с точки зрения зависимости настоящего от прошлого.

Прошлое, настоящее и будущее – это категории, выражающие качественную сторону временной последовательности.

Говоря о форме детерминации, можно утверждать, используя позицию Я.Ф. Аскина, что она «характеризует тот конкретный процесс, посредством которого осуществляется детерминация в том или ином случае... Феномен детерминации выступает в своем разнообразии, если даже рассмотреть его только под углом зрения категории времени. При этом существенны именно категории прошлого, настоящего и будущего» [1, с. 35–37].

Именно философское осмысление причинно-следственных связей оказывается особенно актуальным в текстах защитительных речей, где ярко представлена последовательность определенных событий прошлого, настоящего и будущего.

Рассмотрим это на примере защитительной речи Андреевского С.А. «Дело Андреева» (1907 г.). Последовательно, через размышление, раскрытие и принятие ситуации, а не через навязывание своего мнения, адвокат приглашает всех к сочувствию и пониманию, «рисую картину» преступления.

..... едва ли сыщется пара, столь благоустроенная по видимости и столь разобитая внутри, как Андреев и Зинаида Николаевна.

Посмотрим же, каким образом сплелась их судьба. Начнем с мужа

зачин

В первый брак Андреев вступил еще на 23 году. Брак был спокойный, без особенного увлечения

причина



Девушка была из хорошей семьи, на три года моложе Андреева

причина



Супруги зажили дружно

следствие



Андреев оставался верным мужем в самом точном смысле слова

причина



Разнообразие в женщинах он не искал, не любил и даже не понимал

Он был из природы «однолюбов»

причина



Лишь на 35 году перед Андреевым явилось искушение в лице Сары Левиной

причина



Помимо своей воли он был одурманен

следствие



В нем заговорила, если хотите, «вторая молодость», потому что первая прошла незаметно

следствие



то роковое чувство гораздо глубже и полнее захватывает воздержанного и не развратно-

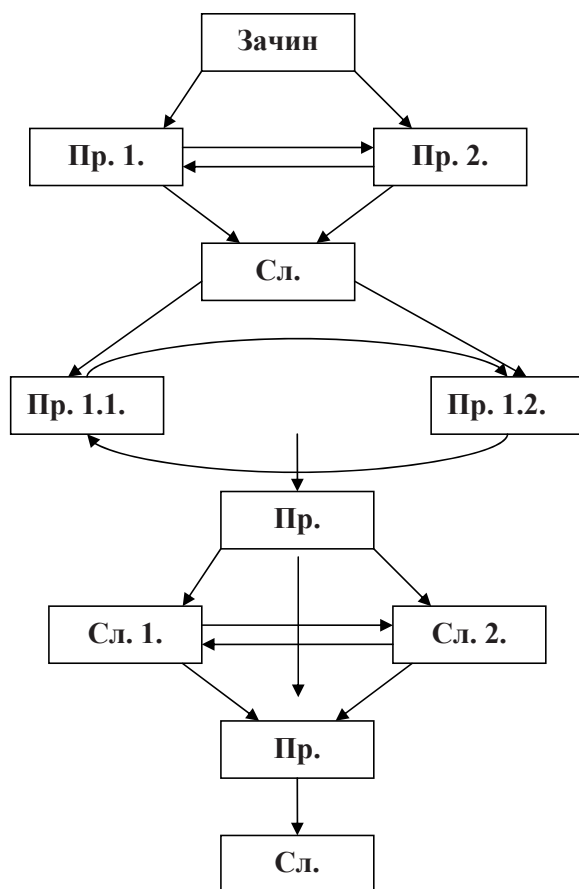
го человека, нежели первое, естественное влечение к женщине

причина

Скромный мужчина, прозевавший бурные страсти юности, в таких случаях думает себе: «Вот оно, наконец, то настоящее счастье, которое, кажется, все знают, а я еще никогда не испытал»

следствие.

Модель развития причинно-следственных отношений в данном случае такая.



В своей защитительной речи, которая выстроена по сквозной цепной связи, адвокат не вступает в противоречие с общепринятыми понятиями, а удачно привлекает внимание к выгодному значению слов, стандарту мышления, наличию общих традиционных знаний.

Вся его речь строится как цепь причинно-следственной информации.

Действие совершено, оно в прошлом, а душевное состояние в настоящем и будущем времени. В связи с этим возникает возможность усилить данное явление. С этой целью дается детальное описание сложных жизненных условий в замкнутом семейном пространстве и свободная, яркая, неординарная жизнь за пределами этого.

Все ситуации действительности, отраженные в каждом предложении, характеризуются как бы с одной стороны, но между собой все они взаимосвязаны, подчинены друг другу. В основе организации текста лежат отношения последовательного подчинения, т. е. «ход зависимостей» (А.М. Пешковский), где признается доминирующая роль подчинения в организации предложений [3, с. 193].

В данном случае модель при сохранении всех видов подчинительной связи начинает играть самостоятельную роль.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аскин Я.Ф. Философский детерминизм // Пособие по диалектическому материализму. – Саратов: СГУ, 1974. – 86 с.
2. Гастев Ю.А. Модель // БСЭ. – М., 1974. – Т. 16. – 615 с.
3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
4. Судебные речи известных русских юристов / Сост. Е.М. Ворожейкин. – М., 1960. – 125 с.

УДК 811.161.1

Осетров И.Г.

Ульяновский государственный педагогический университет

СЛОЖНОЗНАЧНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ КАК ДВУХАДРЕСНЫЙ РЕЧЕВОЙ АКТ

I. Osetrov

Ulyanovsk State Pedagogical University

SYNTHOSEMANTIC STATEMENT AS A DOUBLEADDRESS SPEECH ACT

Аннотация. В отдельных случаях омонимичность высказывания либо задумывается в целях создания подтекста, либо используется для явного столкновения нескольких смыслов. Такие речевые стратегии вносят в предложение элемент сложнзначности, делая его содержание многослойным. Адресуя одну фразу разным аудиториям, говорящий создаёт фрагменты речи, принадлежащие одному тексту, но итожащие разные дискурсы. Будучи одним из средств иррационального освоения мира, сложнзначность, в том числе, является способом укрытия смысла от «непосвящённого».

Ключевые слова. Сложнзначность, неорганическая фраза, высказывание, коммуникативный акт, речевое действие, асимметричный дуализм языковых знаков.

Abstract. In some cases, homonymous of a statement is either conceived in order to create a subtext, or used for the collision of several meanings. These verbal strategies bring an element of synthosemy into a sentence, making its content multi-layered. Addressing the same phrase to different audiences, the speaker creates speech fragments that belong to the same text, but sum up different discourses. Being a means of the irrational development of the world, synthosemy is also a method of hiding the meaning from "the uninitiated".

Key words: synthosemy, inorganic phrase, utterance, communicative act, speech act, asymmetric dualism of a linguistic sign.

Мысль В. Скалички о том, что высказывание не предполагает асимметричного дуализма языкового знака, т. е. не может обладать чертами омонимии, синонимии или тавтологии [6], на первый взгляд, имеет универсальный характер, так как в противном случае нарушенным оказывается одно из требований к завершённым речевым произведениям. Однако, скорее всего, это имеет отношение к так называемым «правилам идеала» и поэтому характеризует прежде всего так называемый «органический» тип фразы, то есть логизированное предложение, предполагающее «полное развитие всех звеньев синтаксической цепочки, рассчитанное не только и не столько на устное, сколько на письменное выражение» [1, с. 9]. Органические высказывания задумываются и осуществляются говорящим таким образом, что возможная асимметричность языкового знака сознательно устраняется, так как это является обязательным системным требованием данного типа фразы. Однако встречаются (и следует сказать достаточно часто) такие, например, случаи, когда

- асимметричность синтаксических знаков изначально задумывается как способ создания подтекста (фраза *А был ли мальчик?* из «Жизни Клима Самгина», создающая смыслы сложной природы в разных частях романа М. Горького);

- асимметричность знака предназначена для столкновения смыслов в целях создания парадокса (например, четверостишие И. Губермана *«Я враг дискуссий и собраний, и в спорах слова не прошу; имея истину в кармане, в другом закуску я ношу»*, где обнаруживается неоднослойность семантики высказывания благодаря взаимодействию встретившегося в тексте выражения *истина в кармане* (то есть «обладание знанием») и подразумеваемой поговорки – *истина в вине*.

© Осетров И.Г., 2011.

Мы считаем, что обладанием свойствами омонимии, синонимии или тавтологии может характеризоваться только тот тип высказывания, который Г.Н. Акимовой назван неорганической фразой [1, с. 9]. Создание такого высказывания обусловлено тем, что существуют обстоятельства, когда говорящий сознательно избирает коммуникативную стратегию, при которой иллюкутивная осечка или иллюкутивная неудача оказываются частью его речевого замысла и, таким образом, ответственность за создаваемые говорящим смыслы возлагается на собеседника – читателя или слушателя.

Так, отвечая во время пресс-конференции на обвинения в коррупции со стороны бывшего соратника, известный украинский политик говорит: «Я не знаю этого человека!» В тех условиях, в которых высказывание было осуществлено, оно задумывалось ею и сознательно конструировалось как синтосемичное (сложнозначное) [7, с. 8].

Первое значение соответствует своему денотату (пропозитивному содержанию высказывания), поскольку адресовано прежде всего неосведомленной публике. Возможно, что его допустимо рассматривать как ложное суждение (хотя бы потому, что оскорбительное заявление политик опровергнуть не пытался и внешних признаков возмущения слова бывшего соратника не вызвали). Однако жанровые свойства пресс-конференции как коммуникативного акта предполагают высокую степень доверия к выступающему, поэтому частью слушателей ответ политика вполне может восприниматься как истинное суждение, его значение как прямое, а тип высказывания в этом случае как общеинформативный.

Второе значение следует охарактеризовать как присущее высказыванию, которое имеет общевеерификативный характер, так как фраза представляет собой лишь последнюю часть сложного предложения: (После того, что произошло) «Я не знаю этого человека!». В этом случае оно адресовано не только и не столько оппоненту, сколько близкому окружению. Политик не лжёт, более того оказывается весьма убедительным, поскольку:

– предупреждает (косвенный речевой акт) оппонента о том, что с данного момента игнорирует существование бывшего соратника (перформативное высказывание);

– ставит в известность окружение (вновь косвенный речевой акт), что «забудет» каждого «отступника» (перформативное высказывание).

Указанные смыслы вносят в предложение элемент сложнозначности (синтосемии), делая его содержание многослойным, разнозначным.

Несомненно, что первое из двух представленных нами толкований значения высказывания *Я не знаю этого человека!* следует считать прямым; второе является производным, обусловленным семантикой сложного предложения (*После того, что произошло, я не знаю этого человека!*) и в связи с этим осознаётся как окказиональное, а потому должно быть признано производным, вторичным.

Таким образом, одно высказывание может быть предназначено двум, по крайней мере, адресатам. В этом случае в зависимости от уровня компетенции адресата возникает семантическая база для различного понимания данного высказывания разными коммуникантами. Такого рода явления могут быть обозначены как двухадресные речевые акты, что позволяет говорить о асимметрии формально тождественных (симметричных) синтаксических знаков.

Вполне возможным оказывается и иное осуществление речевого воздействия, когда переносное значение наслаивается на прямое, создавая своеобразный конгломерат смыслов [2, с. 409–485; 4]. Например, объёмный отрывок из романа «Цусима» А.С. Новикова-Прибоя посвящён описанию того, как адмирал Бирилёв «коллекционировал» награды различных стран. Завершается этот отрывок комментарием флотских остроловов: «Его превосходительство благополучно закончил свой крестовый поход».

Характеризуя эту двусмысленную фразу, необходимо обратить внимание на то, что каламбур основан не только на лексической многозначности слова «крестовый», но и на

то, что конструкция с синтаксической точки зрения омонимична, поскольку обозначает две различные ситуации. Доказательством этого является то, что высказывание обладает двоякой синтаксической членимостью. Первый смысл связан с использованием фразеологизма «крестовый поход» в прямом значении (по С.И. Ожегову, это «походы западноевропейских рыцарей на Восток в XI – XIII вв.») [5, с. 247]. Синтаксической функцией этой фразеологической единицы в предложении является роль прямого дополнения.

Вторая возможность синтаксического членения обусловлена тем, что поскольку «крест» – наиболее частое название европейских наград, то прилагательное «крестовый» приобретает уже не значение направления («крестовый» – т. е. 'к кресту Господню'), а значение цели (т. е. 'за наградами', 'за крестами'). В связи с этим словосочетание «крестовый поход» является свободным, а потому распадается на прямое дополнение *поход* и определение *крестовый*. Возможность различной членимости и создает двусмысленность. Говорящий ориентируется на компетентного собеседника, способного осознать сложнзначность, и вместе с тем эвфимизирует некоторые смыслы, считая, что они, дойдя до адресата и задев его самолюбие, могут нанести некий ущерб автору саркастического высказывания.

Речевое действие в данном случае состоит в том, что несколько смыслов концентрируются в одном высказывании.

Речевым намерением некоторых сложнзначных конструкций может быть создание и оскорбительной иронии. Так, анализируя предложение *На воротах парков были прибиты дощечки с позорнейшими надписями: «Нижним чинам и собакам вход запрещён»* (А.С. Новиков-Прибой. Цусима), замечаем, что текст объявления не содержит истинного суждения (оно, несомненно, должно характеризоваться как ложное), поскольку в нём могут быть отмечены две логические ошибки: во-первых, животные не умеют читать и потому должны быть упомянуты не собаки, а их владельцы; во-вторых, серьёзной оп-

лошностью считается объединение в блоке однородных членов понятий неоднородного характера (животные и люди). Однако этот пример иллюстрирует ключевое положение теории речевых актов, состоящее в том, что понятия истинности и ложности в речи могут заменяться понятиями успешности и неуспешности. Действительно, поскольку собаки не способны читать, то текст может быть адресован только грамотному нижнему чину, и речевым намерением этого объявления должно быть признано желание оскорбить адресата и добиться того, чтобы текст был воспринят как «позорнейшая надпись». В результате возникает осознание того, что текст мнимо адресован двум адресатам, т. е. причиной речевой успешности оказывается намеренное, но косвенное, неявное сужение круга адресатов коммуникативного воздействия.

Нельзя не заметить, что осознанное неупоминание владельцев собак в качестве второго объекта запрещающей информации влечёт ещё одно косвенно осуществляемое речевое действие: уравнивая нижних чинов и собак, автор объявления за счёт злого сарказма, адресованного грамотным нижним чинам, смягчает вполне ожидаемую негативную реакцию на запрет прогулок в парке со стороны господ с собачками.

Не менее показательной выглядит современная армейская сцена, когда старослужащий-славянин в присутствии друзей задаёт якобы добродушный вопрос новобранцам ярко выраженной неславянской внешности: «Земляки, вы из Москвы?». Для солдат, плохо говорящих по-русски, вопрос требует информативного ответа. Для говорящего и известной части его сослуживцев – это саркастически окрашенный риторический вопрос и «удачная» шутка.

Так, адресуя одну фразу разным аудиториям, говорящий способен создавать фрагменты речи, принадлежащие одному тексту, но итожащие разные дискурсы.

Синтосемия возникает на базе многозначного синтаксического образования или же конструкции, предрасположенной к омонимии. Так, типовым способом создания слож-

нозначности можно признать приём снятия оценки или её «переадресации» (как правило, негативно характеризующих предложений в составе диалога), например:

– Болтун!

– Очень приятно! А моя фамилия – Иванов!

В первом предложении диалогического единства оценка адресуется непосредственно собеседнику, ответная реплика рассматривается уже не как оценка, а как формульная единица этикета, употребляемая в ситуации знакомства. За счёт такой модели речевого поведения семантика неполной оценочной конструкции *Болтун!* осложняется дополнительным смыслом, обусловленным сходством с такой конструкцией, которая используется в том числе как формула этикета. Осложнённая модель речевого поведения используется для имитации непонимания собеседника и в следующем диалоге из повести В. Санина «В ловушке»:

– *Никогда такой ерунды Сократ не говорил, – засмеялся Бармин, присаживаясь. – Кстати, он жил и мыслил в Древней Греции.*

– *Пустобрёх, – неодобрительно произнёс Дугин.*

– *Сократ, древний гений и мудрец – пустобрёх? – оскорбился Филатов. – Знал, что ты неуч, но не думал, что такой глухой (...).*

– *Звонарь с глухой колокольни, – буркнул Дугин и тут же внёс ясность. – Ты, а не Сократ.*

Данный диалог можно рассматривать как пример того, как оценивающий собеседник, парируя приём переадресации оценки, снимает последней репликой (*Ты, а не Сократ*) заданную ранее сложнзначность оценочно-го высказывания.

Осознанное построение такой речи, которая адресована нескольким слушающим, свидетельствует о высоком уровне речевой компетенции говорящего. В отдельных случаях речь, содержащая ненормативную конструкцию, выполняет эстетическую функцию и становится сюжетообразующим средством, примером чему может служить рассказ В.М. Дорошкевича «Дело о людоедстве», где ошиб-

ка в порядке слов приводит к появлению якобы незапланированного смысла, который и становится основой художественного конфликта: *Сего числа в управление участка был доставлен в бесчувственно пьяном виде неизвестный человек, по наружным признакам купеческого звания, который, ходя по базару, бесчинствуя и раскидывая у торговки грибы и топча солёные грузди ногами, похвалялся, что он ел пирог с околоточным надзирателем. Ввиду чего проезжавшим казачьим патрулём и был задержан по подозрению в людоедстве* (ср.: пирог с грибами, пирог с курагой и под.)

Будучи одним из средств иррационального освоения мира, сложнзначность является, в известном смысле, приёмом тайноречия, т. е. укрытия смысла от «непосвящённого». Целью синтосемии высказывания следует считать поиск достойного собеседника, способного оценить характер и степень важности информации. Таким образом усиливается коммуникативное воздействие на собеседника, осознающего степень доверия говорящего и высокую оценку его интеллекта. Тот собеседник же, который подозревает о наличии сложного смысла, но чьи знания недостаточны для его постижения, может воспринимать такой речевой акт в том числе как коммуникативную неудачу или осечку. Без освоения пресуппозиции, представляющей собой содержание фольклорной сентенции, крылатых слов, предшествующей речи, бытовой реалии, некоторая часть высказываний остаётся неясной – и потому непонятой – или абсолютно бессмысленной. Другими словами, страноведческая, литературоведческая, паремиологическая и прочая компетенция или её отсутствие создают условия для омонимии текста. Так, во фразе *«Государственная Дума посчитала поговорку «Не родись красивой» скрытой рекламой водки»* рематическая часть будет лишена той силы, которая делает фразу выразительной, если слушателю незнакома современная маргинальная паремия «Не бывает некрасивых женщин – бывает мало водки».

Причины и средства произвольного возникновения и сознательного создания

синтосемичных высказываний весьма разнообразны [8]. В число причин может входить ограниченность сведений о лексическом потенциале многозначного слова; так, человек, не осведомленный о широко бытующем среди пользователей компьютера значении глагола *кликнуть*, не поймёт следующий текст: «Первое упоминание о компьютерах в русской литературе встречаем у А.С. Пушкина – «И кликнул старик золотую рыбку», что обусловлено изменением современного семантического потенциала лексики *кликнуть* («отметить объект щелчком компьютерной мышки»). Фактически эта омонимия может быть определена как имеющая диахронно-стилевой характер, поскольку языковые коды пушкинского текста и современного юмористического прочтения определяются хронологическими и стилистическими различиями (фольклорный у Пушкина, сленговый у молодёжи). В данном случае можно говорить об использовании разных кодовых механизмов при интерпретации текста. Ярким примером такого кодового разночтения можно считать сцену суда над *Ольговичем Игорем Святославичем, князем Новгород-Северским и Путивльским* в романе А.И. Солженицына «В круге первом».

В случае утраты одного из кодов содержание высказывания оказывается существенно обеднённым. Так, утраченный практически полностью церковнославянский код приводит современного читателя к сугубо бытовому восприятию пушкинского «В глуши, измучась жизнью постной» [7].

Большинству носителей русского языка понятны аллюзийные перифразы *солнце русской поэзии (Пушкин)*, *третий Рим (Москва)*, являющиеся в составе предложения цельными сочетаниями слов ввиду их семантической нечленимости; в то время как цельность фетовских перифрастических сочетаний *серебряные змеи (поэмка)*, *стоокий слепец (толпа)* осознаётся лишь благодаря авторскому контексту. Не менее проблемными в этом плане оказываются перифразы, опирающиеся на некоторые малоизвестные исторические или литературные реалии, например, *пар левант-*

ский (от *Левант* – старое название Ливана), то есть ‘кофе’, *пар манжурский* (от Манчжурия), то есть ‘чай’, используемые Г.Р. Державиным в поэме «Евгению. Жизнь званская» («...и пар повеет с дома мне манжурской или левантской») (мы благодарны доц. Т.В. Егоровой за разрешение воспользоваться последними примерами).

Очевидно, имея в виду именно такие явления, А.Н. Гвоздев подчеркивал, что асимметричность омонимии подчас бывает обусловлена различием позиций говорящего («я») и собеседника («ты») [3, с. 226].

В условиях «неорганической» фразы [1, с. 9] возможными следует считать следующие коммуникативные свойства синтосемии:

1. Непроизвольное расширение говорящим значения высказывания – содержание оказывается богаче ожидаемого.
2. Непроизвольное сужение говорящим значения высказывания – содержание оказывается беднее планируемого.
3. Сознательное расширение значения высказывания – ожидаемое и осуществлённое в содержании тождественны.
4. Сознательное ограничение круга адресатов речи за счёт создания ситуации информационной асимметрии.
5. Сознательное расширение круга адресатов речи для создания ситуации информационной асимметрии.

Первые две ситуации связаны с явлениями патологии речи, оставшиеся три характеризуют ситуацию речевого эксперимента.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимов Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М.: Высшая школа, 1990.
2. Апресян Ю.Д. Лексико-семантическая парадигматика // Ю.Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. – Т. I. Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009.
3. Гвоздев А.Н. Об одной проблеме стилистики (случаи дефектности конструкций, соответствующих целям автора и отвечающих нормам языка) // Вопросы русского языкознания. – Саратов, 1961. – С. 225–241.
4. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. – М.: Языки славянских культур, 2006.

5. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988.
6. Скаличка В. Асимметричный дуализм языковых знаков // Пражский лингвистический кружок / Под. ред. Н.А. Кондрашова. – М.: Прогресс, 1967. С. 119–127.
7. Успенский Б.А. История литературного языка как межславянская дисциплина // Б.А. Успенский. Избранные труды. – Т. III. – Общее и славянское языкознание. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 1997. – С. 121–142.
8. Филиппова М.М. Непрямая коммуникация и средства создания двусмысленного дискурса // Филологические науки. – 2007. – № 1. – С. 60–69.
9. Фурашов В.И. О так называемой многозначности членов предложения // Русское слово, высказывание, текст: рациональное, эмоциональное, экспрессивное. – М.: МГОУ, 2007. – С. 6–11.

УДК 811.161.1'36

Рябушкина С.В.

Ульяновский государственный университет

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ И «ЭКСПАНСИЯ НОМИНАТИВА»

S. Ryabushkina

Ulyanovsk State University

THE NUMERAL AND “THE EXPANSION OF THE NOMINATIVE”

Аннотация. В современной русистике сложилось представление о том, что парадигма имени числительного постепенно упрощается и разрушается, вплоть до полной утраты форм словоизменения. В этом видят проявление актуальной тенденции к аналитизму. Но речевой материал, которым подтверждается тезис об «экспансии номинатива» (всё более частом употреблении номинатива на месте косвенных падежей) в сфере имени числительного, довольно разнороден и не позволяет говорить о серьезных морфологических изменениях, так как отражает, по мнению автора, особенности разговорной (устной) речи, влияние синтаксической позиции, устранение грамматической избыточности у многокомпонентных имен числительных, трудности чтения цифровой записи и др.

Ключевые слова: имя числительное, словоизменение, несклоняемость, падеж, разговорная речь, активные процессы в современном русском языке.

Abstract. In modern Russian linguistics there is a common view that the numeral paradigm is undergoing simplification and destruction to the point of complete loss of functional forms. This is considered as a result of a general tendency towards analytical patterns. But the linguistic data supporting the claims about “the expansion of the nominative” (an increasing number of the nominative instead of other case forms) with numerals are quite diverse and do not allow admitting serious morphological changes, which, in the author's opinion, reflects the peculiarities of spoken language, syntactical position, elimination of redundancy of compound numerals, reading difficulties of numerical units, etc.

Key words: the numeral, inflection, the case, spoken language, active processes in modern Russian.

Исследователи русской разговорной речи отмечают среди ее основных свойств синкретизм и расчлененность; одним из ярких следствий действия этих противоборствующих тенденций является так называемая «экспансия номинатива»: активность именительного, замещающего (как немаркированный член) позиции других падежей; активность именительного темы, относящегося к высказыванию в целом, и др.

Этот же термин – «экспансия номинатива» – используется иногда при описании процессов, происходящих в сфере современного имени числительного (далее – ИЧ), тех преобра-

зований, в которых проявляются тенденции «к аналитизму и агглютинативности» [14, с. 85], «к обобщению и унификации форм косвенных падежей» [3, с. 250], в которых видят «развитие падежного синкретизма» [7] и даже наблюдают движение ИЧ «к полной несклоняемости» [5, с. 254]. О.А. Лаптева пишет о том, что «тенденция не склонять количественные числительные в полной мере согласуется с синтаксической тенденцией экспансии именительного падежа <...> и выводит ее на уровень словоформы, уровень морфологической системы, чего не происходит с другими разрядами имен» [10, с. 213]. Но, как кажется, этот вывод слишком категоричен: говорить о несклоняемости ИЧ как факте морфологическом преждевременно.

Следует заметить, что термином «несклоняемость» могут быть обозначены довольно различные явления – альтернатива склоняемости в синхронии или диахронии.

Во-первых, несклоняемость именных частей речи как результат исторического процесса утраты склонения, утраты системы падежных противопоставлений – то, что произошло в болгарском и македонском языках.

Во-вторых, неизменяемость определенных групп слов, принадлежащих к склоняемой части речи. В современном русском языке к этому типу несклоняемости можно отнести два класса слов – неизменяемые существительные и аналит-прилагательные. Неизменяемые существительные типа *авеню, кино, такси, кенгуру* традиционно определяют как слова, парадигма которых «состоит из омонимичных форм с нулевой флексией» [13, с. 506], то есть из словоформ с нулевым означающим и вполне определенной грамматической семантикой, которая позволяет употребить словоформу в той или иной синтаксической позиции, в предложно-падежном сочетании. У неизменяемых аналит-прилагательных типа (*длина*) *мини*, (*номер*) *люкс*, *кантри* (*-музыка*), *арт* (*-кафе*) обнаружить словоформы как двуплановые единицы очень трудно: грамматические категории «стандартного» прилагательного носят согласовательный характер, а это действительно особый грам-

матический класс слов, выражающих «свою прилагательность аналитически – примыканием» [6, с. 3].

В-третьих, возможно упрощение / устранение склонения внутренних компонентов составного ИЧ: «несклоняемость в разговорной речи первых компонентов больших чисел» [16, с. 583]. В предметном указателе «Лингвистического энциклопедического словаря» содержится только эта – к статье А.Е. Супруна о числительном – отсылка по термину «несклоняемость».

Таким образом, перечисленные явления – диахроническая утрата склонения, неизменяемость отдельных групп имен и устранение «внутреннего» склонения составных ИЧ – относятся к морфологическому уровню, и лишь последний случай касается ИЧ.

Термин-метафора «экспансия номинатива» из работ по синтаксису разговорной речи обозначает чрезвычайную активность именительного и его стремление к захвату новых, нехарактерных для номинатива синтаксических позиций, новых пространств текста. Посмотрим, какие типы языковых / речевых фактов из сферы ИЧ могут оказаться в перечне тех, что объясняют расширением функций номинатива (такие же контексты используются разными исследователями для подтверждения тезиса о том, что русское ИЧ постепенно утрачивает склонение). Предлагаемая классификация носит пересекающийся характер: причины появления номинатива могут быть различными, по-разному интерпретируется употребление – как результат действия одного или нескольких факторов одновременно.

1. ИЧ как единица номинации: именительный «вместо кавычек». Наиболее ярко номинативный потенциал ИЧ проявляется в двух типах использования – при онимизации и при порождении разговорных метонимических номинаций. В каждом из них – номинатив, который оформляет «присваиваемые имена объектов. Именительный падеж здесь как бы равносителен кавычкам» [12, с. 457].

Использование ИЧ в качестве имени собственного (или его фрагмента) вполне зако-

номерно, поскольку им служит для выделения именуемого объекта из ряда подобных, для его идентификации и индивидуализации. Употребленное в составе онима число / числительное обычно так или иначе мотивировано и показывает, например, количество персонажей или сюжетов художественного произведения (фильмы «12», «Четыре комнаты»), относит ко времени описываемых событий (фильм «1612», книги Д. Глуховского «Метро 2033», В. Войновича «Москва 2042»), дифференцирует продукцию одного модельного ряда (автомобили ВАЗ-21144, ВАЗ-21154; космические корабли Восток-2, Восток-3).

И если в письменном тексте наименование выделено с помощью кавычек, то в звучащей речи применяется другой способ – неизменяемость, поэтому, например, в рекламе имя товара не склоняют, а включенные в название цифры-символы вербализуют в номинативе, как примыкающие аналит-определения: *На помощь приходит «Пемолукс Сода 3 эффект». Он мгновенно растворяет жир благодаря «Сода 3 эффект»* [звучит: сода три эффект] (Реклама моющего средства, 2008); *С Colgate Total 12* [звучит: Колгейт тотал двенадцать] у меня всегда ощущение здорового и свежего дыхания (Реклама зубной пасты, 2006).

Для разговорной речи как особой реализации языковой системы характерны ситуативные метонимические номинации предмета по количественному признаку (цена, время и др.), которые включаются в паратактические конструкции и оформляются именительным: *«Шестьдесят копеек есть марка? ... Пятьдесят две чай у вас есть? ... Завтра три тридцать и восемнадцать тридцать есть талоны»* (примеры из [11, с. 161]); *Это какие туфли? – Три пятьсот, Италия* (Диалог в магазине, 2008). Так предикация – обозначение наиболее характерной, дифференцирующей черты предмета – в разговорной речи может замещать номинацию: «в РР процесс поверхностно-синтаксического оформления высказывания развертывается не полностью <...> вследствие чего обнажаются, выносятся

вовне предшествующие, более глубинные формы речи. Их анализ свидетельствует, что они строятся по принципу выделения (словесного обозначения) наиболее важного, информативного, с точки зрения говорящего, компонента подлежащей выражению ситуации» [1, с. 47].

2. ИЧ в особой синтаксической позиции.

Номинатив ИЧ обнаруживается в зависимых синтаксических позициях – как примыкающее несогласованное определение-приложение, как цитирование (аграмматическое воспроизведение фраземы) и в конструкциях со значением приближительности.

Аппозитивные определительные конструкции – примыкающее приложение в им. п. – чрезвычайно распространены в современной русской речи, часто в их составе есть ИЧ: *Вертолет на высоте ориентировочно пятьдесят метров потерпел крушение* (Новости. Первый т/к. 24.06.07); *Здесь собрались ваши единомышленники в количестве четыре человека* (В вашем доме. Т/к «Культура». 24.05.08); *До этого мы нагрели глицерин до температуры тридцать пять – сорок градусов* (Доброе утро, Россия! Т/к «Россия». 13.08.08); *Показатель по критерию «готовность тратить» закрепится на уровне восемьдесят – восемьдесят два процента* (Утро на Пятом. 24.06.09).

Среди определяемых существительных – различные параметрические слова, а ИЧ передает количественное значение параметра. И.М. Богуславский и Л.Л. Иомдин предложили называть такие существительные актантными автодериватами, поскольку «эти слова могут служить обозначением одного из своих актантов» [2]: во фразе *на высоте 50 метров – 50 метров* собственно и есть высота. Для автодериватов характерно примыкание – «разрывное заполнение одной из валентностей является стандартным» («между самим словом *L* и некоторым его актантом может вообще не быть непосредственной синтаксической связи») [2].

С указанным валентным свойством параметрических слов (способностью называть свой актант), вероятно, связан характерный

для устной спонтанной речи семантический разрыв – эллипсис названия параметра, понятного из контекста, при сохранении важной количественной информации, значения параметра: *Корпоративный долг вырос выше четырехста пятьдесят миллиардов...* [через некоторое время повторяет еще раз, с параметрическим существительным:] *Корпоративный долг вырос выше отметки четырехста пятидесяти миллиардов* (Е. Примаков. *РепТВ*. 13.10.09); *Где-то на пять тысяч метров [= где-то на высоте] самолет зашел за облака* (Д/ф «Битва над океаном». Т/к «Россия». 15.07.08); *У меня поднялось давление до двести сорок на сто сорок пять [= до отметки, уровня, показателей]* (Малахов +. *Первый т/к*. 26.03.08). В последнем контексте количественная информация названа цельным оборотом – как реализация устойчивой формулы, разговорной фразеосхемы «‘показатель систолического давления’ + на + ‘показатель диастолического давления’»; и этот комплекс вряд ли нужно оформлять требуемым после предлога *до* род. п. (**поднялось давление до двухсот сорока на сто сорок пять*), т. к. фраза будет разрушена. Это тоже своего рода именительный «вместо кавычек».

Воспроизведение фрагмента текста, цитирование можно усмотреть и в следующем случае. Е.А. Земская, создавая речевой портрет ребенка 2–6 лет, в частности описывая трудности освоения словоизменительных норм, отмечает, что мальчик «нередко не склоняет числительное еще и в 4 года: В. *Считай до семи! М. Я бы хотел до пять!*» [9, с. 392]. Приведенный пример, скорее всего, не столько свидетельствует о неосвоенности склонения, сколько показывает особое употребление числительного: ребенку предлагают воспроизвести счетный ряд (*один – два – три – четыре – пять – шесть – семь*), и он в своем ответе просто цитирует фрагмент этого текста: «Хочу считать до слова *пять!*» Счетный ряд – это текст особого рода, где ИЧ используются аграмматически: «В счетной функции грамматическая природа числительных никак не проявляет себя <...> Услов-

но можно говорить о неизменяемости числительных в счетной функции» [8, с. 18].

В исследованиях по детской речи неоднократно отмечалось сравнительно позднее усвоение ИЧ как единого грамматического класса слов, отражающего сложную когнитивную категорию количественности, становление которой происходит в «результате сложного взаимодействия сознательного и бессознательного усвоения» количественных показателей [4, с. 279]. Абстрактное представление о количестве, о действиях с числами у ребенка к названному возрасту 4 года обычно еще не сформировано, поэтому в данном случае, конечно, цитата из счетного текста.

В устной речи часто происходит «выпрямление» аппроксимативных (обозначающих приблизительное количество) конструкций типа *около десяти дней, порядка четырехсот метров, свыше семи миллионов рублей, более двадцати лет*. Они используются в синтаксических позициях, соответствующих именительному или винительному падежу, и при этом количественно-именная группа стоит в форме род. п. Но в устной речи после служебного слова может появиться им. п. (который, впрочем, можно интерпретировать и как омонимичный ему вин. п.): *Здесь принимают участие около триста пятьдесят детей* (Вести-Ульяновск. 06.05.10); *Стоимость sms – порядка тринадцать центов* (Вести недели. Т/к «Россия-1». 24.10.10); *Правительство Москвы выделило более восьмисот миллионов рублей для издания учебников* (Деловая Москва. ТВ Центр. 02.05.10).

Так проявляется диктат синтаксической позиции: говорящий планирует высказывание по стандартной схеме, предполагая употребить количественное выражение в позиции им.–вин. п. Но непосредственно в момент произнесения решает назвать не точное количество, а приблизительное, не меняя общей структурной схемы высказывания. Если преобразовать нетривиальную именную группу с генитивом ИЧ в стандартное количественное выражение, то грамматические неправильности исчезнут: *принимают участие около триста пятьдесят детей* → *при-*

нимают участие **триста пятьдесят детей**; выделило **более восемьсот миллионов рублей** → выделило **восемьсот миллионов рублей**.

3. «Трудности перевода» цифровой записи в речь. В тексте многозначные числа обычно даются в цифровой форме, поскольку она более заметна, лучше воспринимается и запоминается, но при этом читающий сталкивается с проблемой: при озвучивании таблиц, диаграмм, да и просто при воспроизведении большого числа цифра-идеограмма создает «трудности перевода» разнокодовой записи в грамматически связный текст – нужно определить и правильно оформить падеж ИЧ, что сложно, особенно при «чтении с листа» незнакомого текста.

Так, О.А. Лаптева отмечала в 1990-х гг. «феномен Александра Невзорова», который, «оказываясь перед необходимостью произнести количественное числительное, каждый раз делает очень заметные миру усилия, чтобы произнести их нормативно точно, и с трудом достигает результата» [10, с. 213]. Заметим, что это проблема не только названного журналиста: *А в банке данных **больше пятьсот... пятисот человек** (Доброе утро, Россия! Т/к «Россия». 12.08.08); Свиной грипп выявлен в **восемьсот... в восьмистах шестидесяти семи случаях** в нашей стране (Утро на Пятом. 20.10.09).* Трудности особенно заметны при чтении дробей, которые часто воспроизводятся «поцифрово» и с нарушением норм управления: *Соотношение в паре «евро-доллар» на уровне **один пятьдесят шесть восемьдесят два*** [на экране – число 1,5682] (Вести. Т/к «Россия». 02.07.08); *Сегодня за неуплату алиментов штраф составляет **ноль один процент*** [на экране – 0,1 %] (Утро на НТВ. 04.04.08). Модные рекламные названия читаются также по цифрам, как арифметическое выражение: *Comet 24/7 уход* звучит как *Комет двадцать четыре на семь уход*.

4. Несклоняемость внутренних компонентов составного ИЧ. В устной речи «склоняются: а) только начальные и конечные компоненты или б) только последний компонент составного числительного. ... В устной

речи возможны также такие случаи склонения составных числительных, когда кроме последнего компонента, называющего единицы, изменяются по падежам компоненты, называющие десятки и, реже, сотни, например род. п.: *тысяча девятьсот сорока пяти страниц* и *тысяча девятисот сорока пяти страниц*» [13, с. 578–579]. Необходимые для грамматической связности текста значения выражены – составное ИЧ оформляется упрощенно, с помощью одной-двух падежных флексий, грамматическая избыточность (многократное повторение падежных показателей) устраняется: *Поселок «Миллениум-парк» будет состоять из **шестьсот семидесяти элитных домов** (Сегодня утром. НТВ. 30.03.07); В целом за текущий год на ремонт дорог область потратила **около пятьсот трех миллионов рублей** (ГТРК «Волга», Ульяновское проводное радио. 12.11.10); В **четыре-реста восемнадцати случаях** были виноваты водители скутеров (Другие новости. Первый т/к. 06.08.08).*

Подведем итоги. Перечисленные случаи «экспансии номинатива» довольно разноплановы, причины появления номинатива «не на своем месте» различны, как-то: психолингвистические проблемы поверхностно-синтаксического оформления числового выражения в устной неподготовленной речи (при вербализации цифровой записи и при «выпрямлении» аппроксимативных конструкций); аналитические тенденции, актуальные для современной грамматики (аппозитивные конструкции при параметрических словах, номинативное оформление наименований с ИЧ и цитируемой фраземы); особенности синтаксиса разговорной речи как особой реализации языковой системы, с его склонностью к паратаксису (метонимические номинации). И это синтаксические особенности функционирования ИЧ, которые не следует считать проявлением морфологической тенденции к неизменяемости. Впрочем, как отмечал А.Е. Супрун, процесс синтаксической изоляции ИЧ (все более частое аграмматическое употребление) может «способствовать дальнейшим упрощениям в системе

склонения, если не полной утрате его» [15, с. 134]. Но пока об «экспансии номинатива» как о морфологическом явлении можно говорить лишь применительно к случаям «недосклоняемости» составных ИЧ.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахутина Т.В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. – 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
2. Богуславский И.М., Иомдин Л.Л. О валентных свойствах широкого класса существительных. – URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/9.htm> (дата обращения – 28.02.11).
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – 3-е изд., испр. – М.: Высш. школа, 1986. – 640 с.
4. Воейкова М.Д. Усвоение детьми категории количественности // Семантические категории в детской речи. – СПб.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2007. – С. 266–299.
5. Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. – М.: Языки славянских культур, 2008. – С. 187–267.
6. Голанова Е.И. О «мнимых сложных словах» (развитие класса аналитических прилагательных в современном русском языке) // Русский язык: Приложение к газете «Первое сентября». – 1999. – № 41. – С. 2–3.
7. Дровникова Л.Н. Развитие падежного синкретизма форм числительных в современном русском языке // Филологические науки. – 1993. – № 1. – С. 110–115.
8. Жолобов О.Ф. Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. Т. IV: Числительные. – М.: Азбуковник, 2006. – 360 с.
9. Земская Е.А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
10. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 520 с.
11. Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. – М.: Наука, 1976. – 397 с.
12. Мельчук И.А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, sdb. 16, 1985. – 509 с.
13. Русская грамматика. В 2 т. – М.: Наука, 1980. – Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – 783 с.
14. Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. В 4 т. – М.: Наука, 1968. – Кн. 3: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – 368 с.
15. Супрун А.Е. О русских числительных. – Фрунзе, 1959. – 172 с.
16. Супрун А.Е. Числительное // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 582–583.

УДК 81'42

Фадеева Т.М.

Московский государственный областной университет

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОЖНОГО ЭПИТЕТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ С ДРУГИМИ СРЕДСТВАМИ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ

T. Fadeeva

Moscow State Regional University

INTERACTION OF COMPLEX EPITHET WITH OTHER MEANS OF EXPRESSIVENESS IN FICTION

Аннотация. В статье исследуются механизмы взаимодействия сложного эпитета как одной из ядерных единиц художественного текста с другими средствами выразительности (фонетического, лексического, синтаксического уровней). Анализируется тропеическая природа композиты, а также ее функционирование в рамках контекста и взаимоотношение с другими средствами выразительности. Отмечены эволюционные тенденции в области употребления композитных определений в процессе развития русского литературного языка.

Ключевые слова: сложный эпитет, композитная единица, метафора, метонимия, гипербола, язык художественного произведения.

Abstract. The article deals with mechanisms of interaction of complex epithet as one of the central units of a text with other means of expressiveness (of phonetical, lexical, syntactical levels). The author analyzes the trope nature of the composite, its functioning within context and its relation with other means of expressiveness. The evolutionary tendencies in the area of usage of composite attributes in course of developing of the Russian language are noted.

Key words: complex epithet, composite unit, metaphor, metonymy, hyperbole, fiction.

Сложный эпитет как самостоятельное средство художественной выразительности становится ядерной единицей языка еще в ранний период его развития, свидетельства чему можно найти в ряде текстов устного народного творчества. Постепенно использование рассматриваемого тропеического средства усложняется: прежде всего, активизируются потенции переносных значений элементов структуры композиты. Метафорическая актуализация композитных единиц отражается и в языке произведений В.К. Тредиаковского (*струны сладкогласны*), и у А.П. Сумарокова (*лета скоротечны, правосудное небо*), и у А.Д. Кантемира (*язык скоротечный*), и у других поэтов и писателей. Употребление эпитета при определяемом, выраженном именем существительном, нередко сопровождается его инверсивным положением относительно объекта эпитетации:

*Плутон остался на престоле,
Пегас взлетел на Геликон;
Не скоро вскочит он оттоле:
Реку лежанья пьет там он.
О конь, о конь пиндароносный,
Пиитам многим тигрозлостный,
Подвижнейший в ристаньи игр!
[А.П. Сумароков. Дифирамб Пегасу.]*

Проявление индивидуальности авторского стиля, нарастающее с XIX века, начинает усложнять использование сложных эпитетов в художественном тексте взаимодействием с другими средствами выразительности. Этот процесс имеет как внутриэпитетную реализацию, когда перенос значения осуществляется в границах композитной единицы, так и контекстуальную, что подразумевает сочетание различных языковых образных средств в рамках расширенного контекста.

1) Сложный эпитет и метафора. Метафорическое употребление элементов сложного эпитета – явление широко распространенное. Оно репрезентирует как узловые единицы (*добродушный смех*), так и окказиональные образования (*златочешуйчатые воды* (Баратынский), *лазурно-золотой день* (Тютчев), *актер мягкоголосый* (Набоков) и др.). Уже в языке поэтов и писателей XIX в. механизм метафоры может раскрываться не только внутри эпитета, но и включать его в более широкое языковое единство. В рамках художественного пространства сложный эпитет совместно с объектом эпитетации активно начинает использоваться в качестве развернутой метафоры. Так, например, все стихотворение П.А. Вяземского становится развернутой метафорой, представляющей читателю образ поезда, где среди прочих переносов номинаций мы встречаем и употребление сложных эпитетов:

Род кометы быстротечной.

По пространностям земным

Хвост его многоколенный

Длинно тянется за ним.

[П.А. Вяземский. Ночью на железной дороге между Прагою и Веною.]

Уподобление морской волны резвому коню, несущемуся по простору, мы находим в стихотворении «Конь морской» Ф.И. Тютчева, где заглавная метафора реализуется в тексте при помощи нескольких сложных эпитетов:

О рьяный конь, о конь морской,

С бледно-зеленой гривой,

То смиренный, ласково-ручной,
То бешено-игривый!

В лирических текстах метафорические образы, включающие эпитеты, могут функционировать на протяжении всего произведения, позволяя автору избежать прямой номинации и придать называемой ими единице большую поэтичность. Наряду с простыми эпитетами в таких текстах используются и сложные. Слитые в один образ подобные тропы усиливают в тексте субъективное авторское начало. Например, стихотворение В.А. Жуковского «Узник к мотыльку, влетевшему в его темницу» представляет собой обращение лирического героя к мотыльку, при этом само название ночной бабочки в тексте не звучит ни разу. Оно заменяется метафорическими единицами *эфира житель, нежданный гость небес, милый гость мой, любимый друг природы, гость мой легкокрылый, эфирный посетитель*.

В ряде случаев метафора как экспрессивная номинативная единица получает необходимую выразительность и законченность именно благодаря эпитету, без которого образ не состоялся бы. Например, если изъять из предложения И.А. Гончарова все эпитеты, включая сложный, предложение не просто потеряет художественную значимость, но и смысл вообще:

Кафры, негры, малайцы – нетронутое поле, ожидающее посева; китайцы и их родственники японцы – истощенная, непроходимо-заглохшая нива. [И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада».]

Активнее подобные изобразительно-выразительные образования создаются в текстах XX в., когда актуализируется индивидуально-авторское начало, а объект эпитетации чаще предстает в качестве образно-неделимой единицы:

На западной окраине неба тускло просвечивали звезды, молодой согнутый сагайдаком месяц золотой насечкой красовался на сизостальной кольчуге неба. [М. Шолохов. Поднятая целина.]

Сложный эпитет, включенный в метафорический образ, зачастую в художественном

пространстве символистов и футуристов «работает» на усложнение и неординарную яркость. При этом в основе соединения компонентов композитной единицы лежит алогизм, ломающий общепринятое восприятие:

Миллион плюс!
 Умножим на сто!
По улицам!
 На крыши!
 За солнца!
 В миры –
 слов звонконогие гимнасты!
[В.В. Маяковский. 150 000 000].

Смысловое единство слов *гимнасты* вос-
крешает в сознании читателя ассоциацию,
основанную на понятиях изящества, силы
и гибкости как неотъемлемых качеств физ-
культурника, с одной стороны, и «великого и
могучего русского языка» – с другой. Но об-
раз получает окончательное сращение имен-
но в композите *звонконогий*, первая часть
которого семантически связана с компонен-
том *слово*, а финалия *-ногий* имеет смысловое
сближение с лексемой *гимнасты*.

2) Сложный эпитет и олицетворение. Вза-
имосвязь данных тропов осуществляется по
традиционной модели, когда неодушевлен-
ному предмету, выступающему в качестве
объекта эпитетации, через сложный эпитет
приписываются качества и признаки одуше-
вленных. Чаще всего олицетворение прояв-
ляет себя при описании явлений природы и
фактов действительности, с ними связанных.
Так, например, весенний месяц в стихотво-
рении А.А. Фета наделяется способностью
видеть, присущей человеку или животному,
а первый компонент в составе композитной
единицы *все-* придает образу особую значи-
тельность:

А был рассвет! Я помню, вспоминаю
Язык любви, цветов, ночных лучей. –
Как не цвести **всевидающему маю**
При отблеске родном таких очей!
[А.А. Фет. Ты отстрадала, я еще страдаю...]

Персонализация может касаться не толь-
ко конкретных существительных (явление
широко распространенное в русском языке,
часто встречающееся еще в фольклорных
произведениях). В поэтических текстах она
осуществляется и в отношении отвлеченных
единиц, что способствует их художественной
персонификации, т. е. полному уподоблению
неодушевленного предмета лицу.

О вы, любезные певцы,
Сыны беспечности ленивой,
Давно вам отданы венцы
От музы праздности счастливой,
Но не блестящие дары
Поэзии трудолюбивой.

[А.С. Пушкин. Моему Аристарху.]

В данном примере мы можем наблюдать,
как вид искусства становится образом, вос-
принимаемым в качестве не просто одуше-
вленного предмета, а именно лица, так как
трудолюбивым может быть только человек.

3) Сложный эпитет и метонимия. Связь
этих тропов чаще всего проявляется в присо-
единении сложного эпитета к объекту эпита-
тации, в качестве которого выступает номи-
нация, возникающая на основе ассоциации
по смежности. Например, определение мо-
жет предполагать предмет неодушевленный,
но по его принадлежности некоему субъек-
ту, происходит перенос признака на данное
лицо. Таким образом цвет волос становится
определением для самого владельца шевелю-
ры:

... в коридоре совершенно неожиданно по-
явилась пожилая женщина, держа за руку
ярко-рыжую заплаканную **девочку** [В. Ката-
ев. Белеет парус одинокий.]

Происходит смещение определения с од-
ного объекта на смежный с ним, вследствие
чего в некоторых исследованиях данный вид
эпитета получает названия *смещенного* [2, с.
26].

В некоторых случаях механизм переноса
номинации «с автора на его произведение»
становится умозрительным именно благода-
ря включению в контекст сложного эпитета:

И... бай! У меня на столе **золотообрезный Гоголь!** [М.А. Булгаков. Похождения Чичикова.];

Другой пример распространенного метонимического переноса номинации – «с места или помещения на людей, в них находящихся». При этом характеристика, даваемая одушевленному предмету, переходит на номинацию места:

Глухов, беспечный, добродушно-веселый Глухов, приуныл. [М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города]

Подобную картину наблюдаем и в тексте рассказа М.А. Булгакова «Электрическая лекция»: сложный эпитет *стоголосый*, сопровождающий конкретное существительное *класс*, актуализирует в последнем переносное значение *люди*, в данном помещении находящиеся:

*В коридоре зазвенел звонок, и профессорकिनулся вон, а вслед ему засвистел разбойничьим свистом **стоголосый класс**.*

Знаковые предметы какого-то времени также могут стать основой для переноса признака на единицу с темпоральным значением. Так, определение *малогабаритный*, сопровождавшее в сознании большинства советских граждан определяемое *квартира* и являющееся культурологической реалией исторической эпохи, меняет в художественном тексте Т. Толстой объект эпитетации, утрачивая логический и приобретая художественный характер:

*Все доперестроечные, **малогабаритные годы** большинство из нас просидело на кухнях, хотя время от времени хозяева с запросами восклицали: «Давайте перейдем в комнату, как люди!»* [Т. Толстая. Стена.]

4) Сложный эпитет и синекдоха. В структуру композитной единицы синекдоха не проникает. Сочетание данных тропов проявляет себя в тех случаях, когда задействованным оказывается объект эпитетации. Он номинирует целый предмет по его части или наоборот. Наиболее распространенным случаем синекдохи является употребление формы единственного числа вместо множественного. Показателен пример из стихотворения Г.Р. Де-

ржавина «На взятие Измаила», где обращение к *россу* есть призыв ко всем русским воинам:

*О росс! О род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин, царю послушный!
Когда и где ты достигнешь
Не мог тебя достойной славы?*

Обращение же *твердокаменная грудь* совмещает в себе не только собирательное значение, но и, называя часть человеческого тела, подразумевает номинацию всего «предмета». Роль сложного эпитета в создании ведущего образа опосредована: художественное определение усиливает общую выразительность.

5) Сложный эпитет и антономазия. Антономазия, то есть употребление имени собственного в значении нарицательного, может использоваться внутри эпитетного комплекса, что позволяет автору через сложный эпитет конкретизировать оценочное значение этого особого вида метонимии:

*Где битва мрачнее, воители чаще,
Где срослися щиты, где сплелися мечи,
Туда он ударит – **перун вседробящий** –
И след огнезвездный и кровью горящий
Пророет дружине в железной ночи.*

[Ф.И. Тютчев. Песнь скандинавских воинов.]

Античные образы в качестве источника антономазии характеризовались широтой употребления в первой половине XIX в., в более поздний период подобные единицы становятся приметами текстов юмористического плана.

6) Сложный эпитет и гипербола. Композитное определение, семантика которого реализует преувеличенные признаки определяемого, демонстрирует наложение гиперболы на эпитет. Подобные образования не являются общим местом художественных текстов большинства авторов, хотя единично используются многими. Наиболее ярко подобные единицы представлены в художественном пространстве В.В. Маяковского:

Ветер рванулся.
Рванулся и тише...
Снова снегами огреб
тысяче-
миллионнокрыший
волжских **селений гроб**.
[В.В. Маяковский. Сволочи!]

Гиперболизация образа осуществляется чаще всего при включении в структуру композитной единицы числительного *сто, тысяча, миллион*: *стоугольный «Гигант», стопудовые игры, стосильный грузовоз, книга тысячелестая, тысячелестое Евангелие, тысячеглазый трест, класс пролетариев миллионногорбый, миллионноносильная воля РКП, страна миллионнолобая* и др. Другим распространенным способом придания образу «укрупненного» значения является использования элементов *все-, обще-,* семантика которых подразумевает масштабность распространения признака: *всесоюзный маг-халтурищик, всероссийские ханжи, пожар всехсветный, масштаб общерусский* (Маяковский).

7) Сложный эпитет и парафраза. Эпитетный комплекс, в состав которого входит сложный эпитет, может представлять собой парافразу. Например,

Брате, затворяй с молитвою дверь, дабы не ворвался душевредный зверь... [А.И. Куприн. С улицы.]

Описательное выражение *душевредный зверь* заменяет в контексте лексему *дьявол*. В речевой практике единица *зверь* нередко используется в качестве синонима к словам *дьявол, сатана*, например, в сочетании *число зверя*, в контексте А.И. Куприна это значение конкретизируется за счет сложного эпитета *душевредный*, он же выражает и оценку обозначаемого, что обычно является неотъемлемой чертой данного тропа.

С парафразой мы сталкиваемся и в случае достаточно частого употребления эпитетных комплексов *белокаменная столица, первопрестольный град*, заменяющих номинацию *Москва*:

Спеша к **первопрестольну граду**,
В котором мудрый Петр рожден,
Где росские поднесь монархи
Взлагают на главу венец,
Прощаюсь с тобой, Потемкин...
[А.П. Сумароков. Ода Григорью Александровичу Потемкину 1774 года.]

8) Сложный эпитет и ирония. Ирония может репрезентироваться через соединение в один образ сложного эпитета и объекта эпитетации при опровержении непосредственного мелиоративного значения одного из компонентов семантикой другого. Такую картину можно наблюдать в басне И. Дмитриева, где завершающая реплика фраза репрезентирует явную авторскую иронию по отношению к главному герою, гордо резюмирующему описание неизвестного ему зверя (кота):

*Шерсть гладкая на нем, почти как у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши как у нас, и я по ним сужу,
Что у него должна быть симпатия с нами,
Высокородными Мышами.*

[И. Дмитриев. Петух, кот и мышонок.]

Сочетание сложного эпитета *высокородный*, имеющего интеллектуальную положительную оценку, с опорным словом *мышь* и порождает иронию.

Другой вариант взаимодействия сложного эпитета и иронии может демонстрировать сочетание сложного эпитета и объекта эпитетации, дающих положительную оценку предмету, и развернутого контекста, в котором раскрывается смысл, обратный буквальному:

*Жесткий порядок слов в английском, неощутимый, естественно, в оригинале, превращается в переводе на русский в прокрустово ложе, а Прокруст, как известно, не только обрубал ноги слишком долговым жертвам своего гостеприимства, как о нем обычно думают, но и растягивал низкорослых, соединив в своей **остроумной кровати** и плаху, и дыбу* [Т. Толстая. Переводные картинки].

Сочетание эпитета *остроумный* с единицей *кровать*, мелиоративный оттенок кон-

нотации которой выражается благодаря суффиксу субъективной оценки **-к-**, раскрывает истинное авторское отношение (явно отрицательное) исключительно благодаря контекстуальному окружению.

Когда же в контексте реализуется значение, антонимичное употребляемому слову, ирония становится особенно явной. Сочетание сложного эпитета с антифразисом способствует раскрытию авторской оценки:

Одну имел слабость этот достойный правитель – это какое-то неудержимое, почти горячее стремление к женскому полу. <...> однажды Микаладзе забрался ночью к жене местного казначея, но ... был застигнут врасплох ревнивецем-мужем. Произошла баталия, во время которой Микаладзе не столько сражался, сколько был сражаем. <...> Это была такая ничтожная подробность в громадной серии **многотрудных** его **подвигов** по сей час-ти... [М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города.]

9) **Сложный эпитет и оксюморон.** Оксюморон как соединение двух антонимических понятий проявляет себя внутри структуры сложного эпитета достаточно часто:

Прискорбно-радостным желаньем,
Невыразимым упованьем,
Невыразимой мечтой
Живым утраченное мнится...
[В.А. Жуковский. <В.А. Петровскому>.]

Антонимичные составляющие, создающие композитную единицу, в большинстве случаев являются разнокорневыми, однако встречаются и однокорневые:

Каждое чувство бывает понятней мне ночью,
и каждый
Образ пугливо-немой дальше трепещет во мгле;
Самые звуки доступней, даже когда, неподвижен,
Книгу держу я в руках, сам пробегаю в уме
Все невозможно-возможное, странно-бывалое...
[А.А. Фет. Каждое чувство бывает понятней мне ночью...]

В единицах первый компонент подобного

сложения развивает в себе дополнительное значение меры и степени.

Оксюморонные сложения встречаются в разные периоды развития русского литературного языка, однако частота их создания и употребления увеличивается в период Серебряного века и сохраняется на протяжении XX в.: **злбно-радостный рев** (Вересаев), **радостно-грустный апрель** (Бальмонт), **старчески-свежий взор** (Гиппиус) и многие другие.

Особого интереса со стороны исследователей заслуживают образы, в которых явление оксюморона возникает между композитом признакового характера и словом, им определяемым:

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко-звучной тишине.
И прозрачные киоски,
В звонко-звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне
[В.Я. Брюсов. Творчество.]

10) **Сложный эпитет и антитеза.** Антитеза может заявлять о себе как в минимальном, так и в расширенном контексте. Включение сложного эпитета в текст для более резкого противопоставления двух ключевых образов, усиливающегося за счет антонимичных элементов композитных единиц, активизирует общую выразительность и делит художественное пространство на два блока, выделяя в каждом ведущее свойство, определяющее качество:

Кто заглянет в лоно вод,
Где в **прозрачности** зеркальной,
В вечно-близкой – вечно-дальней
Опрокинут **небосвод...**
[К. Бальмонт. Кто заглянет в лоно вод...]

Подобное противостояние не всегда становится ясным только из объектов эпитетации (**лоно вод – небосвод**). Противопоставление может фокусироваться именно на эпитетах, включающих не контекстуальные, а языко-

вые антонимичные единицы, определяющие образы:

*И воздвигся, жертвы ради,
Приноситель жертв, Калхас,
Градозиждущей Палладе,
Градорушащей молясь,
Посейдона силе грозной,
Опоясавшего мир...*

[Ф.И. Тютчев. Поминки.]

Иным вариантом взаимодействия сложного эпитета и антитезы является использование двух художественных определений с антонимичными структурными компонентами при одном объекте эпитетации. Получаемый художественный образ приобретает философское звучание, так как в нем начинает раскрываться двойственность бытия. Антонимичность двух сложных эпитетов, сопровождающих один и тот же объект повествования, позволяет автору несколько отойти от субъективной оценки и приблизиться к объективному, надличностному восприятию:

*Господний храм, мы плачем о тебе!
Ерусалим, мы о тебе рыдаем!
Мы о тебе скорбим, богоизбранный,
Богоотверженный Израиль! Слава
Минувшая, мы плачем о тебе!*

[В.А. Жуковский. Агасфер.]

11) Сложный эпитет и сравнение. Сразу оговоримся, что здесь мы не рассматриваем сравнение как основу создания композитной единицы. Сравнение может проявлять себя внутри структуры композита через элемент *-подобный*:

*Тут нежна, милая супруга –
Как лен пушист ее власы –
Снегоподобною рукою
Взяв шито, брано полотенце,
Стирает пот с его чела.*

[Г.Р. Державин. К Н.А. Львову.]

Или при помощи компонента *-образный*: *наукообразный почерк* (Набоков), *подушко-*

образная грудь (Улицкая) и др. Двучастная структура сравнения определяет в ряде случаев бикорневую специфику композитной единицы, но подробно мы рассматриваем данный аспект в рамках структурно-семантического анализа сложных эпитетов.

Здесь же нас интересует взаимодействие эпифразы, включающей сложный эпитет, с окружающим контекстом. Уподобление одного предмета другому, при наличии у них общего признака, как правило, происходит между объектом эпитетации и сторонней номинацией в рамках художественного текста. Так как собственно эпитет неразрывно связан с объектом, им определяемым, то представляется возможным говорить о взаимодействии сложного эпитета и сравнения.

Данная фигура речи характеризуется структурным разнообразием. Так, в рамках взаимодействия с образами, создаваемыми при помощи сложных эпитетов, выделяется реализация через сравнительный оборот:

*«Весны моей сирень! – И голос мой был
звончат,
Как **среброгорлый май**. – Дыши в лицо
пьяней...»*

[И. Северянин. Интермеццо.]

Иллюстрации сравнения объекта эпитетации с другим объектом действительности, представленного в форме имени существительного в творительном падеже, широко встречаются как в прозаическом тексте:

*Черной жабой сидел перед ним **короткорукий большеголовый чернолицый кум**.* [А.И. Солженицын. В круге первом.]

так и в поэтическом:

*Коромыслом **сери двурогий**
Плавню по небу скользит.*

[С.А. Есенин. Королева.]

12) Сложный эпитет и тавтология. Являясь стилистической ошибкой в рамках языковой системы, тавтология, намеренно создаваемая автором путем повтора однокоренных слов в сложном эпитете и объекте эпитетации, при-

дает особую экспрессию создаваемому образу:

Ей казалось, что кругом должен лежать снег, – а на улице клубилась, кудрявилась разноцветно-зеленая майская зелень, и зеленым цветом отзывались длинные трамвайные трели. [Л. Улицкая. Сонечка.]

В подобных эпифразах сложный эпитет акцентирует индивидуальный характер объекта эпитетации для языковой личности, его создавшей: *томительно-бесонный сон* (Гиппиус), *тонкостройный строй рожи* (Блок). Данные образы активно появляются в художественных текстах с начала XX в., в период активных языковых экспериментов.

13) Сложный эпитет и приемы усиления фонетической выразительности речи. Сочетание в одном сложном эпитете «музыкальных звуков» (гласных, сонорных, звонких согласных) и их авторский намеренный повтор на фоне эстетически преобразованного другими средствами выразительности контекста придают образу определенную напевность и красоту звучания.

*Страшитесь и дев апатичных,
С улыбкой безлучно-стальной,
С лицом, постоянным, как мрамор:
Их лики, из псевдоантичных,
Душе вашей бально-больной
Грозят беспросыпным пожаром.
[И. Северянин. Предостерегающая поэма.]*

В художественных текстах XX в. зачастую встречается использование нескольких тропов. Так, например, развернутая метафора может сочетаться со сравнением, в структуру

которого в свою очередь включается сложный эпитет:

*Оренбургская заря красношерстной
верблюдицей*

Рассветное роняла мне в рот молоко.

[С.А. Есенин. Пугачев.]

Взаимопереплетение нескольких средств выразительности приводит к созданию живописной, эмоционально насыщенной картины.

В конце XIX – начале XX вв. актуализируется обратимость тропов в художественном тексте, которую отмечал еще А. Белый: «...один и тот же процесс живописания, претерпевая различные фазы, предстает нам то как эпитет, то как сравнения, то как синекдоха, то как метонимия, то как метафора в тесном смысле» [1, с. 446]. Отмеченная особенность в дальнейшем не утрачивает актуальности в языке ряда поэтов и писателей XX в.

Таким образом, можем резюмировать, что к концу XIX – началу XX века и в последующие годы язык художественной литературы приобретает все более металогический характер. Сложный эпитет функционирует в языке художественных текстов не изолированно, а все чаще органично включается в структуру более развернутых образов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белый А. Символизм. – М.: Мусагет, 1910. – 527 с.
2. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.

УДК 482-56

Южакова Ю.А.

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

ВИДЫ ТОЖДЕСТВА ПРЕДМЕТА САМОМУ СЕБЕ

Y. Yuzhakova

Yesenin Ryazan State University

TYPES OF IDENTITY OF OBJECT TO ITSELF

Аннотация. Категория тождества в русском языке предполагает два семантических варианта: тождество предмета самому себе и идентичность различных предметов. Семантика тождества предмета самому себе реализуется в определенных структурно-семантических разновидностях, которые названы в работе и проиллюстрированы примерами. Автор рассматривает следующие значения: значение наименования, квалификации лица или предмета, утверждение о принадлежности к определенному общепонятному классу, характеристика через наделение определенными свойствами, признаками, констатация цели, задачи, мотива, условия, результата, характеристика лица по осуществляемой деятельности, обобщение однородных понятий, подведение объектов под родовое, значение неизменности, единственности, избранности, отсутствия вариантов.

Ключевые слова: русский язык, категория тождества, идентичность, неизменность, тождество предмета самому себе.

Abstract. The category of identity in the Russian language involves two semantic variants: the identity of object to itself and the identity of various objects. The semantics of object identity to itself is implemented in certain structural and semantic variants, which are named and illustrated by examples. The author examines the following values: value of nomination, the qualification of a person or an object, the belonging to the specific class, the characterization through the acquisition of specific properties, signs, the statement of purpose, task, motive, condition, result, the characteristic of person through his activity, the generalization of homogeneous concepts, bringing objects under the ancestral, the value of invariability, uniqueness, absence of the versions.

Key words: Russian, category of identity, identity, an invariance, the identity of object to itself.

Семантика тождества предполагает полное сходство, подобие предметов, явлений друг другу или самим себе, а также соответствие чего-либо чему-либо [5, с. 373]. Следовательно, наиболее точно под понятие тождественных подходят конструкции, в которых предмет уподобляется сам себе. С точки зрения структуры это могут быть предложения идентификации, классические обратимые предложения тождества: *Сила времени – сила страшная и не по плечу человеку* (В. Вересаев), или сложноподчиненные предложения местоименно-определяющего типа, а также предложения, содержащие пояснительные конструкции. С точки зрения семантики, считаем возможным выделить следующие виды:

1. Значение наименования, квалификации лица или предмета. Используются вспомогательные средства: *который называется, это (этот), есть, имя которой*. Конструкции со значением квалификации решают задачу уточнить, пояснить смысл использованных понятий: *Все смотрели на него и на шедшего на лошадь дистанции впереди Махотина, когда они подходили к черту (так назывался глухой барьер)* (Л. Толстой); или наименований лица: *Князь Степан Аркадьич Облонский – Стива, как его звали в свете...* (Л. Толстой). Автор сопоставляет, сводит воедино разные названия одного объекта, или тождественные понятия: *Ну хорошо, электричество и теплота одно и то же, но возможно ли в уравнении для решения вопроса поставить одну величину вместо другой?* (Л. Толстой); или присваивает свое назва-

ние неизвестному или непонятному для него объекту: *У всех было то же отношение к его предположениям, и потому он теперь уже не сердился, но огорчился и чувствовал себя еще более возбужденным для борьбы с этою какою-то стихийною силой, которую он иначе не умел назвать, как «что бог даст»* (Л. Толстой).

Особую группу составляют дефиниции, то есть определения терминов, в основе которых лежит объяснение научного понятия через известные адресату синонимы: *Метеориты – железные или каменистые тела, падающие на Землю из межпланетного пространства* (БСЭ). Подобные конструкции распространены преимущественно в научной литературе, но встречаются и в разговорной речи. Вариантом значения наименования, квалификации является пояснение, осуществленное через отождествление понятий и реализуемое при помощи специальных средств: *то есть, одно и то же, они же, другими словами, а именно (возможно в нулевой форме): Загадочные тектиты – стекловидные камни космического происхождения... – выпадали в разное время в виде дождей большой плотности на огромной территории* (ФЭС).

Отождествление может сопровождаться семантикой оценки лица: *Я тоже была о нем очень низкого мнения, но это, это – премилый и удивительно добрый человек* (Л. Толстой), наделяя его определенными свойствами, имеющими для автора высказывания принципиально важное значение: *Это твоё качество и твой недостаток. Ты сам цельный характер и хочешь, чтобы вся жизнь слагалась из цельных явлений, а этого не бывает* (Л. Толстой); характеристики целой общественной группы или общественного явления: *Он настаивал на том, что русский мужик есть свинья и любит свинство <...>* (Л. Толстой). Иногда автор пытается определить спорное, неоднозначное понятие, не имеющее принятого толкования: *Любовь – это такая книжка, которую всякий сам сочиняет и автор которой всегда оригинален* (Н. Помяловский).

2. Утверждение о принадлежности к определенному общепонятийному классу,

подчеркиваемое специальными показателями *есть, это, значит, тот... кто, такой...* как, может иметь целью характеристику объекта по его принадлежности к классу: *Дай, кажется, тебе три жизни, тебе и тех будет мало... ну а такие большей частью добряки* (Ф. Достоевский); или оценку всего класса, к которому относится предмет речи: *«Все люди, все человеки, как и мы грешные: – из чего злиться и ссориться?» – думал он, входя в гостиницу* (Л. Толстой). Значение типичности, распространенности явления также может быть выражено через принадлежность к определенному классу: *Он, как и все мужчины, представлял себе невольную семейную жизнь только как наслаждение любви* (Л. Толстой). Квалификация конкретного лица может быть дана через принадлежность его к профессиональной, социальной, возрастной или к определенной родственной группе (известной семье): *Вронский – это один из сыновей графа Кирилла Ивановича Вронского* (Л. Толстой).

В качестве классов, к которым могут быть отнесены предметы или явления, выступают общеполитические и нравственные категории, такие как: необходимое, уместное, соответствующее ситуации, цель (смысл) жизни, несчастье, удовольствие: *– Еще бы! Что ни говори, еда – это одно из удовольствий жизни, – сказал Степан Аркадьич* (Л. Толстой), и другие, а также оценочные группы: совершенство, уродство, лучший в чем-либо: *– Здесь сохранились предания, что вы лучший конькобежец, – сказала она, стряхивая маленькою ручкой в черной перчатке иглы и нити, упавшие на муфту* (Л. Толстой).

Значение квалификации объекта по принадлежности к определенному классу может сопровождаться дополнительным градационным значением, когда объект является одним из представителей класса: *Вронский – это один из самых лучших образцов золоченой молодежи петербургской* (Л. Толстой). Принадлежность к определенному классу может быть показателем обыденности, ординарности субъекта: *Не раз говорила она себе в эти последние дни и сейчас только, что Вронский для нее один из сотен вечно одних и тех же,*

повсюду встречаемых молодых людей, что она никогда не позволит себе и думать о нем; но теперь, в первое мгновение встречи с ним, ее охватило чувство радостной гордости (Л. Толстой), или, напротив, показателем уникальности, наличия выдающихся свойств: Такие люди, как ты, нужны (А. Куприн).

3. Характеризация через наделение определенными свойствами, признаками, констатация этих свойств. Конструкции с данным значением выражают чаще всего субъективную оценку лица или иного объекта. Чаще оценка ничем не мотивирована, в отдельных случаях автор объясняет причину наделения объекта характеристики конкретными свойствами. Оформляются при помощи вспомогательных средств *это, есть*, а также в виде уточняющих, пояснительных конструкций: *Девочка, любимица отца, вбежала смело, обняла его и, смеясь, повисла у него на шее* (Л. Толстой).

Явлению или предмету может быть дана прямая оценка: хорошо, плохо (дурно), опасно, удачно: *Серпуховской придумал ему **назначение** в Ташкент, и Вронский счел это удачным предложением* (Л. Толстой), и другие, или субъективная, с дополнительной семантикой авторского сомнения, уничижительности, пренебрежения или одобрения: *Приветствую тебя, пустынный уголок, приют спокойствия, трудов и вдохновенья* (А. Пушкин). Автор может прибегнуть к характеристике с точки зрения возможности осуществления намерения – это легко, трудно, невозможно: *В своем же случае Алексей Александрович видел, что **достижение законного, то есть такого развода, где была бы только отвергнута виновная жена, невозможно*** (Л. Толстой).

4. Констатация цели, задачи, мотива, усилия, результата

Наиболее распространенные модели: *Цель (N) состоит в том, что N1; Цель, задача (N) – сделать N1*. Чаще других используются простые биноминативные предложения с традиционным актуальным членением и соответствующим задачей автора отождествлением объекта, названного подлежащим,

и объекта, названного сказуемым: – Ну, разумеется, – подхватил Степан Аркадьич. – Но в этом-то и **цель** образования – **изо всего сделать наслаждение** (Л. Толстой); сложно-подчиненные предложения местоименно-определятельного типа: *Они были твердо уверены, что настоящая **цель** его **будет** всегда в том, чего он не скажет им* (Л. Толстой). Могут также использоваться переходные конструкции с предикативно-изъяснительными придаточными: *Наша задача – чтобы никакого завещания не было* (С. Михалков), или простые предложения, осложненные пояснительными конструкциями: *Степан Аркадьич понимал **значение** этого приезда, то есть что Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьича, может содействовать примирению мужа с женой* (Л. Толстой). Все рассмотренные примеры вышеназванной семантики представляют собой вывод, умозаключение автора и являются типичными в русском языке.

5. Характеристика лица по осуществляемой деятельности, ее возможности или отношению к действию. Способ оформления: биноминативные предложения, именительный представления: *Он – лань быстротой бега* (Пример Н.Д. Арутюновой); *Отец – вот кто работает день и ночь* (Пример Т.Р. Коноваловой). Вспомогательные средства: *вот кто, это, то... что*. N и N1 не являются для автора абсолютно равными, но их отождествление, соединение в одном лице дает возможность его характеристики. N и N1 отождествляются по следующим параметрам: черта лица и производимое впечатление: **Что** всегда, **как неожиданность поража**ло в ней, **это** было **выражение ее глаз, кротких, спокойных и правдивых ...** (Л. Толстой); признак и связанное с ним затруднение действия: *Самое **тяжелое и дурное** в его характере, то, что делало столь **трудным общение с ним**, было позабыто Константином* (Л. Толстой); действие, явление и возможность его осуществления или понимания, познания: *Они видят, что **смерть** – это что-то такое, чего они не могут понять* (Л. Толстой). Возможна дополнительная семантика обычности,

свойственности действия лицу в определенной ситуации.

Вариантом данного значения может быть оценка деятельности и одновременно лица, ее производящего. N производит действие V, и это действие оценивается как N1 (Ad или Ag). Оппозиция тождества может иметь любое морфологическое воплощение: оценочное существительное, фразеологизм, наречие, категория состояния: *Ежели да мне с тебя денег не брать, это довольно смешно* (Н. Островский). Нерелевантность параметров отождествления только грамматическая, семантически рассматриваемые конструкции могут быть трансформированы в традиционные биноминативные предложения тождества: *А вот кабы иметь тысячу рублей и кабак – это бы дело серьезное* (М. Горький). Сравним: *Наличие денег и кабака – дело серьезное*.

Оценка действий лица может сопровождаться дополнительным значением возможности – невозможности осуществления данной деятельности, предназначенности, адресованности деятельности конкретному лицу (группе лиц), адекватности данной деятельности сложившимся условиям: *Только пройденная ею строгая школа воспитания поддерживала ее и заставляла делать то, чего от нее требовали, то есть танцевать, отвечать на вопросы, говорить, даже улыбаться* (Л. Толстой).

6. Объяснение действия, процесса, понятного избранному лицу. Обычно такое объяснение адресовано аудитории, не знающей подоплеку или не понимающей сути процесса. Лицо осведомленное считает себя вправе восполнить недостаток информации путем отождествления двух процессов. Актуализатором тождества в предложениях рассматриваемого типа может выступать семантический глагол *значит* в любой из форм: *И действительно, как только он произнес эти слова, вдруг, как солнце зашло за тучи, лицо ее утратило всю свою ласковость, и Левин узнал знакомую игру ее лица, означавшую усилие мысли: – на гладком лбу ее вспухла морщинка* (Л. Толстой). С точки зрения структуры, все предложения сложные с четким актуальным

членением: в одной части, не обязательно первой, названо действие, требующее объяснений (тема), в другой части раскрывается истинный смысл действия или процесса для непосвященных (рема).

7. Обобщение однородных понятий, подведение объектов под родовое. Выделение данного подвида среди конструкций тождества обусловлено тем, что ряд однородных членов, включая обобщающее слово, идентифицируется, оценивается автором. Происходит, во-первых, отождествление ряда предметов, свойств, черт между собой, так как они имеют равные последствия, и во-вторых, отождествление обобщенного ряда и оценки последствий, результата, производимого впечатления, реальности – нереальности осуществления, особенности восприятия, квалификационной характеристики: *И теперь ожидание, и неизвестность, и раскаяние в отречении от прежней жизни – все это мучение кончится* (Л. Толстой).

8. Значение неизменности, которое сопровождается специфическими показателями *тот же, тот же самый, точно такой же, все тот же*. Неизменность может рассматриваться как застылость, рутинность внешнего мира, в некоторых случаях автор выражает недовольство отсутствием изменений через констатацию идентичности окружающих предметов: *На привокзальной площади все те же цветы в железных ведрах, те же зеленые такси* (А. Алексин). Тождество предмета самому себе может реализовываться через констатацию неизменности, узнаваемости внешнего облика, неподвластности времени, неизменность, узнаваемость деталей, указывающих на одно и то же лицо: *Смех его был все тем же; Два года назад, в Италии, в Соренто, слышал я ту же самую песню, тот же самый голос... Это они, я узнал их, это те звуки* (И. Тургенев). Сходство деталей предполагает сходство человека или ссылку на неизменность лица либо определяющих его индивидуальность характеристик. Наряду с неизменностью лица может констатироваться неизменность чувств, состояний: *Левин продолжал находиться все в том же состоя-*

нии сумасшествия, в котором ему казалось, что он и его счастье составляют главную и единственную цель всего существующего (Л. Толстой); *Все то же в вас очарование; или сохранение в прежнем неизменном виде рода занятий, мнений, отношений: – Так ты все занимаешься тем же? – продолжал он, вспоминая, что Голенищев писал что-то <...>* (Л. Толстой).

9. Значение единственности, избранности, отсутствия вариантов Специальными показателями являются если кто... то, именно тот, как раз тот, тот самый. Значение реализуется в конструкциях, где из ряда предполагаемых объектов или обстоятельств выбирается одно, которое считается автором высказывания единственно возможным. В качестве разновидностей данной семантики можно назвать следующие: значение предпочтительности, «индивидуальности свойств», соответствия ожиданиям: *Бурмин был в самом деле очень милый человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения, без всяких притязаний и беспечно насмешливый* (А. Пушкин); значение особенности, уникальности качеств предмета или лица: *У него была способность*

понимать искусство и верно, со вкусом подражать искусству, и он подумал, что у него есть то самое, что нужно для художника (Л. Толстой); единичности действия или признака, невозможности и неуместности всех остальных: *Она не могла слушать и понимать слов службы: так сильно было одно то чувство, которое наполняло ее душу. Чувство это была радость* (Л. Толстой); единственности, избранности личности: *Вы тот единственный человек, который может нас выручить.*

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – 896 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 476.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1947. – С. 668.
4. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. – М.: Изд-во МГОУ, 2002. – С. 61.
5. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Институт русского языка; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. 4. – С. 373.
6. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 150.

Публикации аспирантов

УДК 413.12

Арименова Р.С.

Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ)

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА НА ПРИМЕРЕ ФАУНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ МОНГОЛЬСКИХ И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

R. Arimenova

Buryat State University, Ulan-Ude

THE LEXICAL MEANING OF THE WORD AS AN EXAMPLE OF FAUNA (BASED ON THE MONGOLIAN AND RUSSIAN LANGUAGES)

Аннотация. Статья посвящена исследованию фаунистической лексики в монгольских и русском языках с точки зрения их происхождения. В частности, рассматриваются такие дикие и домашние животные, как волк, медведь, олень, собака. Сделана определенная попытка по выявлению значения их производных форм, по выяснению этимологии лексем, а также сходств и различий между ними. Тесная взаимосвязь названий фауны с историей, мышлением и этнографией народа открывает широкие перспективы для изучения данной лексической подсистемы.

Ключевые слова: фаунистическая лексика, значение слова, фауна, природа, дикие и домашние животные.

Abstract. The article is devoted to faunistic vocabulary of Mongolian and Russian languages in terms of their origin. In particular, the author studies such wild and domestic animals as a wolf, a bear, a deer, a dog. The author made an attempt to identify the meaning of their derivative forms, to clarify the etymology of the lexemes, as well as similarities and differences between them. The close interrelations between faunal vocabulary, and the nation's history, mentality and ethnography opens huge prospects for further study of this lexical sub-system.

Key words: faunistic vocabulary, lexical meaning, fauna, wildlife, wild and domestic animals.

По сей день наиболее непостижимой и столь же притягательной для изучения со стороны языкознания, психологии, лингвистики и прочих наук является тема соотношения языка и человеческого сознания. Чтобы понять мысль, высказанную на том или ином языке, человек должен знать значение употребленных в предложении слов, должен владеть лексикой языка. Лексическое значение слова – исторически закрепленное в сознании говорящих содержание слова.

Основная функция слова заключается в обозначении, назывании предметов и явлений. Обозначая предмет, выражая понятие о нем, слово выполняет номинативную функцию, так как все познанные человеком предметы и явления имеют свои наименования. В языковой практике слова называют предмет и явление и одновременно обозначают понятие о них. Предполагают, что человек к моменту возникновения звуковой речи уже обладал предметным, практическим мышлением, благодаря которому у него имелись инвариантные представления о предметах и явлениях окружающей действительности, об их закономерных связях между собой. И это инвариантное представление постепенно стало выражаться зву-

ковым знаком, который будучи не похожим на обозначаемое, оказался наиболее удобной формой выражения обобщенного инвариантного образа (понятия).

Обозначение предмета звуковым комплексом не изменяется в течение длительного времени, а соотношенное с этим словом понятие изменяется в зависимости от уровня познания данного предмета. Это отражается в толковых словарях разных языков. Например, в толковом словаре монгольского языка Я. Цэвэла слово «животное» толкуется так: «амьтан- хөдөлж мэдэрч чадах амьд юм» – «живое существо, способное двигаться и чувствовать». А в толковом словаре русского языка С. Ожегова отмечены более существенные признаки данного предмета: «животное – живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питающееся, в отличие от растений, готовыми органическими соединениями».

Т.А. Бертагаев, определяя термин «значение слова», пишет, значение есть трансформированное в процессе общения людей и реализованное в нем адекватное и приближенное отражение в сознании дискретных элементов действительности, их связей и взаимоотношений [Бертагаев Т.А., 1974, с. 105]. Значит, слово может не только обновляться, но и зарождаться на основе семантических изменений, оставляя нетронутой свою фонетическую структуру. Далее формируется закон цепного развития значений слов, суть которого состоит в том, что в ходе постепенного наращивания и развертывания того или иного значения в слове образуется диахронная цепь значений из её синхронных узловых, семантических звеньев. Исследование изменений значений слова по семантической цепи ведётся в тесной связи с рассмотрением экстра- и внутрилингвистических факторов.

Слова в языке существуют не изолированно друг от друга, а объединяются в речи с помощью отдельных значений. Именно поэтому и происходит соединение слов в тематические группы. Исследование тематических групп смыкается с практическими задачами большой важности.

Фауна как объект окружающего нас мира вызывает всевозрастающий исследовательский интерес. Будучи составной частью проблемы «человек и окружающая среда», она рассматривается как в плане биологическом, так и через призму общественных наук. Исходя из активного творческого характера процесса познания как общественно-исторического акта, направленного на отражение объективной действительности в сознании человека [Алексеева А.Л., 2006, с. 235], фаунистическая лексическая подсистема может быть определена как самобытно выделяющаяся область лексики, основанная на общественных реалиях (названиях животных) окружающего нас мира. Фауна (от лат. *fauna* – богиня лесов и полей – покровительница животных в римской мифологии) – исторически сложившаяся совокупность видов животных, обитающих на определенной территории. Термин «фауна» применяется относительно совокупности животных какой-либо систематической категории.

Лексика фауны (бур. **амитанай аймаг**; монг. **амьтны аймаг**, **адгуус амьтан**) состоит из следующих лексико-семантических групп:

- млекопитающие: бур. **хун тэжээлтэ**, монг. **хөхтөн**;
- птицы: бур. **шубууд**, монг. **шувуу**;
- насекомые: бур. **хорхой шумуул**, монг. **шавьж**;
- рыбы: бур. **загаһад**, монг. **загас**;
- пресмыкающиеся: бур. **мүлхигшэ амитад**, монг. **мөлхө амьтад**;
- земноводные: бур. **газар уһанай амитад**, монг. **хоер нутагтан** и т. д.

В данной статье предпринята попытка исследования значений слов на примере лексики фауны на материале монгольских и русского языков, выявления особенностей, присущих данным языкам, а также сходств и различий между ними. Лексика фауны хранит в себе огромную историческую информацию. Роль животных в жизни человека всегда была исключительно велика, особенно на ранней стадии развития человечества, когда люди и звери сосуществовали в естественном соседстве: животные включались в социальную ие-

рархию, в человеческом обществе жили идеи о происхождении данного коллектива от животного, оно представлялось как особая ипостась человека. Тесная взаимосвязь названий фауны с историей, мышлением и этнографией народа открывает широкие перспективы для изучения универсальных и частных особенностей в их номинации данными народами.

В монгольских языках данная тематическая группа лексики практически не подвергалась специальному исследованию. Так, ещё в 1960-е годы Т.А. Бертагаев в работе «Лексика современных монгольских литературных языков» писал: «Лексикология монгольских языков является самым слабым местом в монголоведении. Если фонетика и морфология в какой-то степени исследованы, то этого нельзя сказать в отношении лексики» [Бертагаев Т.А., 1961, с. 43]. В 1980-е гг. появилась небольшая работа Э.Ч. Бардаева, посвященная калмыцким названиям птиц в сопоставлении с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками [Бардаев Э.Ч., 1988]. Отдельные слова данной тематической группы лексики подвергались анализу и в работах по диалектологии, например: Н.Н. Поппе «Аларский говор» (1930), Ц.Б. Цыдендамбаев «Руководство для сбора материалов по говорам бурят-монгольского языка» (1957), Д.А. Абашеев «Тункинский говор» (1965), Ц.Б. Будаев «Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении» (1979), «Бурятские диалекты. Опыт диахронического исследования» (1992).

Следует подчеркнуть, что изучение данной группы лексики русского языка было положено во второй половине XX в., причем в рамках теоретических исследований общего характера. В частности, в 70-х гг. появилась монография М.А. Бородиной и В.Г. Гака «К типологии и методике историко-семантических исследований» (1979). В монографии рассматриваются развитие внешней формы номинации, развитие семантики слова и структуры лексических групп, развитие слова на уровне речи.

В период 80-90х гг. Ф.П. Филиным опубликован ряд теоретических работ, в частности монографии: «Происхождение русского,

украинского и белорусского языков» (1972); «Истоки и судьбы русского литературного языка» (1981); статья «О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков» (1980). Автор считает, что отсутствие исконно славянских названий, относящихся к степям, горам и морям с их специфическим животным и растительным миром, и наличие массы наименований особенностей ландшафта, животных и растений, характерных для лесов и лесостепи с умеренным климатом, нельзя признать случайностью, с которой можно не считаться. «Идея неразрывной связи языка с жизнью народа – это важнейшие пласты словарного состава языка, связанные с обозначением самых основных явлений материальной и духовной культуры народа, характеризующие народное мышление» [Филин Ф.П., 1980, с. 40].

П.Я. Черных в своих фундаментальных трудах [«Очерк русской исторической лексикологии», «Историческая грамматика русского языка», 1956] рассматривает пути развития данной лексической группы. Следует отметить большой раздел «Общеславянский словарный фонд и его развитие в древнерусскую эпоху» [Очерк русской исторической лексикологии], где словарный состав рассматривается по главным семантическим группам (животный мир, человек, люди, терминология родства, природа, труд, материальная и духовная культура), сообщаются определенные сведения об отличиях восточнославянской лексики от лексики остальных славянских языков.

Несмотря на то что прошло несколько десятилетий, изучение различных тематических пластов лексики, в том числе и названий фауны, остается одной из важнейших задач современной лингвистики.

Подчеркнем, что добыча диких животных **зэрлиг амитан** или **ан гүрөөл** у монгольских народов имеет далекое историческое прошлое. В древности она составляла основу хозяйственной жизни существования людей. В более поздний период на первый план выходят хозяйственные интересы, связанные со скотоводством. Охота **агнуури**, облавная

охота **аба хайдак** (вост.), **зэгэтэ аба** (зап.-бур.) занимала значительное место в хозяйстве древнего человека, охватывая фауну как таёжной, так и горно-степной и полупустынной зон. Значение охоты было велико из-за её непрерывности в течение круглого года и разнообразия добычи. Охота мясного направления была целиком ориентирована на удовлетворение личных нужд. Объекты мясной охоты зависели от времени года. В жаркое время охотились, как правило, на косулю – **анзаһан** (бур.) и кабаргу **хүдэри** (бур.). Охота на крупных животных (лось – **хандагай**, изюбрь – **буга**, медведь – **баабгай**) проводилась в начале осени и в течение зимы. Практика охоты на них в осенне-зимний период определялась и тем, что в летнее время из-за гнуса и жары мясо и шкуры этих зверей были плохого качества.

Мясо диких животных **зэрлиг амитанай мяхан** (бур.) оценивалось по-разному: особенно ценилось мясо кабана **бодон гахайн мяхан** (бур.). Следующим по качеству шло лосиное мясо **хандагайн мяхан** (бур.). Изюбрина **бутын мяхан** (бур.) уступала другим видам по вкусовым свойствам, она быстро застывала. Мясо косули **анзаһанай мяхан** (бур.) ценилось в любое время, потому что не теряло вкусовых качеств ни зимой, ни летом.

Следует отметить, что у монгольских народов мясо диких (**зэрлиг**) животных всегда идентифицируется по вкусовым, цветовым, жировым качествам с мясом домашних (**тэжээмэл амитан**) животных.

Так, мясо кабана и медведя идентично конине, лосиное – говядине. **Баабгай** – медведь, **бодон гахай** – кабан, **шоно** – волк относят к животным с «горячей кровью» (халуун шанар, букв.: «горячего свойства»).

Известно, что начиная с каменного века образ волка **шоно** в традиционных верованиях разных народов, в том числе и монгольских, занимает важное место. У монгольских народов существовало табу **сээр**, запрещающее называть почитаемых диких животных, в частности волка, поэтому в речи употреблялись другие слова вместо прямого названия данного зверя. Это своего рода ма-

гический запрет, чтобы удача не отвернулась, и возник он, очевидно, из элементарных мер предосторожности на охоте.

Следует подчеркнуть, что лексема **шоно** (бур.), **чоно** (монг.), **чон** (калм.) – волк является общемонгольской. В качестве табу используются следующие названия **хээрын нохой** «степная собака», **тэнгэрийн нохой** «небесная собака», **һүүлтэ** «хвостатый», **нооһон толгой** «шерстяная голова», **хүдөөгэй таабай** «степной дедушка», **нагаса** «дядя», **алтан араата** «с золотыми клыками», **хүхэ шоно** «серый волк».

Как известно, в русском языке **волк** др.-рус. **вѣлкѣ**, ст.-слав. **вѣлкѣ**, **вѣлкѣ**, первоначально имело значение «растерзающий». Другим вариантом происхождения слова **волк** считается его связь с глаголом **волочить**, так как волк буквально «уволакивал» домашний скот. С мифологической точки зрения в славянской культуре волка связывают с собакой, при этом сам волк у многих народов ассоциировался с войной. Наблюдается сходство со словами «валить», «валишь», «волна». Также слово **волна** не случайно находится в списке родственных, так как его обозначение может использоваться не только к водяному валу, но и к шерсти [волка]. В слове присутствует корень «uel», которое переводится как «щипать, дергать, рвать».

Медведь в бурятском языке обозначается словами **хара гүрөөһэн** «черная косуля», **таабай** «дедушка», **ойн эзэн** «лесной хозяин», **баабгай**. Можно полагать, что наименование **баабгай** возникло из слияния двух слов – **баабай** и **абгай**. Первое переводится как «отец», «предок», «праотец», «старший брат», «старшая сестра» (диал.). Под **абгай** понимается «старшая сестра», «жена старшего брата», «старший брат» (диал.). Говоря о медведе, часто используют эпитеты, например, «могучий дядя» **хүсэтэй абага** (**нагаса**, **хуряаха**), «одетый в доху» **даха хубсаһатай**, «дедушка в дохе» **дахатай үбгэн аба** (**үбгэн эсэгэ**, **нагаса аба**, **үбгэжөөл**), «мать-отец» **эхэ – эсэгэ** (**аба**, **баабай**) и т. д.

Для номинации медведя используется еще лексема **гүрөөһэн** (бур.) В зависимости от

зоологического вида выделяют **хара гүрөөхэн** (букв. черный медведь) или **сагаан гүрөөхэн** (букв. белый медведь). Можно предположить, что такое наименование возникло как производное от обобщающего термина **ан гүрөөл** «дикие звери».

С древнейшего времени славяне называют этого хищника иносказательно: **ест мед, медоед, любитель меда: рус. медведь, укр. медвідь, слов. medved, чеш. medved**. В Сибири запретным считалось слово *медведь*. Вместо него говорили **зверь, хозяин, бурый**. Срав. нем. *berog>bär*, собственно: бурый. Следует упомянуть о другом, хотя и межславянском, но малоупотребительном наименовании медведя. Срав: старослав. **мечькъ** – медведь, **мечька** – медведица, болг. **мечха** – медведь (медведица); серб. **мечха** – медведица, **мече** – медвежонок; в белорусском языке оно отмечено в форме **меха** – медведь.

Русские лексемы **олень, лань и лось**, надо полагать, происходят от одного индоевропейского корня **el: ol: елень, олень, олсь**. Последние две праформы предполагаются, но они не зарегистрированы в живых славянских языках. В слове же **олень** начальное **о** не обязательно из общеславянского **елень**: срав. латыш. **alnis** – **олень и лось** при литературном **elnis.**, срав. литов. **elne и alne- лань из олнь**. Следует подчеркнуть, что в русском языке используется ещё лексема **сохатый** (лось). Слова на **-атый** составляют своеобразную группу в данном языке: **хвостатый** зверь – зверь с хвостом, **горбатый** – с горбом, **сохатый** – это зверь с сохой или с большой сохой. Соха – это сельскохозяйственное орудие, которым раньше пахали землю. И сейчас лемех, или часть плуга, подрезающая снизу пласт земли, называется сошником. Древнейшая соха представляла собой большой развилистый сук или ветвь дерева. Один конец сохи заострялся и обжигался для большей прочности на огне. Позднее на него стали насаживать металлический наконечник. Таким образом, лось был назван **сохатым**, за его ветвистые, разлапистые рога.

В мифологической картине мира олень нередко изображается пасущимся у ствола

мирового древа; возможно, это обусловлено ассоциацией оленьих рогов с ветвями. Олень, как известно, обычно выступает олицетворением красоты, грации, быстроты в культуре русского и других славянских народов.

В бурятском же языке олень обозначается лексемой **оро. Оро үсхэбэрлгэ или үдхэлгэ** – оленеводство, **оро үдхэгшэ** – оленевод, **оро унаа** – олень как средство передвижения. **Ор-тон** – люди, занимающиеся оленеводством.

Представляет большой интерес и заслуживает поддержку предположение о том, что первая часть русского слова **росомаха зээгэн, дзэ** (монг.) где корень (**рос-** может быть из **орс-**) названия похожего на медведя хищного зверя **ursus**, ставшего научным термином: **rosomacus**, который сохраняет семантическую связь с общеиндоевропейским названием медведя. Следует подчеркнуть, что до раскопок в Новгороде (1951 г.) не было известно о том, что слово **росомаха** (с его совершенно непонятной второй частью) употреблялось уже в древнерусском языке. Оно отмечено в одной из берестяных грамот XIV-XI вв.: **бъла росомуха**.

Известно также, что древние монголы так называли и **собаку** – **зээгэн, дзэ**, ибо само название **нохой** «собака» было табуировано, поэтому вместо него в монгольских языках употреблялось слово **jegen** – племянник, которое восходит к древнетюркскому языку. В старомонгольском письменном языке данное слово имеет формы **чжиген и джиге** – «племянник по сестре», «сын сестры», которые превратились в **зэгэ – собака**.

Таким образом, природа (**байгаали, юртэмсэ** (бур.)) является постоянным окружением и средой обитания человека на протяжении всей его истории. Взаимодействие с окружающими ландшафтами – важный фактор формирования образа жизни и путей развития каждого отдельного народа. В традиционном мировоззрении монгольского народа особое место занимают представления о животном мире **амиды юртэмсэ** (бур.). Идеи единства всего живого, родства двух миров – людей и зверей, как известно, относятся к наиболее ранней истории человечества.

Фаунистическая лексика представляет собой достаточно информативную лексико-семантическую систему для изучения процессов и закономерностей этимологии, номинации, словообразования. Фаунизмы отличаются древностью и богатством, многообразием и самобытностью входящих в их состав лексических единиц. Терминология, относящаяся к лексике фауны, также привлекает внимание зоологов и этнографов. Проведенный анализ фактического материала позволяет констатировать, что именование предмета не может быть совершенно случайным. Мотивация большей частью осуществляется на основе биологически существенного признака, так как, называя предметы или их признаки, качества, человек закрепляет в сознании все то, что имеет значение для общественной практики.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеева А.Л. Краткий философский словарь. – М., 2006. – 492 с.
2. Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. – М., 1974. – 383 с.
3. Богатова Г.А. История слова как объект русской исторической лексикографии. – М., 1984. – 255 с.
4. Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск, 1979. – 302 с.
5. Будаев Ц.Б. Бурятские диалекты: (Опыт диахронического исследования). – Новосибирск, 1992. – 216 с.
6. Дондуков У-Ж.Ш. Развитие лексики монгольских языков. – Улан-Удэ, 2004. – 558 с.
7. Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск, 1991. – 174 с.
8. Русско-монгольский словарь / Под ред. Ш. Лувсанвандана. – Улан Батор, 1982. – 840 с.
9. Цыренов Б.Д., Рупышева Л.Э. Русско-латинско-бурятский словарь названий растений и животных. – Улан-Удэ, 2005. – 51 с.
10. Шагдаров Л.Д., Очилов Н.А. Русско-бурятский словарь. – Улан-Удэ, 2008. – 904 с.
11. Филин Ф.П. Проблемы исторической лексикологии русского языка (древнерусский период) // Вопросы языкознания. 1981. – № 5. – С. 3-16.
12. Черных П.Я. Очерк русской исторической лексикологии. – М., 1956. – 327 с.

УДК 811.161.1

Зайцева И.А.

Московский государственный областной университет

**ПРАСЛАВЯНСКИЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ,
СТИЛИСТИЧЕСКИ СМЕСТИВШИЕСЯ В СФЕРУ
РАЗГОВОРНОЙ ЛЕКСИКИ**

I. Zaytseva

Moscow State Regional University

**PRASLAVIC NOUNS THAT HAVE STYLISTICALLY SHIFTED
TO THE COLLOQUIAL LANGUAGE**

Аннотация: В статье на материале лексикографических источников анализируются праславянские имена существительные, а именно агентивы, которые получили с течением времени разговорную стилистическую окраску, выявляются причины этих изменений. В результате проведённого анализа автор приходит к выводу, что для праславянских имён из всех видов стилистических смещений наиболее характерен переход в «сниженную» категорию лексики. Данный тип стилистических изменений показывается как отражение активно протекающего и наиболее заметного в настоящее время процесса «снижения» русского литературного языка в целом.

Ключевые слова: разговорная лексика, праславянские имена, агентивы, стилистическое изменение, суффикс, экспрессивно окрашенное значение, сниженная стилистическая окраска.

Abstract. Basing on lexicographic sources the author analyses praslavic nouns, namely agentives, that got colloquial colouring in time, and identifies the causes of these changes. As a result of the analysis, the author concludes that for praslavic nouns of all kinds of stylistic changes the most characteristic is the transition to the “lower” category vocabulary. This type of stylistic changes is shown as the reflection of an active and nowadays vivid process of the “lowering” of the literary language in general.

Key words: colloquial vocabulary, praslavic nouns, agentives, stylistic change, suffix, expressively coloured meaning, lowering of stylistic colouring.

Переход слов из общеупотребительной лексики в разряд разговорной с её экспрессивностью, ярко выраженной оценочностью – один из самых активных процессов, протекающих в настоящее время в русском языке. Для праславянских имён этот тип стилистических изменений является одним из основных. Суть его заключается в том, что в силу как экстралингвистических, так и внутрилингвистических причин нейтральные лексемы с течением времени получают сниженную стилистическую окраску. Однако, как справедливо отмечала О.С. Ахманова, «в отношении разговорной лексики речь должна, по-видимому, идти не столько о «снижении» в собственном смысле, сколько об известной свободе и непринуждённости выражения, сопровождающейся повышением экспрессивности» [2, с. 251].

Праславянские разговорные имена отмечены в словарях соответствующей стилистической пометой *разг.*, сущность которой до сих пор вызывает споры среди лексикологов. Одни (А.П. Евгеньева, П.Н. Денисов) понимают её как отражение функциональных и экспрессивно-стилистических особенностей слов русского литературного языка. Именно поэтому Е.Ф. Петрищева называла отмеченную такой пометой в словарях лексику «фамильярной в широком смысле слова» [6, с. 6]. Другие же учёные-языковеды (авторы-составители 17-томного «Словаря современного русского литературного языка», Г.Н. Складневская) утверждают, что помета *разг.* только характеризует сферу употребления лексики. Они отмечают неоднород-

ный состав разговорной лексики, но считают её свободной от эмоциональных наслоений. Наиболее правомерной представляется точка зрения о том, что слова, стилистически маркированные как разговорные, часто содержат в себе не только указание на сферу употребления, но и одновременно элементы субъективной оценки и эмоциональной окраски (чаще пейоративной), при этом встречаются слова и с констатирующим значением.

Значительную группу праславянских имён, перешедших в пласт разговорной лексики, составляют агентивы, что, вероятно, связано с тем, что в неофициальном общении человек даёт огромное количество прозвищ, наименований по роду деятельности, характеру и т. д. другим людям, это могут быть как имена с положительной, так и с отрицательной оценкой. Большая часть слов данной группы – это словоформы, получившие вторичное значение, осознающееся как результат первичного переосмысления. Этот процесс нередко и является причиной стилистического смещения лексем.

Агентивные имена праславянского происхождения часто характеризуются наличием в своём составе определённых суффиксов, которые влияют на их стилистическое «снижение». К ним относятся, например, суффиксы *-ак*, *-ыш*, *-ун*. К примеру, образованное с помощью суффикса *-ак* общеславянское слово *мерзляк*. В современном русском литературном языке оно используется для номинирования человека, который очень боится холода. Это слово по данным разных словарей относится или к разговорной лексике [14; 5], или к просторечной [12, с. 852], и при этом имеет фамильярный, шутливый оттенок значения. В древнерусском языке оно было общеупотребительным и использовалось в значении 'замёрзший ком земли' [8, с. 98]. В таком же значении лексема сейчас известна русским диалектам. С течением времени суффикс, выделяемый в этом существительном, по аналогии со словами типа *добряк*, повлиял на семантико-стилистическое изменение данной лексемы, которая стала восприниматься как агентив со сниженной окраской.

К аналогичной словообразовательной модели принадлежит и слово *ломака*, функционировавшее в древнерусском языке в качестве имени собственного как фамильное прозвание [16, с. 12]. Позже лексема перешла в разряд нарицательных слов, что объясняется тем, что оно представляет собой характеристику, заключающую в себе экспрессивную окраску. Имея потенциальную негативную коннотацию, слово стало использоваться в разговорном языке для номинации человека-кривляки, человека, который с трудом соглашается что-то делать, т. е. «ломается» [12, с. 340]. Кроме того, слово приобрело неодобрительный оттенок значения [5]. Обе лексемы образованы с помощью праславянского суффикса *-ак* (*-як*). На его общеславянское происхождение указывает то, что дериваты с данным аффиксом, как отмечает Л.Т. Суздальцева, фиксируются в памятниках не только древнерусской письменности, но и в ранних текстах других славянских языков [13, с. 57]. С помощью этой морфемы слова образовывались или от адъективных, или от глагольных основ, как в случае с *ломакой* и *мерзлякой*, и приобретали значение «носитель признака».

В целом дериваты с суффиксом *-ак* не обнаружили высокой продуктивности в книжно-литературном типе русского языка XI–XVII вв. Они были активны в народно-разговорной речи, что во многом и обусловило впоследствии их «оседание» в разговорной лексике. В настоящее время в письменном литературном языке дериваты с аффиксом *-ак* практически не обнаруживаются. Зафиксировано всего 14 таких девербативов, причём 13 из них сохранились от предшествующих эпох. При этом большинство из них имеют стилистические пометы (*обл.*, *устар.*, *прост.*), рекомендующие отказаться от их использования в письменной речи. Высокую продуктивность данные дериваты обнаруживают лишь в современных русских говорах, что также свидетельствует о снижении их стилистического статуса.

К формантам, повлиявшим на стилистическое смещение лексем, относятся также

суффиксы *-ун* и *-ыш*. Как имя собственное была известна в Древней Руси лексема *лопотун* [16, с. 64], образованная с помощью суффикса *-ун*. Он служил для образования наименований лиц мужского пола по процессуальному признаку с дополнительным модификационным оттенком усилительности признака. Этот словообразовательный тип был продуктивен и в древнерусский период, и в старорусский, о чём свидетельствует появление многочисленных отапеллятивных прозвищ типа *Лопотун*. Последнее с течением времени перешло в разряд номинативной разговорной лексики. Слово *лопотун* теперь номинирует человека, который говорит быстро и неясно (*лопочет*) [5]. Переход слова в разряд разговорной лексики был во многом обусловлен особенностями её функционирования в древнерусском языке. Лексемы с суффиксом *-ун* были свойственны народно-разговорному типу языка, хотя отмечено их незначительное использование в текстах делового стиля во второй половине XV века [1, с. 83].

Отапеллятивные прозвища и фамилии с суффиксом *-ыш* были также широко распространены в древнерусском языке. Они обнаруживаются в русской антропонимике значительно раньше нарицательных имён, примерно со второй половины XV века, что объясняется «принадлежностью апеллятивов к экспрессивным наименованиям народно-разговорного языка» [1, с. 106]. Примером служат лексемы *малыш*, *голыш*, *крепыш*, *глупыш*. Последняя первоначально была известна русскому языку как имя собственное [15, с. 162]. В современном же русском языке лексема стала нарицательным именем, обозначающим неразумного наивного ребёнка. Сейчас слово имеет оттенок ласковой снисходительности [10, с. 150].

Таким образом, на стилистическое смещение многих агентивных имён праславянского происхождения в сферу разговорной лексики повлиял тот или иной суффикс в их составе.

В русском языке сохранилось много общеславянских лексем, служащих наименованиями лиц по их возрасту и полу. Некоторые

из них с течением времени также оказались среди разговорной лексики. К примеру, лексема *дѣдъ* в древнерусском языке отмечается в значениях 'предок' и 'дедушка' [3, с. 783]. В настоящее время в семантической структуре слова обнаруживаются стилистически окрашенные значения. Во-первых, *дедом* сейчас называют любого старого человека. Это значение свойственно только разговорному языку. Во-вторых, лексема *дед* номинирует старослуживого человека в армии по отношению к молодым солдатам [11, с. 110].

Сохранилось в современном русском разговорном языке слово *детина*, известное ещё из древнерусского языка в значении 'дитя, юноша' [3, с. 795; 7]. Сейчас словоформа служит для обозначения рослого, сильного, молодого мужчины или парня [11, с. 203]. На закрепление этого значения за словом повлиял суффикс *-ин*, имеющий увеличительное значение (ср. *голосина*, *мужичина*, *зверина*, *доми́на* и т. д.). Словообразовательная морфема также послужила причиной стилистического сдвига лексемы в сферу разговорной лексики. Все слова в современном русском языке, имеющие в своём составе данный суффикс с указанным словообразовательным значением, имеют стилистическую помету *разг.* Однокоренное слово *детка*, бывшее общеупотребительным в древнерусском языке и называющее ребёнка или дитя [3, с. 797], также переместилось в сферу разговорной лексики [11, с. 204].

Изменили свой стилистический статус в сторону разговорной лексики и общеславянские лексемы *девица* и *молодец*. Словом *девица* в древнерусском языке называли девушку [3, с. 780–781]. Однако со временем лексема *девица* стала употребляться с двумя разными ударениями (на первом и на втором слоге), что привело к изменению её стилистического значения. Слово *де́вица* закрепилось за народно-поэтической речью, а *деви́ца* перешло в разговорную речь. Позже семантическая структура слова расширилась: появилось просторечное значение 'незамужняя женщина' [11, с. 97–98]. То же самое произошло и со словом *молодец*. Если до XVIII века так назы-

вали молодых людей удалецкого нрава [8, 248], то после слово приобрело второй вариант ударения на последнем слоге, а вместе с ним и новую стилистическую окраску. *Мблodeц*, как и *дэвица*, перешло в сферу народно-поэтической речи [14], а вот слово *молодѣц* также стало разговорным и используется для выражения похвалы или для номинирования бесшабашного человека [5]. Кроме того, слово *молодец* стало синонимом лексемы *молодчик*. Так называют молодых людей, способных на преступления, всячески нарушающих нормы общественного поведения. Это значение имеет оттенок презрительности [12, с. 1180].

Мужи́ком в древнерусском языке называли всякого крестьянина [4, с. 189]. Чуть позже наряду с этим появляется стилистически не маркированное значение 'муж, супруг' [8, с. 304]. В современном русском языке данная лексема фиксируется в значениях 'крестьянин' (разговорное), а также 'мужчина', 'муж, супруг'. Последние два отмечены в словарях как просторечные [14; 5; 12, с. 1944]. Кроме того, развивается и четвёртое значение, которое уместно только в просторечии: *мужи́ком* называют необразованного, грубого человека. В этом значении словоформа является бранной [12, с. 1944]. Движение словоформы в сторону просторечия говорит о дальнейшем снижении её стилистической окраски.

В русском языке фиксируется значительное количество праславянских имён, метафорически или метонимически переосмысленных, получивших вследствие переноса новое, экспрессивно окрашенное значение, благодаря которому данные слова оказались в сфере агентивной лексики со сниженной, разговорной окраской. Примером может служить общеславянская лексема *дрянь*, в Древней Руси обозначавшая негодные вещи, хлам и т. п. Данное значение слово *дрянь* сохранило и в современном русском языке, только явно негативная коннотация лексемы способствовала смещению её в сферу разговорного языка. Кроме того, ещё в XVIII веке появляется другое значение у данной лексемы: 'что-то малоценное, низкого качества' [9, с. 20]. Сейчас слово *дрянь* в этом значении также отме-

чено как разговорное. Стилистический сдвиг и негативная коннотация повлияли на дальнейшее развитие семантической структуры слова: появилось третье, также разговорно-окрашенное значение: *дрянью* стали называть скверного или дурного человека [11, с. 493].

Итак, для праславянских имён, как и в целом для лексики современного русского языка, в настоящее время из всех видов стилистических изменений наиболее характерен переход в «сниженную» категорию лексики. Процесс перемещения лексем из общепотребительной лексики в сферу разговорной речи более заметен и активен, чем процесс приобретения словами книжной стилистической окраски. Об этом можно судить исходя из количества лексем, «переживших» и тот, и другой процессы. В настоящее время идет общее «снижение» литературного языка, и закономерно, что праславянские имена «следуют» этой тенденции. В частности, это касается общеславянских агентивов, перешедших из разряда стилистически нейтральных в пласт разговорной лексики.

В целом количество разговорных слов в русском языке составляет наиболее значительную часть среди всех стилистически маркированных лексем. По данным словаря С.И. Ожегова, разговорных слов около 8000, то есть примерно 10% от всех слов словаря. Такое значительное количество разговорных лексем свидетельствует не только об их мощном влиянии на стилистическую систему русского языка, в частности на книжно-письменную разновидность, но и о том, что процесс перехода слов из разряда общепотребительных в пласт разговорных активно продолжается и в настоящее время. Эта тенденция проявляется и среди имён праславянского происхождения, процесс стилистического «снижения» которых продолжается и сейчас.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 247 с.
2. Ахманова О.С. Очерки общей и русской лексикологии. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 296 с.

3. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893. – Т. 1. – 771 с.
4. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1902. Т. 2. 919 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/4/192-0.html> (дата обращения: 24.03.2011).
6. Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. – М.: Наука, 1984. – 222 с.
7. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2641> (дата обращения: 05.04.2011).
8. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1982. – Вып. 9. – 363 с.
9. Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука. – Вып. 7. – 264 с.
10. Словарь современного русского литературного языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.: Рус. яз., 1992. – Т. 3. – 400 с.
11. Словарь современного русского литературного языка. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. – Т. 4. – 691 с.
12. Словарь современного русского литературного языка. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. – Т. 6. – 739 с.
13. Суздальцева Л.Т. Дериваты с суффиксом *-ак* в русском языке // Семантика лексических и грамматических единиц: Межвузовский сборник научных трудов. – М.: МПУ, 1995. – С. 56–65.
14. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/3/192-0.html> (дата обращения: 15.03.2011).
15. Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. – 857 с.
16. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М.: Наука, 1990. – Вып. 16. – 264 с.

УДК 81'23

Константинова М.В.

Курский государственный университет

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ ЮРИДИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ

M. Konstantinova

Kursk State University

EXPERIMENTAL RESEARCH OF THE LEGAL METAPHOR SPECIFICITY IN THE INDIVIDUAL LEXICON

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования юридической метафоры в индивидуальном лексиконе, являющейся частью тезауруса языковой личности. Под *юридической метафорой* понимается образованное в процессе речемыслительной деятельности индивида словосочетание, в которое наряду с общеупотребительными словами языка входит лексема/лексемы юридического дискурса, функционирующее в рамках профессионального дискурса юристов. Юридическая метафора представляет собой одну из базовых моделей профессионального знания индивида.

Ключевые слова: юридическая метафора, юридический дискурс, профессиональный язык, индивидуальный лексикон.

Abstract. The article is devoted to specific features of functioning of legal metaphor, as a part of a lingual personality's thesaurus, within an individual lexicon. The legal metaphor hereinafter is presumed as a word combination, initiated by verbal intellectual process of the individual, which may include lexeme item/items of the juridical discourse of the professional legal language together with the common used words. Legal metaphor is one of basic models of an individual's professional knowledge.

Key words: legal metaphor, legal discourse, professional language, individual lexicon.

© Константинова М.В., 2011.

В настоящее время в теории познания обсуждается широкий круг проблем, связанных с феноменом метафоры. Наука продолжает поиск новых способов объяснения этого феномена и новых метафор, связанных с разными сферами жизни и деятельности человека [2; 3; 4]. Анализ юридической литературы и современного языка свидетельствует о том, что метафора присутствует как в речи юристов, так и рядовых носителей языка. Это объясняется тем, что метафорические номинации служат способом представления и осмысления опыта взаимодействия индивида с окружающим миром, представляющим собой нелингвистическую аналогию, связывающую объект или явление с некоторыми другими объектами или явлениями [4, с. 42]. В связи с этим нам представляется важным и актуальным изучение юридической метафоры, которая выступает одной из составляющих жизни человека. Юридическая метафора – это структура, включающая общеупотребительное слово и лексему/лексеми юридического дискурса и функционирующая в профессиональном дискурсе юристов.

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что юридическая метафора актуализирует у носителя языка определенный фрагмент образа мира, связанный, прежде всего, с личностными характеристиками. Однако в индивидуальном лексиконе представителей конкретной профессиональной группы существуют ядерные элементы, предопределяющие основания для когнитивного моделирования «инвариантного профессионального образа мира», без которого невозможна профессиональная коммуникация.

Для проверки этой гипотезы нами был проведен психолингвистический эксперимент с использованием методики субъективных дефиниций. При проведении эксперимента была выбрана следующая форма инструктажа, обеспечивающая, на наш взгляд, понимание задания и в то же время не предопределяющая направленность ассоциаций. Испытуемым (далее – ии.) предъявлялась карточка, на которой была записана отдельная юридическая метафора, задача состояла в

том, чтобы объяснить предложенное выражение. Предлагалось дать столько объяснений, сколько приходит в голову при виде исходного словосочетания, основное условие – не задумываться. Если словосочетание кажется незнакомым или непонятным, бланк можно было отложить и больше к нему не возвращаться в процессе дальнейшей работы, условия обязательного заполнения бланков не ставилось. Время работы с каждым бланком не ограничивалось.

В качестве ии. в нашем экспериментальном исследовании принимали участие студенты 4–5 курсов факультета психологии и педагогики Курского государственного университета, юридического и экономического факультетов Юго-Западного университета. Общее количество ии. – 75 человек (микрогруппы по 25 человек на каждом из вышеперечисленных факультетов). Возраст участников эксперимента – 20–22 года. Инструкция была идентичной во всех экспериментальных микрогруппах.

Материалом исследования стали юридические метафоры из Большого юридического энциклопедического словаря, статей Уголовного кодекса РФ, Международных правил толкования торговых терминов. Выбор юридических метафор осуществлялся согласно принципу сплошной выборки. Нами был отобран следующий стимульный материал: **«таможенная очистка»** [5], **«отмывание денежных средств»** [6], **«агрессивное намерение, ад валорем, ад референдум, административная опека, амортизационный срок, асимметричная федерация, аффилированное лицо, профессиональный хранитель, кабальная сделка, карманное вето, концепция табула раза, полный товарищ»** [1].

В результате проведения эксперимента было получено 1050 бланков. При осуществлении вертикального анализа все экспериментальные бланки были признаны годными для дальнейшей работы. На этапе вторичной обработки экспериментального материала был проведен количественный подсчет реакций. Общее количество полученных субъективных дефиниций – 1100.

Следует отметить, что при интерпретации экспериментальных данных нами используется психолингвистическая теория слова, разработанная А.А. Залевской [2], согласно которой любая лексическая единица при идентификации должна рассматриваться как включенная в чрезвычайно сложную систему объемных многоярусных многократно пересекающихся полей, с помощью которых упорядочивается и хранится в более или менее полной готовности к употреблению в деятельности разносторонняя информация о предметах и явлениях, об их свойствах и отношениях, равно как и об особенностях обозначающих их вербальных единиц. Необходимо отметить, что речь идет об активном и пристрастном субъекте речевой деятельности, детализирующем хранящуюся в памяти информацию на основании знаний о подобных ситуациях, увязываемых с воспринимаемой лексемой, в результате чего может создаваться ситуация, когда индивид передает «похожее» содержание, используя для этого различные слова, определяя свою позицию «свой угол зрения». Например: «**асимметричная федерация**» – «невидимость правительством, что творится в стране, в федерации», «легкомыслие и самовозвышение в политике приводят к этому», «недалекий взгляд на политику. Пример: уважение взглядов одной партии, «презрение» взглядов других», «не видят, что творится с людьми, занимаются только своими проблемами».

Для нас важно то, что лежит в основании сравнения понятий, которыми оперирует индивид в процессе повседневной речемыслительной деятельности. На наш взгляд, некоторую ясность в решение этой проблемы может внести понятие сравнения как способа видения мира [4]. По результатам анализа эмпирического материала можно выявить основания для сравнения, которыми пользуется носитель языка. Полученные ассоциативные сравнения, на наш взгляд, демонстрируют проявление смыслового сходства и различия. В основании сравнения лежат знания человека о том или ином фрагменте образа мира и его составляющих, в том числе и о себе.

Ассоциация является тем ключом, который вызывает к жизни эти знания, в результате актуальным для сравнения оказывается признак, важный для человека «здесь и сейчас», в этой ситуации сравнения. Например: «**ад валорем**» – «ад кромешный», «**ад референдум**» – «референдум в аду», «**профессиональный хранитель**» – «ломбарды», «плохие люди общества», «больше денег».

Заметим, что одной из отличительных особенностей восприятия юридических метафор является соотношение их с признаком (качеством, свойством) предмета или явления, отражающее взаимосвязь и взаимообусловленность характеристик реальной действительности. При этом установление фактов сходства/подобия протекает с опорой на определенные смысловые признаки, по линии знаний о мире через отнесение к конкретному предмету или явлению, который знаком человеку. Информация, «стоящая» за исследуемым феноменом, проецируется на индивидуальную картину мира, коррелируя уже имеющимися схемами знаний, границы которых достаточно пластичны, модифицируясь в зависимости от конкретных обстоятельств. Подчеркнем, что восприятие юридических метафор зависит от факторов, которые важны для воспринимающего человека «здесь и сейчас». Например: «**аффилированное лицо**» – «отрехтованное кем-то лицо», «лицо с существенными поправками в области носа и правого глаза», «борьба хозяйства за выживаемость», «люди «противного» типа (наркоманы, всевозможные группировки, разлагающие общество)».

Индивид в процессах психического отражения выступает не как наблюдатель со стороны, а как активный субъект соответствующей, в нашем случае – профессиональной деятельности. Человек посредством метафоры способен пережить тождество/подобие по одному, релевантному для него признаку, разъясняя одно через другое. С этим и связан, по нашему мнению, ряд полученных субъективных дефиниций, в которых выражаются переживания и ощущения индивида, включающие в себя реагирование штампами, язы-

ковыми клише и культурными стереотипами. Например: *«карманное вето»* – «карманная собачка», «в нашем государстве – «карманное правительство», «запрет на «карманные расходы» граждан со стороны «ПАПЫ», *«концепция табула раза»* – «чистая доска. Наверное, что-то связанное с чистой совестью, холодной головой и чистыми руками. Короче, про хорошую полицию», «помню, что-то про государства, про новые культуры. А Россия была, есть и будет! Наши авось неистребим», «проходили по международному праву».

Важным, с нашей точки зрения, является то, что психическое отражение на любом уровне направляется целостным образом мира, сформированным у человека к соответствующему моменту. Под образом мира понимается некоторая совокупность или упорядоченная система знаний человека о мире, о себе, о других людях и т. п., опосредующая и преломляющая через себя любое внешнее воздействие [3]. Полученные нами результаты подтверждают высказанные выше положения. Полученные нами экспериментальные данные свидетельствуют о том, что с юридическими метафорами связана информация, передающая общее содержание, увязываемое с конкретными профессиональными феноменами, объективирующими фрагмент знания о профессиональном событии или ситуации. Например: *«административная опека»* – «нам рассказывали по конституционному праву. Но я ничего не понял. Помню какие-то предписания к исполнению», *«агрессивное намерение»* – «СовБез ООН «усмотрел» акт агрессии в Ливии и решил эти «намерения» Каддафи искоренить по-своему», *«отмывание денежных средств»* – «вывоз за границу «бешеных» денег, помещение их в банки под огромный проценты или вкладывание их в пока легальный бизнес. Именно благодаря такой схеме Ходорковский с широкой улыбкой шьет сейчас трусы и ватники. Юридических прецедентов куча».

Подчеркнем, что в полученных экспериментальных данных содержатся три субъективные дефиниции, достаточно близко

воссоздающие словарные статьи. А именно: *«амортизационный срок» (2 дефиниции) и «кабальная сделка» (1 дефиниция)*. В индивидуальной беседе ии. пояснили, что накануне они присутствовали на консультации по гражданскому праву, в рамках которой эти понятия обсуждались преподавателем. Однако чаще реакции, предложенные ии., не совпадали со словарными дефинициями и были намного разнообразнее и богаче. Это наглядно представлено в следующих примерах: *«полный товарищ»* – «гражданин своей страны, который принимает участие в руководстве какой-нибудь фирмы и является фактически её серым кардиналом. Он может её продать, манипулировать персоналом, заложить...Если присмотреться, то эта схема очень четко сейчас работает в политике и таких «товарищей» многие знают в лицо», *«ад валорем»* – «новые постановления президента (добавка к пенсии, разнообразные компенсации...) представляют собой не что иное, как новые методы исчислений платежей от граждан в стабфонд».

К специфично-индивидуальным реакциям можно отнести следующие: *«таможенная очистка»* – «непонимание, невидение сути проблем, которые помогали бы политическим системам интерпретировать прошлое, понимать настоящее, строить будущее. И это все, в свою очередь, носит тотальный (всеохватывающий) характер; вся система взглядов, включающая в себя аксиомы и закономерности отключается, т. к. идеология является средством манипуляции для власти, и эта манипуляция имеет особый смысл в государственных структурах», *«полный товарищ»* – «только в сказке», *«кабальная сделка»* – «семья тебя везде найдет. Дон держит руку на пульсе».

Таким образом, специфика функционирования юридических метафор заключается в различной степени актуальности для ии. информации, связанной со специальной областью знания. Мы наблюдаем детализацию профессиональных знаний у специалистов. Профессионалы чаще дают описание специфических процессов и явлений. У непрофес-

сионалов количество специфических реакций, относящих предъявленные стимулы к юридической сфере, значительно ниже. Сделанный нами анализ позволяет утверждать, что у профессионалов при толковании словосочетаний профессиональный фактор не преобладает, но проявляется. В то время как у непрофессионалов очевидна субъективная доминанта, позволяющая делать попытки определения незнакомых терминов с опорой на свой индивидуальный когнитивный перцептивно-аффективный опыт.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой юридический энциклопедический словарь. – М.: Книжный мир, 2004. – 720 с.
2. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
3. Лебедева С.В. Синонимы или проксонимы. – Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та, 2002. – 203 с.
4. Лебедева С.В., Зубкова О.С. Медицинская метафора в современном языке: Монография. – Курск: Курск. гос. ун-т., 2006. – 128 с.
5. Международные правила толкования торговых терминов. Инкотермс, 2000. – М.: Эксмо, 2009. – 112 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2011. – 224 с.

УДК 811.161.1

Лапшина С.С.

Московский государственный областной университет

ОСОБЕННОСТИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА С ВЕРШИНОЙ «НОГА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

S. Lapshina

Moscow State Regional University

CHARACTERISTICS OF THE WORD-FORMATIVE FAMILY WITH THE TOP "LEG" IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация. В статье на материале лексикографических источников анализируется состав словообразовательного гнезда с вершиной «нога» в современном русском языке и русских говорах с точки зрения мотивации его производных разными лексико-семантическими вариантами лексемы «нога» как вершины-полисеманта. Рассматриваются деривационные возможности словообразовательно продуктивных значений вершины-полисеманта и семантика мотивированных ими новых лексем. Анализ и сравнение групп производных слов делает возможным выявление причин большей словообразовательной продуктивности того или иного значения полисеманта.

Ключевые слова: полисемант, словообразовательное гнездо, значение, словообразовательная продуктивность, лексико-семантический вариант.

Abstract. Basing on lexicographic sources the author of the article researches the composition of the word-formative family with the top "leg" in the modern Russian language and Russian dialects in terms of motivation of its derivatives by different lexical-semantic variants of the lexeme "leg" as the top-polysemantic word. The derivational possibilities of derivational productive meanings of the top-polysemantic word and semantics of new lexemes, motivated by these meanings, are considered in the paper. The analysis and comparison groups of the derivative words make it possible to reveal the reasons of most formative productivity of different meanings of the polysemantic word.

Key words: polysemantic word, word-formative family, meaning, word-formative productiveness, lexical-semantic variant.

Полисемант *нога*, являясь частью соматического культурного кода русского языка, выступает важной единицей обогащения словарного состава языка, в том числе благодаря своей словообразовательной продуктивности. Анализ словообразовательного гнезда «позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о значимости для носителя языка» [2, с. 8]. Признак производящей номинации ложится в основу нового, производного наименования, таким образом выражая представление о том или ином объекте действительности.

Лексема *нога*, являясь вершиной словообразовательного гнезда с большим количеством производных слов и словообразовательных типов, имеет в нём статус «семантического центра, вокруг которого группируются целые ряды слов и понятий» [3, с. 88]. Этот полисемант и его производные занимают заметное место в лексической системе языка, о чём свидетельствует само количество производных и широкая сфера охватываемых ими понятий.

В дериватах слова *нога* разных ступеней прослеживается не только семантическая мотивированность (полная или частичная) их производящими, но и семантическая связь с производящим для всех них словом *нога* в определённом значении. Многие компоненты словообразовательного гнезда с вершиной *нога* являются полисемантами, развившими новые значения, в которых иногда довольно сложно усмотреть связь со значениями слова *нога*, что также говорит об актуальности новых лексем для носителей языка.

При анализе словообразовательного гнезда с вершиной *нога* становится очевидно, что эта лексема является исходной для большого пласта производных разной семантики, обладая при этом неодинаковыми словообразовательными возможностями в различных значениях.

Семантика производных единиц рассматриваемого словообразовательного гнезда

очень разнообразна. В новых лексемах воспроизведена не только нога как орган человеческого тела или конечность животного, с её физическими особенностями, но и нога как опора, нечто, расположенное внизу (как ноги относительно тела), и многообразные предметы, связанные с ногой по ряду признаков (сходство с ногой, использование на ногах или ногами, предназначение для действия ногами), и человек и его физические и психические особенности, а также животные, растения и явления окружающей действительности. Полисемант развивает большую словообразовательную активность не только в литературном языке, но и в народных говорах. Производные от имени существительного *нога* слова, функционирующие в говорах, часто не имеют аналогов среди литературных лексических единиц и мотивируются теми значениями производящего полисеманта *нога*, которые в литературном языке потеряли свою актуальность и стали словообразовательно неактивными.

Словообразовательная активность лексико-семантических вариантов полисеманта *нога* неодинакова: от очень значительной (более 190) до нулевой.

Интересно, что из всего многообразия лексико-семантических вариантов полисеманта *нога* (всего 33 по данным лексикографических источников) по-настоящему словообразовательно активными являются только первые два из них, известные литературному языку: 1 '*одна из двух нижних конечностей человека, а также одна из конечностей птиц, некоторых животных*' [8, с. 1369-1375; 7, с. 506; 1, с. 654] и 2 '*опора, нижняя часть (мебели, сооружения, механизма и т. п.); ножка*' [8, с. 1369-1375; 7, с. 506; 1, с. 654]. Значения, имеющие место в литературном языке, как наиболее известные, являющиеся в определенной степени нормой, эталоном, мотивируют почти все производные лексические единицы, как литературные, так и диалектные. Наибольшая словообразовательная продуктивность слова в значениях 1 и 2 подтверждает закономерность, выявленную А.Н. Тихоновым: «подавляющее большинство производных

слов возникает в языке на базе прямых номинативных значений производящего слова» [9, с. 13].

Эти значения (1 – в силу своей древности, непроемкости, актуальности для человека, наибольшей простоты семного состава, значение 2 – также в силу своей актуальности для человека и максимальной близости значению 1 по функции) образуют большое количество производных многообразной семантики.

Так, значение 1 *‘одна из двух нижних конечностей человека, а также одна из конечностей птиц, некоторых животных’* является мотивирующим для 9 групп производных лексем с разнообразной семантикой, каждая из которых, в свою очередь, обладает рядом подгрупп: 1) нога – нижняя конечность человека, одна из конечностей птиц, животных – с дополнительной характеристикой (например, **ножка**, образованное непосредственно от первого значения вершины словообразовательного гнезда, в своём первом из четырёх значений *‘уменьш.-ласк. к нога (в 1 значении)’* [1, с. 655], где уменьшительный компонент значения выражен суффиксом -к-; **ножонка** со значением *‘уменьш.-уничиж. к 1 знач. нога’* [1, с. 654], где уничижительный компонент значения выражен суффиксом-деминутивом -онк-); 2) наименование или характеристика живого существа, растения или его части по физическим особенностям, особенностям внешнего вида ноги, ног как одной из нижних конечностей с самым большим количеством подгрупп (всего 7) в словообразовательном гнезде (например, **вёслоногий** со значением *‘имеющий конечности, похожие на вёсла, действующие как вёсла’* [1, с. 121], мотивированным непосредственно первым значением вершины словообразовательного гнезда, с дополнительным компонентом значения в первом корне – наименованием по конечностям, внешне и функционально похожим на вёсла; **семяножка** со значением *‘ботан. нитевидный отросток, прикрепляющий семя к стенке плода, семяпочку к стенкам завязи’* [1, с. 1175 с новым компонентом значения в первом корне – наименованием конечности,

части, внешне и функционально похожей на ногу); 3) наименование или характеристика человека по физическим особенностям нижних конечностей; наименование процесса физических изменений нижних конечностей человека (например, **длинноногий** со значением *‘имеющий длинные ноги’* [1, с. 263], непосредственно мотивированным первым значением вершины словообразовательного гнезда, с новым компонентом значения в первом корне – характеристика человека по размеру, величине его ног); 4) наименование или характеристика человека или животного по двигательным способностям его ноги, ног, нижних конечностей (например, **быстроногий** со значением *‘быстрый в ходьбе, беге’* [1, с. 107], непосредственно мотивированным первым значением вершины словообразовательного гнезда, с новым компонентом значения – характеристика человека по его скорости передвижения с помощью ног – в новом корне, интерфиксе -о- и нулевом суффиксе); 5) относящийся к ноге – нижней конечности человека или животного (только **ножной** в своём первом значении *‘прил. к 1 знач. нога; имеющий отношение к ноге’* [1, с. 665], лексема образована по продуктивному словообразовательному типу с помощью суффикса -н-, посредством которого выражен новый компонент значения – отношение к ноге); 6) предметы, использование которых связано с ногами – нижними конечностями человека или животного, или характеристика человека или животного по наличию на его ногах таких предметов (например, **ноговища** со значением *‘(обл. и спец.) принадлежность обуви или одежды, закрывающая голень с коленом’* [10], где новый компонент значения – наименование детали одежды, облегающей ногу, – передан с помощью суффикса -овищ-); 7) характеристика или наименование предмета по действию, оказываемому на него ногой, ногами человека или животного (например, **обножка** со значением *‘спец. цветочная пыльца, переносимая пчелами на задних ножках и служащая им пищей’* [5; 1, с. 676], где новый компонент значения – наименование предмета по действию, оказываемому на

него ногами, конечностями пчел, – передан с помощью префикса *об-* и суффикса *-к-*); 8) характеристика или наименование предмета или человека через пространственное отношение к ноге, ногам; действие, характеризующееся через пространственное отношение к ногам (например, *подножный* в первом и втором значениях ‘1. расположенный внизу, под ногами; 2. подстилаемый или подставляемый под ноги’ [1, с. 873], где новый оттенок значения, касающийся пространственного отношения «под ногами», передан с помощью префикса *под-*; компонент значения – характеристика предмета, характеризующегося этим отношением, – передан с помощью суффикса *-н-*); 9) характеристика или наименование физического действия или психологического влияния, оказываемого на человека или животное, посредством ног (например, *сногшибательный* со значениями ‘разг. 1. такой, который способен свалить с ног; очень сильный; 2. перен. вызывающий крайнее удивление, изумление; потрясающий, поразительный’ [5; 1, с. 1223], где дополнительный компонент значения – характеристика физического и психологического действия, оказываемого на человека, посредством его ног – отражен с помощью нового корня, приставки *с-* и суффикса *-тельн-*).

Значение 2 ‘опора, нижняя часть (мебели, сооружения, механизма и т.п.); ножка’ обладает не столь высоким, но все же большим словообразовательным потенциалом. Оно является мотивирующим для 5 групп производных лексем, каждая из которых также делится на подгруппы: 1) нога – опора, нижняя часть (мебели, сооружения, механизма и т. п.); ножка – с дополнительной характеристикой (например, *ножечка* в своем первом значении ‘уменьш. к ножка в знач. 2: опора, нижняя часть (мебели, утвари и т. п.)’ [5], где дополнительное значение уменьшительности выражено с помощью суффикса *-к-*); 2) относящийся к ноге – опоре, нижней части (мебели, сооружения, механизма и т. п.); ножке (например, *ножечный* в первом значении ‘соотн. с сущ. ножка в знач. 2: опора, нижняя часть (мебели, утвари и т. п.), свя-

занный с ним’ [5], где дополнительный компонент значения – наличие отношения к опорам, ножкам – выражен суффиксом *-н-*); 3) характеристика или наименование чего-либо по его воздействию на ногу / ноги – опоры, нижние части (мебели, сооружения, механизма и т. п.); ножи (например, *ножечный* во втором значении ‘относящийся к изготовлению ножек в знач. 2: опора, нижняя часть (мебели, утвари и т. п.)’ [5], где дополнительный компонент значения – наличие отношения к изготовлению опор, ножек – выражен суффиксом *-н-*); 4) характеристика или наименование предмета по внешнему виду его ноги / ног – опор, нижних частей (мебели, сооружения, механизма и т. п.); ножек (например, *одноногий* во втором значении ‘на одной ножке (о мебели)’ [1, с. 702], где новый компонент значения – характеристика предмета по количеству его опор, ножек – выражен с помощью нового корня с количественным значением, интерфикса *-о-* и нулевого суффикса); 5) характеристика или наименование предмета, места через пространственное отношение к ноге, ногам – опорам, нижним частям, ножкам (например, *разнога* в первом значении ‘спец. распорка между частями какой-л. конструкции, какого-л. устройства’ [1, с. 1075], где новый компонент значения – наименование устройства по его расположению между опорами, ножками – передан с помощью префикса *раз-*).

И совсем скромными словообразовательными возможностями обладают три лексикосемантических варианта, встречающиеся в говорах: 6 ‘колодка в образе ноги человека, для разбивки и чистки сапог, лапка’ [4, с. 551; 6, с. 263; 11, с. 150] (*подног* имеет значение ‘подъем у сапожной колодки’ [6, 101], непосредственно мотивированное значением 6; новый компонент значения — наименование части колодки в образе ноги человека по ее подъему вверх – передан с помощью префикса *под-*); 10 ‘расстоянье, коим чертят круг, раствор циркуля, кружала; полудиамер, полупоперечник, радиус, луч’ [4, с. 551] (*ножка* имеет значение ‘одна из раздвижных деталей измерительного или чертежного инструмента’ [1, с. 655],

непосредственно мотивированное значением 10; новый компонент значения — наименование детали инструмента по тому расстоянию, что он чертит, — выражен с помощью суффикса -к- в производной лексеме) и 13 'мн. подводная ледяная коса, идущая иногда далеко от стамухи, надводной ледяной горы' [4, с. 551; 6, с. 263] (*но́гильда* имеет значения '1. подводный ледяной риф, отходящий от закрепившейся на мели ледяной глыбы, горы; 2. длинный выступ льдины' [6, с. 265], непосредственно мотивированные значением 13; первое значение совпадает со значением производящего, а второе образовано от первого метафорическим переносом).

Как видим, изучение производных от слова *нога* способствует выявлению характеристик ноги, наиболее значимых для человека, его ассоциаций с понятием «нога, ноги». При формировании производных учитываются многообразные характеристики ноги (как чисто внешние, например, длина, ширина, так и явно не выраженные, носящие ассоциативный характер, такие как опорная функция, способность к передвижению посредством ног, приобретающие символическое значение). Отмечается много как литературных, так и диалектных слов с конкретно-предметным значением (предметы быта, одежда, инструменты). Таким образом, слово *нога*, принадлежащее к основному словарному фонду, формирует большое количество производных и оказывает заметное влияние на лексическую систему языка и говоров.

Актуальность понятия «нога» настолько велика, что в большом ряду производных человек (целое) или животное, растение (целое), а то и целый класс животных, растений (целое) характеризуется через ноги (часть), их функции, способности, внешний вид.

Лексема *нога* активно функционирует в лексической системе, его семантика продолжает своё развитие в лексических единицах литературного языка, территориальных и социальных диалектах. И хотя не все лекси-

ко-семантические варианты полисеманта находят своё выражение в словообразовательных производных, а лишь малая их часть, широкая семантическая структура слова *нога* в целом несомненно оказывает большое положительное влияние на развитие словообразовательных способностей её отдельных лексико-семантических вариантов.

Немаловажно, что состав исследуемого словообразовательного гнезда является открытым. Словообразовательное гнездо включает несколько словообразовательных моделей, предполагающих возможности для словопроизводства. Лексические единицы различных степеней деривации сохраняют соотношение по семантике с рядом значений исходного слова *нога*.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998. – 1536 с.
2. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М., 1988. – 238 с.
3. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. Избранные труды. – М., 1977. – 310 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1994. – Т. 1-4.
5. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. – М., 2000. [сайт]. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova> (дата обращения 23.05.2011 г.)
6. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Сороколетов. – СПб., 1965-2003. – Вып. 1. – С. 37.
7. Словарь русского языка. – М., 1981. – Т. 1-4.
8. Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. – М.-Л., 1950-1965. – Т. 7, 1958. – 752 с.
9. Тихонов А.Н. Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1974. – 35 с.
10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 1935-1940. [сайт]. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения 23.05.2011 г.)
11. Ярославский областной словарь. – Ярославль, 1981-1991. – Т. 1-10.

УДК 811.161.1'373.45

Лукина Е.С.

Московский государственный областной университет

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ИТАЛЬЯНСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

E. Lukina

Moscow State Regional University

WORD-FORMATIVE ADAPTATION OF ITALIAN BORROWINGS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация. В процессе заимствования проявляется словообразовательная активность самого русского словаря. Адаптация иноязычных заимствований нередко проходит в несколько этапов, и среди итальянских заимствований многие слова полностью освоены языком, что отражается в словообразовательных цепочках. При этом наблюдается преобладание суффиксального типа словообразования. Однако в начале XXI в. усиливается поток новых заимствований из разных сфер употребления, которые в основном освоены только с точки зрения фонетики.

В результате анализа итальянских заимствований XX–XXI вв. отмечается преобладание имен существительных, оформленных русскими суффиксами, меньше прилагательных, глаголов и наречий. Лексемы начала XXI в. являются в основном неосвоенными.

Ключевые слова: итальянский, заимствование, адаптация словообразовательная, суффикс.

Abstract. The word-formative activity of the Russian language itself becomes apparent in the process of borrowing. The adaptation of many foreign borrowings takes several stages, and among the Italian borrowings many words have been assimilated in the language, and that can be shown by the word-formative chains. At the same time one can observe predominance of the suffixal type of word formation. However, at the beginning of the 21st century increased the stream of new borrowings from different spheres of usage, which are assimilated mainly from the phonetic point of view.

As a result of the analysis of the 20th–21st centuries borrowings one can notice the predominance of words among the nouns with Russian suffixes, and less adjectives, verbs and adverbs. The lexemes of the beginning of the 21st century are mainly unassimilated.

Key words: Italian, borrowings, adaptation, word-formative, suffix.

В процессе адаптации в языке-приемнике заимствованное слово преодолевает несколько ступеней освоения: фонологическое, морфологическое, синтаксическое, лексическое и семантическое. Данное явление рассматривалось в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ [2], Н.Н. Дурново [6], Л.П. Крысина [8], Л.А. Булаховского [3], В.Г. Демьянова [5], М.Л. Апажева [1], И.Ю. Сухановой, И.В. Нечаевой [9] и др.

Обратимся к морфологической адаптации, которая показывает, на каком этапе освоения находятся “старые” и “новые” итальянские заимствования.

В русском языке имеется значительное количество слов, образованных при помощи суффиксов *-ер*, *-ёр*, *-арь*, *-ир*. Среди исследованных итальянских заимствований нами отмечены слова из профессиональной сферы, например: *grimёр*, *гондольер*, *банкир*, *кассир* и т. д. Суффиксы *-ёр*, *-ор* дублируют друг друга, поскольку этимологически суффикс *-ёр* восходит к французскому языку *-eur*. Среди исследованных итальянских заимствований слов с суффиксом *-ор* отмечается только одно – *кредитор*.

По наблюдениям И.А. Вотяковой, существительные с суффиксом *-ист* в большинстве своем являются книжными или нейтральными, а также могут относиться к лексике терминологического характера [4, с. 127–130]. Среди итальянских заимствований в основном наблюдаются существительные, которые обозначают лица по принадлежности к профессии, определенному

общественному направлению, роду деятельности и т. д. Например: *новеллист, маринист, контрабасист, контрабандист, карьерист, карикатурист, капиталист, бандурист, артиллерист, аккордеонист, анималист*.

В меньшем количестве представлены слова с суффиксом *-ир*: *банкир, кассир*, а также с суффиксом *-ер*: *гондольер, костюмер*. Остальные слова образованы с помощью суффиксов *-чик, -щик, -ник, -ант*: *гранитчик, газетчик, канительщик, каретник, капризник, канатник, комедиант*.

Основную часть словообразовательно адаптированных итальянских заимствований, образованных с помощью исследованных суффиксов существительных, составляют слова, обозначающие профессию или род деятельности.

Для освоения итальянских заимствований в русском языке глагольный суффикс *-ирова-* (*жирировать* (ит. *girare*), *сальдировать* (ит. *saldare*), *бандировать* (ит. *bandire*), *манкировать, изолировать*) является продуктивным, т. к. большинство глаголов в словообразовательных цепочках образовано именно с его помощью. В меньшей степени используется суффикс *-ова-* (с иноязычной основой: *франковать* (ит. *francare*), *скицовать* (ит. *schizzare*), а также *бастовать* – глагол, который образован от междометия *баста* (ит. *basta*); из коммерческой лексики – *контрибутовать* (ит. *contributo*), из военной лексики – *сегвितовать* (ит. *seguitare*)).

При морфологической адаптации итальянских заимствований у многих лексем сохраняются грамматические показатели рода и числа, однако и среди них слова, оканчивающиеся типично для итальянского языка (на *-о, -е, -та, -ти*). Эти слова относятся к разным сферам употребления, большая часть их заимствована в начале XXI в. (*пиццайоло, карпаччо, песто; маскарпоне, латте, сальмоне; антипаста; панакота, брускетта, бариста*). Тем не менее, по утверждению М.М. Калиневич, эти заимствования обязательно принадлежат к одному из трех родов, подобный процесс описывается при ассимиляции французских заимствований в русском языке [7, с. 44].

Некоторые продуктивные суффиксы существительных (*-ер, -ир, -ист, -та*) употребляются в словах мужского рода, которые в свою очередь также могут обозначать род занятий лица женского пола (*стилист, костюмер, новеллист*).

Среди производных от итальянских заимствований отмечаются слова с суффиксом *-ств(о)*, указывающие на деятельность: *бумаготворчество, канальство, комедианство, шарлатанство*. И.Ю. Суханова указывает на значение данного суффикса: «Обозначение занятия лица, названного мотивирующим словом: *хакер-ство(о), лузер – лузер-ств(о)*» [10, с. 62]. С суффиксом *-изм* среди производных от итальянских заимствований есть одно – *бандитизм*, которое выражает абстрактность, склонность к какой-либо деятельности. По утверждению И. Ю. Сухановой «слова с суффиксом *-изм* называют общественно-политические и научные направления, системы, качества, склонности, связанные с тем, что названо мотивирующим словом: *лобби – лобб(и)изм, менеджер – менеджериизм*» [10, с. 62].

Благодаря продуктивным суффиксам, большая часть итальянских заимствований соотносится с именем существительным и прилагательным, в меньшей степени с глаголом, единичны случаи образования наречий (*капризно, изолированно*). Небольшое количество слов с итальянскими корнями состоит из двух основ (*валютно-финансовый, гидрокостюм*).

Большинство итальянских заимствований оформлено русскими суффиксами, т. к. из итальянского языка или языка-посредника словообразовательных компонентов не приносилось.

При рассмотрении словообразовательных гнезд в словообразовательных словарях [11; 12] наблюдаем преобладание веерного типа для слов, заимствованных в XX в., например, *картон*:

1) *картонка*, 2) *картонаж* → *картонажный* → *картонажник*, 3) *картонщик* → *картонщица*, 4) *картонный*, 5) *картоноделательный*.

Среди итальянских заимствований ХХI в. наблюдаются лексемы плохо освоенные, с точки зрения фонетико-графической, например, в однословном словообразовательном типе слов (*капучино* или *капучино*, *чабатта* или *чаабатта*, *ризотто* или *ризото*, *тирамису* или *тирамиссу* и др.).

Словообразовательная адаптация заимствованной лексики указывает на высокую степень освоенности в русском языке.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Апажев М.Л. Заимствованная лексика в русском языке: специфика ассимиляции и функционирования. – Нальчик, 1996. – 52 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Несколько слов о сравнительной грамматике индоевропейских языков. – СПб., 1882. – 53 с.
3. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. – Харьков: Радянська школа, 1935. – 305 с.
4. Вотякова И. А. К вопросу об употреблении существительных на *-ист* в современном русском языке (на материале словарей) [электронный ресурс] / И. А. Вотякова // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та. Т. 1.: [сайт] [2003]. URL: http://www.kls.ksu.ru/boduen/bodart1_1.php?id=5&num=7000000 (дата обращения: 16.05.2011).
5. Демьянов В.Г. Фонетико-морфологическая адаптация иноязычной лексики в русском языке XVII века. – М.: Наука, 1990. – 157 с.
6. Дурново Н.Н. Заимствования в языке // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. – М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель. Т. 1. А-П.: [сайт] [1925]. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-2513.htm> (дата обращения: 16.05.2011).
7. Калиневич М. М. Заимствования из французского языка в современном русском литературном языке в свете фонологической и морфологической систем. – Познань, 1978. – 71 с.
8. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М.: Наука, 1968. – 208 с.
9. Нечаева И.В. Актуальные проблемы письменной адаптации иноязычных заимствований: дис. ...канд. филол. наук. – М., 2008. – 205 с.
10. Суханова И.Ю. Словообразовательные гнезда с вершиной-иноязычным словом: на материале русской лексики рубежа XX–XXI вв.: дис. ...канд. филол. наук. – Самара, 2005. – 208 с.

СЛОВАРИ:

11. Семенов А.В. Словообразовательный словарь русского языка. – М.: «ЮНВЕС», 2002. – 704 с.
12. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь: Около 100 000 слов / А.Н. Тихонов. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 704 с.

УДК 651

Преферансов С.А.

Волгоградский государственный университет

**ОТРАЖЕНИЕ ОБЩЕРУССКИХ НОРМ И МЕСТНЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ СОСТАВЛЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XVIII ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ АРХИВНОГО ФОНДА ЦАРИЦЫНСКОГО
ГОРОДОВОГО МАГИСТРАТА)**

S. Preferansov

Volgograd State University

**THE REFLECTION OF COMMON RUSSIAN NORMS AND LOCAL FEATURES
OF DOCUMENTS PREPARATION IN REGIONAL WRITING OF THE END
OF 19TH CENTURY (ON THE MATERIAL OF THE ARCHIVAL
FUND OF TSARITSYN CITY COUNCIL)**

Аннотация. Статья посвящена анализу общерусских норм и местных особенностей, которые находят отражение в региональной деловой письменности конца XVIII в. при составлении документов. Основное внимание уделяется рассмотрению реквизитов в формуляре различных групп текстов, представленных в делопроизводстве Царицынского городского магистрата. Выявляются отступления от принятых образцов и языковых формул, используемых в канцелярском делопроизводстве, с учетом соответствия функции документа его форме и содержанию.

Ключевые слова: региональная деловая письменность, архивный фонд, документ, формуляр, норма, функция.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the common Russian norms and local features which reflect in regional business writing of the end of 18th century. The basic attention is paid to the requisites in the form of various text groups presented in the documents of Tsaritsyn city council. The work shows the deviations from the accepted standards and language formulas used in the clerical work with documents due to its function, form and content.

Key words: regional business writing, archival fund, document, form, norm, function.

Изучение памятников письменности, отложившихся в различных архивных фондах, предполагает обращение к источникам и корпусам текстов, не исследуемым ранее, что способствует уточнению процессов, отражавших использование русского литературного языка в его региональном варианте [23]. Особая роль в решении данных вопросов отводится источникам делового содержания, имеющим местный колорит [18, с. 80]. Традиции составления документов, приуроченных к определенной территории, складывались под влиянием общерусских тенденций и особенностей официального общения в данном регионе [22, с. 168; 23, с. 186–187; 24, с. 6]. Анализ подобного рода архивных материалов позволяет выявить локальные черты деловой речи [9, с. 114; 13, с. 60; 11, с. 448] в соотнесении с образцовыми нормами.

Исследуемый архивный фонд Царицынского городского магистрата (далее – ЦГМ) включает тексты, среди которых наиболее ранними являются датированные 1784–1799 гг. Городовые магистраты в конце XVIII века являлись низшей судебной инстанцией местного управления, в их ведении находилось население округа или уезда [16, с. 107, 109]. В составе рассматриваемого архива отложились различные по своему целевому назначению документы, создаваемые в самом магистрате, представляющие входящую и исходящую корреспонденцию (далее

– ДЦГМ*). По своей функции это распорядительные документы (указы, приказы, наставления, предложения, решения, определения, приговоры); информационно-справочные (протоколы, выписки из протоколов и журналов, сообщения, доношения, объявления); отчетные (рапорты); регистрационные материалы (реестры входящих указов и предложений, книги исходящих документов, книги записи); просительные бумаги (челобитные, прошения, жалобы); договорная документация (верющие письма, контракты, купчие); тексты учетного характера (книги прихода денежных сборов с купцов г. Царицына); записи показаний судебного и несудебного характера (сказки, объяснения, допросы, допросы при очной ставке); удостоверительные бумаги (квитанции, расписки, паспорта); акты принятия на себя каких-либо обязательств (подписки, клятвенные обещания) [24].

Общерусские нормы делопроизводства закреплялись, прежде всего, на уровне структуры документа, или его формуляра [8, с. 154]. Ориентация составителей на образцы способствовала выработке стандартных способов языкового выражения реквизитов и шаблонных устойчивых формул [12, с. 244; 21, с. 274]. Под формулой принято понимать словосочетания или синтаксические конструкции с более или менее постоянным лексическим составом [12, с. 243].

Состав используемых элементов характеризуется в данном исследовании с учетом основополагающего принципа описания деловых текстов – обусловленности формуляра и содержания документа канцелярской традицией, определяющей своеобразие его оформления [6, с. 208]. Так, для казусной части распорядительных и отчетных текстов характерным является ссылка на иницирующий документ, в роли которого выступает нормативный акт верховной власти, распоряжение или решение вышестоящего органа местного правления, прошения частных лиц. Менее обязательным, как показывает характеристика рассматриваемого фонда,

это являлось для сообщений и доношений, представляющих собой информационно-справочные материалы. Указание на причину составления бумаги могло осуществляться различными способами, в частности, посредством использования деепричастия, образованного от глагола восприятия *слушали*. Например, в Указе Царицынского городского магистрата: *царицынской городской магистратъ слушавъ полученной из Саратовскаго наместническаго правления<...>указъ...^{**}*. Введение казусной части документов могло реализовываться также предложениями и предложно-падежными конструкциями; среди них выделяются элементы *всходственность* или *всходствию* в функции предлогов, что характерно для XVIII столетия и зафиксировано нами в информационно-справочных и распорядительных текстах. Частотными в этом ряду являются также *во исполнение* (в рапортах), *в силу* или *по силе* (в распорядительных актах) и др.

Целевое назначение документа получает отражение в единицах с соответствующей семантикой, имеющих устойчивое употребление. Казусная часть, например, прошений и допросов, содержит формулы представления автора с глаголами и причастиями, которые используются в значении «речевое воздействие»: *просит* (в прошениях и др.), *допрашиванъ* (в допросах, очных ставках и др.); например, в Допросе крестьянина Ивана Сорокина 1793 года: *1793 года октября 28го дня Царицынскаго округа верхняго ахтубенскаго городка экономическои крестьянинъ Иванъ Петровъсынъ Сорокинъ<...>допрашиванъ...^{***}*. В распорядительных актах, решениях и определениях используются лексемы, обозначающие факт принятия решения: *указом определено*, *резолюциею заключено* (велено) и др., вводящие основное содержание документа. В заключительной части подписок, посвященных подтверждению каких-либо обязательств автора, зафиксирована формула с глаголом графической передачи информации: *в чемъ и подписуюсь* и т. д.

* ДЦГМ – документы Царицынского городского магистрата (ГАВО. Ф. 233. Оп. 2).

** ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 156, л. 3.

*** ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 133, л. 15.

Строгие правила официального общения обуславливали регламентацию речевого поведения участников коммуникативного процесса – различных по рангу органов власти или должностных лиц – в формулах речевого этикета [20, с. 40]; это выражалось в употреблении формул со значением волеизъявления: *тебе повелевается* и др., доклада или сообщения: *в покорности извещаю* и др., отчета: *покорнейше рапортую* и др., уничижительной просьбы: *всеподданнейше прошу, прошу ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, прошу решение учинить милостивою резолюцией* и др.

Ряд выражений в ДЦГМ свидетельствует о сложившихся традициях оформления устойчивых реквизитов формуляра, одинаково важных для всех групп документов. Это относится к наименованиям видов документа, датам, подписям и т. д. В частности, процедура придания бумаге юридической силы осуществлялась посредством подписания авторов и доверенных лиц после основного текста. В рассматриваемых источниках наблюдаются синонимически тождественные варианты удостоверения: *руку приложилъ* (если текст писался со слов автора или под диктовку), *подписано тако* (имярек); *подписался* (имярек) и др. (если текст писался самими авторами), *своеручно подписался* (при подтверждении лицом своей грамотности).

В научной литературе подчеркивается, что язык деловой письменности XVIII века отличается высокой степенью вариативности языковых единиц, проявляющейся на разных уровнях, в том числе лексическом [10, с. 43; 24, с. 11], что чаще всего обуславливается языковой компетентностью писца, его профессиональными навыками [14, с. 14–15]. Так, Л.М. Городилова, говоря о текстах Приенисейской Сибири XVIII века, утверждает, что бумаги, составленные непрофессионалами, изобилуют отклонениями от общерусских образцов [10, с. 43]. В документах ЦГМ, обслуживавшего потребности жителей Царицынского округа, также отмечена большая часть составителей, которые не обладали необходимыми навыками письменного делового общения:

это выходцы из купеческой, мещанской, посадской и крестьянской среды.

Рассматривая влияние локального фактора на лингвистическую содержательность деловых текстов, ученые уделяют особое внимание лексике. Ценность памятников письменности в изучении территориально ограниченных языковых употреблений утверждается в работах как старших языковедов, так и современных исследователей [9, с. 114; 19, с. 149]. Региональный аспект анализа материала не ограничивается выявлением диалектных проявлений в текстах, он связан в целом особенностями функционирования делопроизводства на определенной территории. А.П. Майоров отмечает «региональный узус» деловой письменности, подвергавшийся варьированию на всем огромном пространстве России; ученый трактует данное понятие как конкретную реализацию сложившихся норм с учетом местных особенностей письменного общения [15, с. 8–9].

Исследователи указывают на относительный характер регламентированности лексического наполнения речевых формул [7, с. 102], что создает возможность для сосуществования функциональных вариантов. Вариативность языковых средств, по словам М.Л. Ремневой, была стандартно ограничена действующими правилами делопроизводства, необходимостью следовать и не противоречить им [21, с. 273].

Как показывает анализ, ДЦГМ, с одной стороны, характеризуются следованием единым моделям, т. е. общерусским нормам оформления бумаг, с другой – включением индивидуальных и местных черт, некоторым отклонением от принятых образцов. Подобные случаи возникают, во-первых, при отсутствии обязательных реквизитов, прописанных в законодательных актах. В частности, в Доношении о состоящих в 1785 год наличного числа душ города Царицына, адресованном департаменту Саратовского наместнического правления, в конце текста вместо обозначения даты зафиксировано употребление книжной конструкции с глаголом *имеет*, что не соответствует Указу 1738

года «О формах рапортам и доношениям»*: *от Царицынского городского магистрата почту во оныи депортаментъ доставить имеетъ без замедления...*** Данная замена могла быть обусловлена срочностью бумаги. Во-вторых, переписывание текста с оригинала могло приводить к употреблению вариантных форм, отличающихся от прописанных в генеральных формулярах. Так, в Клятвенном обещании приказчика лавки по продаже казенной соли 1790 года, копированном с текста генеральной присяги на чины 1762 года [17, с. 350], которая изобилует книжными вариантами, некоторые архаичные элементы заменены новыми: я *вм. азъ*; стяжение формы инфинитива *стараться, касаться* *вм. инфинитивов с напряженным «и»* и др. В-третьих, может подвергаться замене клишированная формула, что, по-видимому, можно объяснить индивидуальными навыками писца, коммуникативной ситуацией. В частности, в Подписке вдовы посадской жены Авдотьи Беловой 1788 года вместо устойчивого сочетания со значением принятия на себя обязательства *в чем и подписуюсь* употребляется выражение *в чемъ во уверение сего сию подпискою и обязуюсь****; существительное со значением убеждения (*уверение*) и глагол принуждения (*обязуюсь*) подчеркивают степень личной ответственности адресанта.

Проявление локальных черт наблюдается при изменении содержания документа и его функции. Например, бумага, имеющая название «одобрение», в Словаре Академии Российской определяется как «письменное свидетельство о поведении, значении, достоинстве кого-либо» [САР II, с. 702]. Однако текст Одобрения жителей селения Приозерье Царицынского округа 1795 года, посвященный подтверждению согласия отпустить поляка Филата Морозова и его семью в разряд посадских людей, написан в форме другого документа – приговора: *По согласию мирскаго*

*общества дали сие одобрение маго жъ селения поляку филату андрееву сыну Морозову и з женою Марьей ивановою дочерью в томъ что куды онъ не пожелаетъ по нынешней ревизии приписатца то мы в семъ нашимъ обществомъ дозволяемъ<...> в чемъ сие одобрение ему Морозовуидано...***** Содержание приводимого здесь Одобрения обуславливает изменение его назначения: документ выполняет распорядительную функцию, свойственную приговорам.

Следует отметить, что в анализируемом фонде нами зафиксировано частое отождествление функций деловых бумаг. Например, один и тот же документ может иметь два наименования. Так, письмо царицынского купца Степана Софонова в Царицынский городской магистрат 1787 года названо *объяснением*, о чем свидетельствует его начальный протокол – реквизит «наименование документа»: *Царицынского третей гильдии мещанина Стефана Софонова объяснение*****. Данное существительное имеет в Словаре русского языка XI–XVII вв. значение «разъяснение» [СлРЯ XI–XVII 12, с. 208] без каких-либо помет или комментариев, позволяющих говорить о специальном (терминологическом) значении этого слова в официально-деловой речи; в Словаре Академии Российской *объяснение* определяется как «оправдание» в составе выражения «подать объяснение по делу» [САР VI, с. 1058]; что предполагает закрепление данного существительного за официальной сферой общения в XVIII веке. В заключительной части рассматриваемого письма купца Софонова в реквизите «подпись» автор называет свой документ *объявлением*: *на подлинном подписано к сему объявлению гилдейской мещанинъ стефанъ софоновъ руку приложилъ******. Слово *объявление* в СлРЯ XI–XVII имеет несколько значений, в том числе по глаголу *объявити* – «раскрытие, доказательство вины» и «сообщение, заявление, извещение в устной или письменной форме» [СлРЯ XI–XVII 12, с. 205]. Дефиниция сущес-

* ПСЗ. – Т. X, № 7713. – СПб.: Печатано в типографии II Отделения собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1830. – С. 679.

** ГАВО. Ф.233. Оп. 2. Ед. хр. 22, л. 18 об.

*** ГАВО. Ф.233. Оп. 2. Ед. хр. 68, л. 32.

**** ГАВО. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 156, л. 2.

***** ГАВО. Ф.233. Оп. 2. Ед. хр. 59, л. 6.

***** ГАВО. Ф.233. Оп. 2. Ед. хр. 59, л. 6

твительного *объявление* в САР свидетельствует о том, что второе из приведенных выше значений близко к сложившемуся в языке XVIII века терминологическому обозначению письменного извещения «о чем-либо в каком-либо судебное место» [САР VI, с. 1029]. Варианты словоупотребления *объяснение-объявление* в одном и том же тексте позволяют говорить о функционально-семантическом сближении названных языковых единиц, их синонимическом использовании в контексте, что способствует появлению у существительного *объяснение* значения, свойственного канцелярскому слогу, и закреплению за ним функции реквизита – «наименование документа» по аналогии с функцией существительного *объявление*.

Расхождения фиксируются нами также в подписках. Например, документ от царицынских посадских и цеховых людей 1788 года в реквизите «наименование документа» указан как *подписка*, т. е. «обязательство, утвержденное своеручным подписанием» [СЦРЯ III, с. 270], а в заключительной части текста именуется как *приговор* – «определение, постановление, присуждение» [СЦРЯ III, с. 460]. Эти случаи отражают неустоявшийся характер терминосистем в рамках развивающегося официально-делового стиля, нерегулярность реализации в канцелярском слоге таких признаков специальных слов, как однозначность и закреплённость за определенной функцией.

Проведенный анализ архивного фонда Царицынского городского магистрата свидетельствует о том, что этот памятник письменности конца XVIII в. содержит ценные сведения о процессах, происходивших в официальном делопроизводстве России. Исследуемые тексты отражают утверждение общерусских образцов оформления бумаг на региональном уровне, выработку устойчивых приемов языкового выражения содержания, формирование канцелярских оборотов и формул, этикетных фраз, уточнение состава и последовательности реквизитов документа. С другой стороны, в местном делопроизводстве наблюдаются случаи отклонения от пра-

вил составления бумаг, когда обязательность элементов формуляра нечетко прописана в российских регламентах и инструкциях, что приводило к заменам формальных и содержательных компонентов текста, канцелярских формул, отдельных элементов реквизитов.

Процессы, происходившие в литературном языке XVIII столетия, эволюция документной системы обуславливают неустойчивый характер употребления единиц, называющих официальные бумаги, наличие вариантов словоупотребления, расширение или изменение функций ряда исходящих и входящих документов и их реквизитов, что нашло отражение в делопроизводстве Царицынского городского магистрата.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ:

1. ГАВО – Государственный архив Волгоградской области. Ф. 233. Оп. 2. Ед. хр. 156, л. 3; Ед. хр. 133, л. 15–15 об.; Ед. хр. 22, л. 18–18 об.; Ед. хр. 68, л. 32; Ед. хр. 156, л. 2; Ед. хр. 59, л. 6 (при цитировании текстов используется упрощенная графика и орфография; указывается номер единицы хранения и листа).
2. ПСЗ – Полное собрание законов Российской Империи. 1-е собр. – Т. X, № 7713. – СПб.: Печатано в типографии II Отделения собственной Его Императорского величества Канцелярии, 1830.
3. САР – Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001–2006 (в скобках указывается номер тома и страницы).
4. СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 12. – М.: Наука, 1987 (в скобках указывается номер выпуска и страницы).
5. СЦРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 т. Т. III. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1847. (в скобках указывается номер тома и страницы).

ЛИТЕРАТУРА:

6. Алексеев А.А. Цели и методы текстологического исследования лингвистических источников XI–XVII вв. // Русистика сегодня. Язык: система и ее функционирование / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 188–209.
7. Багрянцева Г.И. Филологический анализ документального текста (на материале служебной переписки периода коллегиального делопро-

- изводства): дис...канд. филол. наук (10.02.01) / Багрянцева Галина Ивановна; [МГУ им. М.В. Ломоносова]. – М., 1986. – 305 с.
8. Баракова О.В. Деловая письменность XVII века: концептосфера, субтекстовый состав (на материале таможенных книг Московского государства): дисс. ...докт. филол. наук (10.02.01) / Баракова Ольга Витальевна; [Санкт-Петербургский гос. ун-т]. – СПб., 2004. – 548 с.
9. Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
10. Городилова Л.М. Деловая письменность Приенисейской Сибири XVIII в. как источник региональной исторической лексикографии. – Хабаровск: ГОУ ВПО ХГПУ, 2003. – 262 с.
11. Дерягин В.Я. О местных вариантах русской деловой речи XV–XVII вв. // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1980. – Т. 39, № 5. – С. 448–455.
12. Дерягин В.Я. Варьирование в формулах русской деловой речи XV–XVII вв. // Восточные славяне: Языки. История. Культура / Редкол. В.П. Вомперский [и др.]. – М.: Наука, 1985. – С. 243–251.
13. Котков С.И. Источниковедческие вопросы истории русского языка // Вопросы языкознания. – 1986. – № 4. – С. 60–69.
14. Копосов Л.Ф. Севернорусская деловая письменность XVII – XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология): Автореф. дис. ...д-ра филол. наук (10.02.01) / Копосов Лев Феодосьевич; [Московский педагогический университет]. – М., 2000. – 42 с.
15. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII в. – М.: Азбуковник, 2006. – 264 с.
16. Манько А.В. Блюстителю верховной власти. Институт губернаторства в России. Исторический очерк. – М.: Аграф, 2004. – 240 с.
17. Никитин О.В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): дис...докт. филол. наук (10.02.01); в 2 т. Т. II / Никитин Олег Викторович; [Московский гос. обл. ун-т]. – М., 2004. – 651 с.
18. Никитин О.В. «Урядник сокольничьего пути» – памятник деловой письменности XVII в. // Русская речь. – 2007. – № 1. – С. 80–86.
19. Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика. – Пермь: Перм. ун-т, 2006. – 255 с. // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Сер. 6, Языкознание. – 2007. – № 4. – С. 149–158.
20. Преферансов С.А. Формулы речевого этикета в деловой письменности XVIII века // Русский язык в современном мире: динамика и константы: материалы Международной научной конференции. Волгоград, 7–9 декабря 2009 г. – Волгоград: Перемена, 2009. – С. 40–43.
21. Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 336 с.
22. Тупикова Н.А. Выражение субъекта действия в деловой речи казаков (по скорописным материалам XVII века) // Вопросы краеведения. Вып. 2. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1993. – С. 168–171.
23. Тупикова Н.А. Язык региона как объект научного исследования: задачи и перспективы // Теоретические и лингводидактические проблемы исследования русского и других славянских языков: сборник научных трудов / ред. совет: О.В. Иншаков (пред.) [и др.]; редкол.: Н.А. Тупикова (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2008. – С. 185–197.
24. Тупикова Н.А., Преферансов С.А. Документы Царицынского городского магистрата как памятник региональной письменности конца XVIII века / Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство / ред. совет: О.В. Иншаков (пред.) [и др.]; редкол.: Н.А. Тупикова (отв. ред.) [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – С. 5–19.

УДК 811.161.1

Свиридова Е.А.

Мичуринский государственный педагогический институт

КНИЖНАЯ ЛЕКСИКА В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

E. Sviridova

Michurinsk State Pedagogical Institute

BOOK LEXICON IN MODERN MEDIA

Аннотация. В статье рассматриваются особенности употребления и основные функции книжных слов в современной прессе. Внимание акцентируется на их функционально-стилевой окраске и эмоционально-экспрессивной характеристике, находящихся в тесной взаимосвязи и оказывающих серьезное влияние на информативно-экспрессивную составляющую газетно-журнальных текстов. Книжная лексика в публицистических текстах выполняет информативную и воздействующую функции, нередко придает высказыванию образность, выразительность, оценочность.

Ключевые слова: полистилизм, книжная лексика, функционально-стилевая окраска, эмоционально-экспрессивная окраска, функции книжной лексики.

Abstract. The article deals with the features of the use and the basic functions of book lexicon in modern media. The attention is paid to their functional-stylistic coloring and emotionally-expressional characteristic that are in close interrelation with informatively-expressional component of journal texts and that impact it to a great extent. The book lexicon in publicist texts has an informative and impacting functions, and quite often adds to the statement's figurativeness and expressiveness.

Key words: polystylism, book lexicon, functional-style coloring, emotionally-expressional characteristic, functions of book lexicon.

Одной из характерных особенностей языка современной прессы является полистилизм – употребление в пределах одного газетного или журнального текста языковых единиц, относящихся к разным стилевым пластам лексики русского языка, – книжных и разговорных слов.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности употребления и функции книжных слов в современной прессе, показать взаимообусловленность функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной характеристик книжной лексики и их влияние на информативно-экспрессивную составляющую газетно-журнальных текстов.

Книжная лексика традиционно противопоставляется разговорной и отличается от нейтральной. Обычно при характеристике книжных слов в первую очередь подчеркивается исключительное или преимущественное их распространение в книжно-письменной речи [12, с. 135; 4, с. 165; 5, с. 126; 2, с. 54–56], а также отмечается, что основной сферой употребления книжных слов является нормированная литературная речь [12, с. 135].

Однако есть и другой, более глубокий, подход к изучению книжной лексики, который, однако, невозможен без учета сферы ее распространения и употребления [1, с. 243–245; 14, с. 152]. Например, О.С. Ахманова выделяет не книжную лексику, а слова с «повышенным» стилистическим тоном [1, 245], которые являются таковыми по отношению к нейтральным языковым знакам. При этом основным критерием для выделения данного разряда лексики исследователь считает стилистические свойства слов, «которые порождаются их применением в конкретных условиях речевого общения» [1, с. 243].

Таким образом, при квалификации книжной лексики (Ю.А. Бельчиков, М.Н. Кожина, Н.М. Шанский), слов с «повышенным» стилистическим тоном (О.С. Ахманова), стилистически ок-

рашенных единиц – с пометами «книжное», «высокое» (Д.Н. Шмелев, О.А. Крылова) лингвисты учитывают: сферу функционирования (письменная, реже устная речь), экстралингвистические факторы (задачи, условия, ситуации общения и т. п.), нормированность, стогую или нестрогую прикрепленность того или иного разряда книжной лексики к определенному стилю.

С нашей точки зрения, книжная лексика – это один из основных разрядов словарного состава литературного языка (наряду с нейтральной и разговорной), включающий слова, которые отличаются нормированностью, функционируют преимущественно в письменной речи, но в зависимости от условий общения могут использоваться и в устной, обладают функционально-стилевой окраской, с которой тесно связана эмоционально-экспрессивная.

Один из наиболее важных признаков книжной лексики – ее функционально-стилевая маркированность. В зависимости от сферы употребления и закрепленности слов за определенным функциональным стилем функционально-стилевая окраска книжных слов представлена двумя типами [6, с. 79]:

- функционально не однозначно ориентированная окраска, которая указывает на то, что лексическая единица является межстилевой в пределах книжных стилей. Так маркируется общекнижная (*сущность, взаимовлияние, способствовать*) и книжная высокая (*начертание, судьбина, нерасторжимый*) лексика;

- функционально однозначно ориентированная окраска, которая указывает на прикрепленность слова к определенному функциональному стилю. В этом случае традиционно выделяются следующие функционально-стилевые разновидности книжной лексики [5, с. 121–126; 11, с. 254–264; 3, с. 70–71; 13, с. 80–81; 6, с. 79]: официально-деловая лексика (*истец, нижеподписавшийся, протокол, деяния, уведомить*); научная лексика (*геномика* (биол.), *видеокарта* (информ.), *вирусолог* (мед.), *омонимия* (лингв.)); публицистическая, или газетно-публицистическая,

лексика (*хроника, капитализация, плюрализация, постиндустриальный, лоббировать*); лексика художественной речи, или художественно-поэтическая лексика (*недруг, лира, изгнанник, вдохновенный, отчий*).

В современной прессе активно употребляются книжные единицы, обладающие как первым, так и вторым типом функционально-стилевой окраски. Обычно такие слова выполняют функции сообщения информации и воздействия на массового читателя, а также нередко служат средством создания образности, выразительности, оценочности. Например: *Война – аномальное явление человеческой цивилизации, порождение сознания деградирующих людей и нелюдей, извращенно понимающих сущность человеческого бытия* (Социально-гуманитарные знания. 2010. № 4).

В процитированном фрагменте журнальной статьи, в которой речь идет о войне как опасном социальном явлении, употреблены книжные слова *порождение, бытие, аномальный, деградирующий*. Данные лексические единицы являются межстилевыми в пределах книжных стилей. Обратимся к их лексикографическому описанию. *Порождение* – (книжн.) ‘то, что порождено кем-, чем-нибудь’ [8, с. 563]. *Аномальный* – прил. к аномалия. *Аномалия* – (книжн.) ‘отклонение от нормы, общей закономерности; неправильность’ [8, с. 32]. Причастие *деградирующий* образовано от глагола *деградировать* – (книжн.) ‘постепенно ухудшаясь, прийти (приходить) к вырождению’ [8, с. 160]. Слово *бытие* в значении ‘жизнь, существование’ в толковых словарях маркируется по-разному: как *книжное* [8, с. 70] и как *традиционно-поэтическое* и *высокое* [9, с. 130]. Помета *трад.-поэт.* указывает на употребление слова в поэзии, помета *высок.* – на принадлежность торжественно-приподнятой речи. В рассматриваемом контексте лексема *бытие* при явной принадлежности к книжно-письменной речи придает окраску важности, возвышенности понятию «жизнь».

Итак, книжные языковые знаки *порождение, бытие, аномальный, деградирующий*

в контекстном взаимодействии, во-первых, с социально значимыми словами *война, явление, цивилизация*, а во-вторых, с эмоционально окрашенными *нелюди, извращенно* выполняют информативную функцию, отражают точку зрения адресанта и воздействуют на адресата, т. е. несут важную смысловую и эмоциональную нагрузку.

Книжные языковые знаки, закрепленные за определенным функциональным стилем, употребляются в газетно-журнальных текстах соответствующей тематической направленности, что определяет характер выполняемых ими функций.

Так, основная функция официально-деловых слов – информативная, они отличаются «безэмоциональностью» [6, с. 158] и имеют дополнительную окраску официальности. Например: *После долгих споров, так и не добившись отмены экспортной пошлины на нефть, президент Белоруссии Александр Лукашенко согласился на создание Таможенного союза. 3 июля белорусский парламент ратифицировал общий Таможенный кодекс, а 5 июля Дмитрий Медведев, Нурсултан Назарбаев и Александр Лукашенко подписали соглашение о вступлении в силу Таможенного союза* (Рус. репортер. 2010. № 26).

Здесь речь идет о международном экономическом сотрудничестве стран, входящих в СНГ. Данный экстралингвистический фактор обусловил присутствие в контексте лексики официально-делового стиля: *Таможенный кодекс, экспортная пошлина, Таможенный союз, вступление в силу, ратифицировал, подписали соглашение*. Существительные *кодекс* и *соглашение* представляют собой наименования документов: *кодекс* – ‘систематизированный свод законов, относящихся к какой-либо области права’ [7, с. 436]; *соглашение* – ‘договор, устанавливающий взаимные обязательства сторон’ [7, с. 1228]. Глагол *ратифицировать* в значении ‘подвергнуть – подвергать ратификации’ [7, с. 1107], как и существительное *ратификация* (‘утверждение верховным органом государственной власти международного договора, заключенного ее уполномоченными’ [7, с. 1107]), относится к разряду

слов дипломатической сферы. Лексемы *таможенный* (*таможня* – ‘учреждение, ведающее контролем провоза через границу грузов, багажа, почты и собирающее пошлину за такой провоз’ [7, с. 1306]), *экспортный* (*экспорт* – ‘вывоз товаров, капиталов, технологий за границу’ [7, с. 1518]), *пошлина* (‘государственный денежный сбор с ввозимых товаров, а также за некоторые другие операции, регулируемые государством’ [7, с. 951]) конкретизируют область международного сотрудничества трех стран. Словосочетания *подписать соглашение, вступление в силу* являются типичными лексическими элементами официально-делового стиля.

Таким образом, официально-деловая лексика, присутствующая в одном контексте с общественно-политическими словами *президент, парламент*, несет основную информативную нагрузку и привносит в журнальный текст стилевую строгость и официальность, что соответствует его содержанию.

Научная лексика, имеющая обобщенно-абстрагирующий характер, также активно функционирует в современной прессе. Обще-научные слова и терминологическая лексика используются, как правило, при сообщении информации, связанной с научными открытиями и достижениями. Например: *Пятнадцать лет потребовалось биологу Крейгу Вентеру и сотрудникам его института, чтобы создать клетку, управляемую искусственным геномом. Последовательность действий такова: сначала расшифровали геном бактерии *Mycoplasma mycoides*, затем собрали его из элементарных частей – нуклеотидов. Собирали в несколько стадий: маленькие кусочки синтезировали химически, а в длинные их объединили внутри дрожжевых клеток. Наконец сформировали хромосому целиком и поместили ее в бактерию *Mycoplasma capricolum*, родную хромосому из которой ранее удалили. Новый организм начал жить и размножаться под управлением искусственного генома* (Рус. репортер. 2010. № 20).

Как видим, фрагмент журнальной статьи насыщен биологическими понятиями и терминами (*искусственный геном, геном*

бактерии, нуклеотиды, дрожжевые клетки, хромосома и т. п.), в том числе содержит латинские наименования (*Mycoplasma mycoides*, *Mycoplasma capricolum*). Естественно, что не все терминологические обозначения понятны массовому читателю, однако их употребление в публицистическом тексте имеет не только информативную значимость, но и воздействующую. Детальное описание этапов создания клетки с искусственным геномом способствует пониманию адресатом трудоемкости работы ученых и формирует уважение к их деятельности.

Основной корпус языка современной прессы составляет публицистическая лексика, активно выполняющая свои главные функции – сообщения и воздействия. Например: *Среди немецких предприятий, вносящих весомый вклад в развитие сотрудничества между Германией и Россией, вот уже много лет почетное место принадлежит семейному предприятию КНАУФ – крупнейшему производителю строительных отделочных материалов* (Известия. 2010. № 183); *Политическая стабильность, консолидированное государство – это инструмент модернизации* (АиФ. 2009. № 39); [Рубан:] – *Мне кажется, ничего страшного не будет, если мы объединим украинское общество неприятием сталинизма, тоталитаризма, любых форм угнетения и тем более лишения права человека на жизнь во имя каких-то там общих, коллективистских, государственных и еще каких-то там целей* (Известия. 2010. № 154).

В процитированных фрагментах статей употреблены типичные для прессы словесные блоки *вносить весомый вклад, развитие сотрудничества, почетное место, политическая стабильность, консолидированное государство, во имя... целей* и т. п., общественно-политические слова *государство, модернизация, сталинизм, тоталитаризм, угнетение, лишение* и т. п. Собственно публицистическая лексика обладает большим информативным и воздействующим потенциалом.

Как известно, художественно-поэтическая лексика отличается повышенной эмо-

циональностью и экспрессивностью, что связано с широким использованием в художественной речи поэтизмов, различных способов переносного употребления слов, многостильностью и т. п. При употреблении в публицистических текстах лексики, свойственной художественной речи, может возникать эффект смысловой двуплановости. Рассмотрим в качестве примера заголовки газетной статьи: *В здравоохранении региона грядут перемены* (Труд. 2010. № 237). Здесь обращает на себя внимание глагол *грядут*, который обладает повышенной стилистической значимостью. См.: *грясти* – (высок.) ‘наступать, приближаться’ [7, с. 233]. Высокое слово в газетном тексте создает смысловую двуплановость и рождает игру смыслов: содержание статьи позволяет сделать вывод о том, что намеченные масштабные изменения в здравоохранении вряд ли улучшат медицинское обслуживание населения региона.

Как видим, функционально-стилевая закреплённость книжных слов неразрывно связана с их эмоционально-экспрессивной окраской. В зависимости от того, какой оценочный компонент содержит в себе слово, оно употребляется говорящим или пишущим в соответствии с ситуацией письменного или устного общения. По мнению Н.М. Шанского, именно эмоциональная характеристика и экспрессивные особенности слова определяют его стилистическое употребление [12, с. 131].

М.Н. Кожина [5, с. 120], отмечая, что эмоционально-экспрессивная окраска состоит из положительной и отрицательной характеристик, выделяет следующие группы книжной лексики с положительной и отрицательной оценкой: торжественная, возвышенная (*чаяния, дерзновенный, воздвигать*); риторическая (*кара, держава, возвещать*); возвышенно-поэтическая (*лучезарный, блистательный, горделивый*); неодобрительная (*критикан, злонамеренный*); презрительная (*нувориш*); ироническая (*вздыхатель, выдворить*).

Для высоких слов чаще всего характерна положительная коннотация (*достояние, свершения, дерзать*), однако среди них есть еди-

ницы и с отрицательной коннотацией (*губитель, злодеяние, крушить*). Пейоративными лексемами являются и такие книжные слова, как *клика, клевет, ренегат* и многие другие.

В современной прессе активно употребляются книжные слова, обладающие разными видами эмоционально-экспрессивной окраски. Они служат для создания образности, выразительности, оценочности высказывания. Например: *Ощутимые неудачи случались в биографии не намного реже, нежели очевидные победы, порой наступали периоды опустошающих творческих кризисов. Морозов сполна испытал на себе всю возможную тяжесть «обработки» творца «давлением», ему слишком хорошо известно, что такое актерское и человеческое предательство* (Лит. газета. 2009. № 46).

В процитированной газетной статье речь идет о нелегкой жизни человека творческой профессии – актера, для обозначения которого журналист использовал высокое слово *творец*. См.: *творец* – (высок.) ‘человек, который создает, создал что-нибудь творчески’ [8, с. 789]. Данная лексема имеет положительную коннотацию и придает речи выразительность, а также способствует созданию контраста: человек-творец и реальная действительность, предательство, подлость.

Рассмотрим еще один контекстный пример: *Наверное, судьба у Нюрнберга такая: закрывать тяжкие страницы истории. Ведь именно здесь в 1648 году был заключен Вестфальский мир, положивший конец Тридцатилетней войне. А спустя без малого 300 лет в этом же баварском городе исторический Нюрнбергский процесс положил начало покаянию немецкого народа за нацизм и все те же злодеяния, которые он принес миру* (Эхо планеты. 2010. № 46).

Здесь обращают на себя внимание книжные слова *покаяние, нацизм, злодеяния*. Существительное *покаяние*, употребленное в значении ‘добровольное признание в совершенном поступке, в ошибке’, маркируется в толковом словаре пометой «высокое» [7, с. 894] и содержит положительную коннотацию. Лексема *нацизм* (‘германский фашизм’

[7, с. 608]), относящаяся к разряду общественно-политической лексики, обладает отрицательной оценкой, которая носит больше логический, нежели эмоциональный характер. Слово *злодеяние* в значении ‘злодейство’ квалифицируется как «высокое» [7, с. 365] и имеет отрицательную эмоционально-экспрессивную окраску.

Употребление в одном контексте эмоционально окрашенных слов *покаяние* и *злодеяние*, обладающих противоположной оценочной коннотацией, и пейоративной лексики *нацизм* способствует созданию смыслового и эмоционального контраста: слово с положительной эмоциональной оценкой (*покаяние*) противопоставляется единицам, имеющим отрицательную, как логическую, так и эмоциональную, оценку (*нацизм, злодеяние*). Такая расстановка семантико-прагматических акцентов способствует не только передаче информативной составляющей текста, но и формированию у массового читателя определенного эмоционального отношения к экстралингвистическим явлениям.

Нередко книжное слово, функционирующее в современной прессе, обладает разными стилистическими характеристиками – функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной. Такова, например, лексическая единица *пиаризация*, широко употребляющаяся в СМИ. См.: *Недостаток этот особенно очевиден на фоне совершенно патологической веры в пиар, укоренившейся среди пресловутой «московской политтусовки» и смыкающихся с ней кремлевских кругов. Эта «пиаризация» властной элиты представляет собой совершенно отдельную и крайне острую проблему...* (Неприкосновенный запас. 2001. № 3).

В современных толковых словарях существительное *пиаризация*, новация последних десятилетий, маркируется двумя пометами. См.: *пиаризация* – (публ., неодобр.) ‘использование пиара как основного средства завоевания популярности; чрезмерное увлечение пиар-акциями’ [10, с. 728]. Первая помета (публ.) указывает на функционально-стилевую закреплённость слова, а вторая (неодобр.) – на его эмоционально-экспрессивную окраску.

Таким образом, наши наблюдения показывают, что в современной прессе активно функционируют различные виды книжной лексики, обладающей как функционально-стилевой, так и эмоционально-экспрессивной маркированностью. Нами установлено, что книжные слова в публицистических текстах выполняют информативную и воздействующую функции, нередко придают высказыванию образность, выразительность, оценочность. Книжная лексика располагает огромными возможностями для передачи информации и воздействия в ее разнообразных смысловых и стилистических оттенках. Во многом это объясняется тем, что в ее состав входят, с одной стороны, языковые знаки, имеющие распространение в разных сферах книжно-письменной (и отчасти устной) речи, а с другой стороны – единицы, закрепленные за определенным функциональным стилем. Многообразие эмоционально-экспрессивных оттенков книжных слов отражает традицию их употребления и вместе с тем дает возможность использовать их в переносном, метафорическом смысле в текстах разной стилевой и жанровой направленности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
2. Бельчиков Ю.А. Функциональная стилистика // Стилистика и литературное редактирование / под ред. В.И. Максимова. – М.: Гардарики, 2008. – С. 8–165.
3. Бондалетов В.Д. Стилистические средства фонетики, лексики, фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса русского языка // Стилистика русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – Л.: Просвещение, 1989. – С. 45 – 140.
4. Калинин А.В. Лексика русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 231 с.
5. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.
6. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика: в 2 кн. Кн. 1. Теория. – М.: Высш. шк., 2006. – 311 с.
7. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. – 1536 с.
8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1989. – 924 с.
9. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981. – 698 с.
10. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складчиков. – М.: Эксмо, 2007. – 1136 с.
11. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высш. шк., 1990. – 415 с.
12. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 368 с.
13. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. – 186 с.
14. Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.

УДК 81-112.2

Сицына-Кудрявцева А.Н.

Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина (г. Москва)

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «ЯЗЫКОВАЯ НОРМА»

A. Sitsyna-Kudriavtseva

Pushkin State Institute of the Russian language, Moscow

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS FOR THE FUNCTIONING OF THE "LINGUISTIC NORM" CATEGORY

Аннотация. В рамках данной статьи производится выявление тех категорий философии, которые позволяют осуществить анализ механизмов функционирования понятия «языковая норма».

Ключевыми философскими понятиями, помогающими выявить механизмы функционирования языковой нормы, являются «время» и «движение», поскольку применение данных явлений при анализе закономерностей функционирования названной лингвистической категории позволяет осуществить ее всестороннее осмысление. Посредством применения философских категорий времени и движения языковедами производится конструирование отношений языковой нормы с другими лингвистическими понятиями, в частности, отношений нормы с системой и узусом, вариантностью, понятием языкового вкуса, категориями «коммуникация», «дискурс» и «текст».

Динамическая теория нормы, объясняющая механизмы функционирования освещаемой языковой категории, также возводится с привлечением данных философских понятий, так как без их использования невозможно объяснить статику и динамику развития разбираемого явления.

Философский уровень категории «языковая норма» определяет содержание внелингвистических и лингвистических уровней освещаемого понятия.

Ключевые слова: категория «языковая норма», функционирование категории «языковая норма», философские основы языковой нормы, философия и языковая норма, осмысление языковой нормы на философском уровне.

Abstract. This scope of this paper is to identify those philosophical categories that allow the analysis of the mechanisms behind the "linguistic norm" concept. The key philosophical notions that help to identify mechanisms of linguistics rules are "time" and "motion" because applying these notions to the analysis of the linguistic norm concept allows to completely grasp the concept. Through the use of philosophical categories of time and motion, linguists are able to establish the relationship between the linguistic norm and other linguistic concepts such as relationship between the norm and the system and use, variation, the notion of linguistic taste, as well as categories such as "communication", "discourse", and "text".

Dynamic theory of norm, which helps to explain mechanisms of the "linguistic norm" category, also involves these philosophical concepts, because without their use it is impossible to explain the statics and dynamics of this phenomenon.

Philosophical level of the "linguistic norm" category determines the content of extralinguistic and linguistic levels of linguistic norm.

Key words: "linguistic norm" category, functioning of linguistic norm, philosophical foundations of linguistic norm, philosophy and linguistic norm, grasping the concept of linguistic norm on a philosophical level.

В научной литературе по языкознанию неоднократно отмечалось, что категория «языковая норма» – сложная и разноприродная. Авторы современных лингвистических исследований, объектом изучения которых выступает языковая норма, обращают внимание на зависимость данного понятия от социальных, психологических, эстетических, этических, культурных и других факторов, находящихся за рамками собственно языковедческого круга вопросов [10]. Это позволяет утверждать, что механизмы функционирования понятия «языковая норма»

возможно полностью осмыслить лишь при выходе за границы чистой лингвистики. На наш взгляд, наиболее глубоко и всесторонне изучить данное понятие позволит анализ, произведенный при помощи философских категорий. Выделение нами в качестве инструментов исследования языковой нормы именно философских категорий не случайно, так как анализ важнейших научных языковедческих теорий позволяет прийти к мнению, что все фундаментальные лингвистические концепции прошлых столетий и современности, посвященные главнейшим вопросам языкознания, строятся именно на философских основаниях. Основными категориями в них выступают «бытие» и «материя», «время» и «пространство» [11], поскольку анализ при помощи приведенных философских понятий позволяет глубже проникнуть в природу явления, постигнуть его сущность. Кроме того, наднаучный уровень, на который выводит философия, предполагает выявление механизмов, которые воздействуют на изучаемое понятие.

Выделим те философские категории, которые будут важны для понимания исследуемого нами лингвистического явления. По нашему мнению, при осмыслении механизма функционирования понятия «языковая норма» ключевыми являются философские категории «время» и «движение». Одним из первых данные понятия в качестве важнейших категорий философии выделяет в своих трудах Аристотель. Для него «время» и «движение» неотделимы друг от друга. А.Ф. Лосев так пишет о данном факте: «Действительно, время для Аристотеля представляется в «Физике» скорее всего каким-то «движением и изменением»... Движение – сама стихия времени, и без движения время не воспринималось бы» [5, с. 186]. Так, движение в теории Аристотеля есть событие, влекущее изменение, происходящее с вещью. Находиться во времени – значит находиться в постоянном движении, изменении. Таким образом, время есть мера движения, а движение – мера времени, одно не мыслится без другого, не существует без него.

Взаимосвязь времени и движения, предложенная греческим мыслителем и забытая в период господства механической картины мира Ньютона, будет возрождена и развита во многих философских – и не только философских – концепциях последних столетий (сравним с теорией относительности А. Эйнштейна, в которой время является одной из важнейших категорий, определяющих существование материи и бытия, а движение определяет скоротечность первого). В гуманитарных, в том числе и лингвистических, философских концепциях, представленных в работах М.М. Бахтина, С.Н. Булгакова, Х.-Г. Гадамера, А.Ф. Лосева, Дж. Остина, А.А. Потебни, Дж. Серля, П.А. Флоренского, М. Хайдеггера и др., время выступает категорией, которая сопряжена с изменениями, поиском истины, интерпретацией, зависящей от социума, этноса, культурной ситуации, в которой пребывает интерпретатор, и других причин.

На наш взгляд, в теории языковой нормы посредством указанных философских понятий выявляются такие черты данной категории, как статика и динамика ее развития, ее этическая, социальная, эстетическая и культурная обусловленность, ее отношения с системой и узусом, влияние на нее вкуса и моды, ее отношения с вариантностью и т. д. Остановимся на этом подробнее.

Понятие «языковая норма», будучи основополагающей категорией культуры речи, трактуется языковедами как лингвистическое явление, возникшее, получившее развитие и теоретическое осмысление в 20-50-е годы XX века, поскольку в данный период происходит формирование единой концепции языковой нормы, закладываются теоретические основы нормализаторской деятельности в языке, осуществляется разработка нормы всех языковых уровней, выявляются взаимоотношения нормы с системой и узусом. Т.В. Матвеева отмечает: «В создании теории культуры речи и практической нормализаторской деятельности принимают участие крупнейшие ученые: Г.О. Винокур, А.М. Пешковский, Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков, позднее Р.И. Аванесов, С.И. Ожегов, Ф.П. Филин и др.» [6, с. 188].

Кроме указанного следует отметить, что усилиями советских лингвистов (Б.Н. Головина, В.А. Ицковича, С.И. Ожегова, Д.Э. Розенталя, Л.И. Скворцова и др.) в 1960 – 1970-е годы создается теория динамической нормы, в рамках которой данное явление изучается с точки зрения синхронии и диахронии.

В своих работах, посвященных вопросам культуры речи, С.И. Ожегов выделяет в качестве одного из признаков нормы ее подвижный характер [7, с. 259], руководствуясь которым, Л.И. Скворцов в рамках динамической теории нормы производит деление нормы на воплощенную и потенциальную, императивную и диспозитивную. На подвижный характер нормы указывал еще в 1923-м году А.М. Пешковский: «... объективных критериев для суждения о том, что «правильно», а что «неправильно», нет, в языке «все течет», так что то, что вчера было «правильным», сегодня может оказаться «неправильным» и наоборот...» [8, с. 53]. Таким образом, еще на начальном этапе теоретического осмысления данной категории, когда только нащупывались механизмы, управляющие разбираемым явлением, лингвисты отмечали, что функционирование языковой нормы сопряжено с течением времени, а следовательно, и с движением, так как первое неотделимо от последнего. Как пишет А.Ф. Лосев, «...бесконечностью времени объясняется бесконечность движения» [5, с. 187].

Выше нами упоминалось, что в работах многих лингвистов неоднократно отмечалась зависимость языковой нормы от социальных, этических, эстетических, культурных фактов жизни общества. Вопрос зависимости языковой нормы от социальных фактов жизни общества поднимался в работах В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, К.С. Горбачевича, Л.К. Граудиной, В.Г. Костомарова, С.И. Ожегова, Л.И. Скворцова, Л.В. Щербы и др. Так, Л.В. Щерба отмечает: «...малейшие изменения в содержании, т. е. в условиях существования данной социальной группы <...> немедленно отражаются на изменении речевой деятельности данной группы и притом одинаковым образом...» [13, с. 29]. «Изменения в содер-

жании», отмечаемые ученым, которые влекут «изменения речевой деятельности», есть, на наш взгляд, не что иное, как движение, приравниваемое к событию, которое осуществляется под действием течения времени. Таким образом, социальные изменения, воздействующие в том числе и на речь и влекущие замену старых языковых норм новыми, есть отражение взаимоотношений времени и движения. Данные категории философии постоянно преобразуются в своем бесконечном развитии и преобразуют все, что находится в их координатной сетке.

С точки зрения культуры, этики и эстетики, норма призвана сохранять языковые и нравственные ценности коллектива, т. е. представлять собой некий ценностный идеал. Общеизвестно, что одними из ведущих признаков категории «языковая норма» являются консерватизм и устойчивость, т. е. малая восприимчивость к изменениям. Таким образом, она есть нечто такое, что призвано фиксировать «идеальное» воплощение языковых проявлений. Как отмечают лингвисты [9], норма подвержена изменениям только в динамичные периоды жизни общества. Оставаясь неизменной в «спокойные» периоды развития социума, когда этические, эстетические и культурные ценности воспринимаются как определенная традиция, не подлежащая критике и преобразованию, данная категория функционирует в качестве некоего эталона. Примером тому может служить малая изменчивость языковых норм древнерусских произведений X–XIV веков как религиозного, так и светского содержания. Таким образом, безусловна связь «языковой нормы» со скоростью протекания исторической жизни общества, следовательно, изменениями или неизменностью в его культурной, этической и эстетической жизни. Философские категории «время» и «движение» позволяют провести анализ понятия «языковая норма» в соответствии с изменением динамики протекания перечисленных сторон общественной жизни, так как смены «спокойных» исторических эпох «бурными» есть не что иное, как отражение неравномер-

ности движения, воздействующего на течение времени.

В системе координат «система – норма – узус», широко известной в современной лингвистике [4], норма, являющаяся средним членом триады, «существует как равнодействующая коллективного языкового сознания» [4, с. 59]. Однако при изменении языкового сознания, которое находится в постоянном движении, она вместе с ним подвергается метаморфозам. Подвижность человеческого сознания, порождающая постоянный поиск, в том числе и языковых вариантов, предлагаемых в пределах системы, влечет замену одних нормативных вариантов другими. Узус, выступающий в качестве «общепринятого употребления языковой единицы» [4, с. 59], также находится в пределах системы, образуемой временем и движением, вследствие чего он тоже текуч и подвержен преобразованиям. Таким образом, отношения языковой нормы с системой и узусом тоже организуются с привлечением категорий времени и движения: движение человеческого сознания осуществляет отбор нормативных вариантов, предлагаемых системой; узус, находящийся под воздействием временных факторов, довлеет над нормой и также влечет ее преобразование.

В современных культуроречевых концепциях в качестве одной из категорий данной дисциплины выделяют понятие «вкус». Данная идея, в частности, развивается в работах В.Г. Костомарова. Для нас представляет интерес тот факт, что при объяснении названного явления академик осмысливает его в связи с временными изменениями, происходящими с обществом. Ученый пишет: «... Вкус всегда имеет конкретно-социальную и конкретно-историческую основу; <...> вкус отражает в своем развитии динамику общественного сознания и объединяет членов данного общества на данном этапе его истории» [3, с. 30]. Из приведенной цитаты понятно, что вкус в качестве лингвистической категории влияет на выбор того или иного нормативного варианта, кроме того, он вектор, определяющий направление движения предпочтений социума. Вкус функционирует в связи с динамикой

временных изменений. Так, норма, которая формируется в том числе и языковыми предпочтениями общества, еще раз демонстрирует свою сопряженность с категориями времени и движения.

Отношение «норма – вариант», глубоко исследованные в рамках русской лингвистики (труды К.С. Горбачевича), по нашему мнению, также базируется на философских категориях «время» и «движение». Анализируя методы исследования отношений между нормой и вариантом, К.С. Горбачевич отмечает: «Вариантность как историческая категория не может изучаться только путем выявления чисто статических отношений между языковыми единицами. Поэтому основным методом исследования служит функционально-динамическое описание вариантных пар» [1, с. 5]. При этом лингвист под термином «функциональное» понимает анализ вариантных пар в разных контекстах и стилях. Под термином «динамическое» – анализ вариантов в диахронии. Таким образом, жизнь вариантных пар неразрывно сопряжена с временем и движением: движение есть некое перемещение, которое, безусловно, влияет на признание нормативным того или иного варианта в зависимости от вкусовых предпочтений общества и стилевой принадлежности текста-дискурса, время – непрерывное течение, которое уносит один из вариантов в прошлое.

Современный период разработки теории языковой нормы связан с такими именами, как А.Н. Васильева, Б.Н. Головин, К.С. Горбачевич, А. Едличка, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, О.А. Лаптева, Л.И. Скворцов и др. В работах названных лингвистов категория «языковая норма» трактуется в неразрывной связи с понятием «коммуникация», что приводит к необходимости разработки типологии языковых норм, в рамках которой разграничиваются нормы системные, коммуникативные и стилистические. Кроме того, интерпретация разбираемого понятия в ракурсе речевой эффективности повлекла рождение мысли о соотношении «норма – текст», «норма – дискурс».

Понятие «коммуникация», которое мыслится как «взаимодействие с партнером или текстом для достижения внекоммуникативных и коммуникативных результатов» [11, с. 24], функционирует в лингвистике в тесной связи с понятиями «сфера» и «ситуация общения». Приведенные явления осмысливаются в пространственно-временной сетке, координаты которой и определяют элементы коммуникативного акта, в том числе и выбор целесообразного в каждой конкретной ситуации одного из нормативных языковых вариантов, считающихся пригодными к употреблению.

Соотношение нормы с дискурсом и текстом возможно полностью осмыслить, лишь вникнув в специфику механизмов функционирования категорий времени и движения. Разграничивая понятия «дискурс» и «текст», М.Я. Дымарский констатирует «невозможность существования дискурса вне прикрепленности к реальному времени, в котором он протекает» [2, с. 36], тогда как «текст существует во времени-пространстве культуры» [2, с. 37]. Так, дискурс и текст размежевываются прежде всего посредством разницы их реализации во времени: дискурс «живет» в реальном, линейно протекающем времени, тогда как «текст» – в «вечном» времени, функционирующем в виде циклов, т. е. таком, которое каждый раз возрождается при чтении текста. Вместе с тем и то и другое явление осуществляют движение, которое влечет их изменения, преобразования. Таким образом, соотношения «норма – дискурс», «норма – текст» невозможно проанализировать вне категорий времени и движения, при этом само понятие «время» выступает не только как протекание временных отрезков в линейной плоскости, но и как категория, сохраняющая в своем течении культурные ценности коллектива, в том числе и языковые, которые мыслятся как эталонные, а значит, нормативные.

Анализ функционирования категории «языковая норма» с привлечением философских понятий, произведенный в рамках данной работы, позволяет прийти нам к нескольким выводам.

Во-первых, ключевыми философскими категориями, помогающими выявить механизмы функционирования разбираемого языкового понятия, являются «время» и «движение», поскольку применение данных явлений при анализе закономерностей функционирования языковой нормы позволяет осуществить его всестороннее осмысление. Посредством применения названных философских категорий языковедами производится конструирование отношений языковой нормы с другими лингвистическими понятиями, в частности, отношений нормы с системой и узусом, вариантностью, понятием языкового вкуса, категориями «коммуникация», «дискурс» и «текст».

Во-вторых, динамическая теория нормы, объясняющая механизмы функционирования изучаемой языковой категории, также возводится с привлечением данных философских понятий, так как без их использования невозможно объяснить статику и динамику развития разбираемого явления.

В-третьих, философский уровень категории «языковая норма» определяет содержание внелингвистических и лингвистических уровней освещаемого понятия, что, на наш взгляд, является вполне закономерным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка / Отв. ред. Ф.П. Филин. 2-е изд. М., 2009. – 240 с.
2. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX – XX вв.). – СПб., 1999. – 284 с.
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. 3-е изд., испр. и доп. – СПб., 1999. – 320 с.
4. Лаптева О.А. Теория современного русского литературного языка: Учебник. – М., 2003. – 351 с.
5. Лосев А.Ф. Античная философия истории. – М., 1977. – 205 с.
6. Матвеева Т.В. Культура речи // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожин. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2006. – С. 186–190.
7. Ожегов С.И. Очередные вопросы культуры речи // Лексикология. Лексикография. Культура

- речи: Учеб. пособие для вузов. – М., 1974. – С. 251–276.
8. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избранные работы. – М., 1959. – С. 50–62.
9. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Под ред. Е.А. Земской. – М., 1996. – 478 с.
10. Скворцов Л.И. Теоретические основы культуры речи. – М., 1980. – 352 с.
11. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. – Т. 2. – М., 1990. – 447 с.
12. Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – М., 2007. – 480 с.
13. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность / Под ред. Л.Р. Зиндера и М.И. Матусевич. 4-е изд. – М., 2008. – С. 24–39.

УДК 811.161.1

Сорокин Р.В.

Мичуринский государственный педагогический институт

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ (1960–1980 гг.)

R. Sorokin

Michurinsk State Pedagogical Institute

SOCIAL AND POLITICAL LEXICON IN RUSSIAN LANGUAGE OF SOVIET TIME (1960–1980)

Аннотация. В статье рассматривается общественно-политическая лексика эпохи «развитого социализма», состав которой определялся политико-идеологическими, социально-экономическими и прочими экстралингвистическими факторами. Внимание акцентируется на значении и употреблении языковых знаков политического словаря, которые отражали основы общественного строя и политической системы СССР, поэтому отличались частотностью в официальных, научных и газетно-публицистических текстах.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, социализм, социалистический, коммунизм, коммунистический, Советы, советский.

Abstract. This article deals with the social and political vocabulary of the era of «developed socialism», the composition which is determined by political-ideological, social-economic and other extralinguistic factors. Special attention is paid to the meaning and use of linguistic signs of the political vocabulary that reflected the fundamentals of the social and political system of the USSR, and therefore were frequent in official, scientific, newspaper and journalistic texts.

Key words: social and political vocabulary, socialism, socialistic, communism, communistic, the Soviets, Soviet.

На каждом историческом этапе в словарном составе языка имеется общественно-политическая лексика (ОПЛ), которая отражает идеологию и другие сферы социально-политической жизни общества.

Состав ОПЛ 1960–1980-х гг. определялся теми общественно-политическими, социально-экономическими, идеологическими и прочими явлениями и процессами, которые происходили в тот период. На XXII съезде КПСС (1961 г.) были приняты новая Программа и Устав партии. В Программе констатировалось, что социализм в СССР построен, и перед советским народом ставилась задача построения коммунистического общества. В Уставе КПСС излагался моральный кодекс строителя коммунизма. На XXIV съезде КПСС (1971 г.) под-

черкивалась возросшая роль мировой социалистической системы и была принята Программа мира. В Конституции СССР (1977 г.) отмечалось построение советским народом развитого социалистического общества, провозглашались новые свободы и права советских граждан, утверждались основы общественного строя и принципы государственного устройства СССР. Эти и подобные экстралингвистические факторы обусловили состав ОПЛ рассматриваемого периода.

В ходе изучения ОПЛ выдвигались разные критерии выделения данного лексического пласта, однако в обобщенном виде они сводятся к следующим: номинативному [7, с. 102–114; 9, с. 59–103; 12], коннотативному [1, с. 66–77; 2, с. 58–69; 3], функционально-стилистическому [13, с. 68–75; 15; 16, с. 49–59]. В последние десятилетия к ним добавился еще один – концептуальный [4]. По-разному определяется и состав ОПЛ. В отечественной лингвистике существует как широкое [3; 12], так и узкое [5] понимание тематических границ ОПЛ.

Как нам представляется, второе – узкое – понимание ОПЛ является в большей степени правомерным и соответствующим самому термину «общественно-политическая лексика». Считаем целесообразным к корпусу ОПЛ относить такие языковые знаки, которые обозначают понятия из сферы общественно-политической жизни и содержат в своей семантике смысловые компоненты ‘общественный’, ‘государственный’, ‘политический’. В данном исследовании нами использован номинативный, т. е. содержательно-тематический, критерий описания ОПЛ.

Цель статьи – выявить состав общественно-политической лексики эпохи «развитого социализма», исследовать семантико-прагматические и синтагматические свойства языковых единиц, относившихся к корпусу ОПЛ обозначенного периода.

В качестве материала исследования использованы: Программа и Устав КПСС [11; 18], Устав ВЛКСМ [17], Конституция СССР [8], учебно-научная литература по истории СССР [6; 10], газетно-журнальные статьи 1960–1980-х гг.

В результате обследования перечисленных источников нами выделено 10 тематических групп ОПЛ: 1) наименования, отражавшие основы общественного строя СССР (*социализм, коммунизм, советский* и т. п.); 2) наименования органов государственной власти, государственных учреждений, организаций, должностей и т. п. (*Советы народных депутатов, Совет Министров, Президиум Верховного Совета* и т. п.); 3) наименования, отражавшие национально-государственное устройство СССР (*союз, федерализм, республика* и т. п.); 4) наименования, отражавшие отношения «государство – личность» и социальную структуру советского общества (*гражданин, рабочий класс, крестьянство, интеллигенция* и т. п.); 5) наименования, обозначающие идейно-нравственные понятия, гражданские ценности советского общества (*патриотизм, интернационализм, коллективизм* и т. п.); 6) наименования, связанные с деятельностью коммунистической партии (*партия, КПСС, партийный* и т. п.); 7) наименования, связанные с деятельностью комсомола, пионерии и других детских и юношеских организаций (*комсомол, комсомолец, пионер* и т. п.); 8) наименования, связанные с деятельностью различных объединений трудящихся, добровольных обществ, союзов, организаций (*профсоюз, трудовой коллектив, творческий союз* и т. п.); 9) наименования, отражавшие внешнюю политику СССР (*мир, сотрудничество, дружество* и т. п.); 10) наименования, обозначающие отрицательные факты, явления в общественно-политической и других сферах жизни (*бюрократизм, фракционность, ревизионизм* и т. п.).

В данной статье мы рассмотрим значение и употребление языковых знаков политического словаря, которые отражали основы общественного строя и политической системы СССР. К числу подобных лексических единиц относились лексемы *социализм, социалистический, коммунизм, коммунистический, Совет, советский, партия, КПСС, партийный, демократия, демократический, централизм, коллективность, народный, общенародный, всенародный, общественный* и т. п.

Существительное *социализм* зарегистрировано в «Словаре русского языка» [14] в трех значениях. Однако наиболее актуальным в рассматриваемый период был ЛСВ-1. См.: *социализм* – ‘первая фаза коммунизма – общественный строй, который приходит на смену капитализму и характеризуется общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком и при котором осуществляется принцип: «От каждого по его способностям, каждому по его труду»’ [14, IV: 213]. В официальных документах, в общественно-политическом дискурсе рассматриваемого периода лексема *социализм* употреблялась в таких сочетаниях и контекстах, в которых констатировались полная и окончательная победа социализма в СССР и его мировое значение. Например: *Под испытанным руководством коммунистической партии, под знаменем марксизма-ленинизма советский народ построил социализм* (Программа КПСС); *Социализм победил полностью и окончательно* (Устав КПСС); *Обеспечив полную и окончательную победу социализма – первой фазы коммунизма, – и переход общества к развернутому строительству коммунизма, диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию...* (Комс. пр. 1961. 2 авг.), а также *сила социализма, завоевания социализма, мировая система социализма, страны социализма, мировой социализм* и т. п.

Именно в тот период появилось словосочетание *развитой социализм*, которое стало названием целой эпохи в СССР. Прилагательное *развитой* в значении ‘достигший высокого уровня, высокой стадии развития’ [14, II: 593] в сочетании с существительным *социализм* явилось «языковым» свидетельством того, что социализм в Советском Союзе вступил в новую, высшую стадию своего существования. Такой же смысл был закреплен за словосочетанием *зрелый социализм*, причем в прилагательном *зрелый* семантический признак ‘полный, высший’ является базовым. См.: *зрелый* – ‘достигший полного развития’ [14, I: 622]. Например: *Новая Конституция СССР отразила великие достижения совет-*

ского общества за 60 лет после Великого Октября. В ней законодательно закреплён факт построения развитого социализма в нашей стране, дана развернутая характеристика зрелого социализма как политической и экономической системы (История СССР); *Постоянное идейное совершенствование людей, массовое приобщение трудящихся к знаниям, науке, искусству – одна из объективных закономерностей развитого социализма* (Комс. пр. 1973. 19 апр.).

Существительное *коммунизм* зафиксировано в «Словаре русского языка» в трех значениях. Но наиболее актуальным в эпоху развитого социализма был ЛСВ-2. См.: *коммунизм* – ‘вторая, высшая фаза коммунистической формации в отличие от первой ее фазы – социализма, бесклассовое общество, принцип которого: «каждый по способностям, каждому по потребностям»’ [14, II: 84]. Синтагматика данной лексемы отражала основную цель советского социалистического государства – построение бесклассового коммунистического общества: *строительство коммунизма, путь к коммунизму, победа коммунизма, в духе коммунизма, строитель коммунизма* и т. п. Например: *Партия руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает организованный, планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за достижение конечной цели – победы коммунизма* (Устав КПСС); *Выполнение своей функции руководителя общества рабочий класс завершит с построением коммунизма, когда исчезнут классы* (Комс. пр. 1961. 2 авг.).

Ключевым словом в наименованиях органов государственной власти в советской стране было существительное *Советы* – ‘представительный орган государственной власти в СССР, одна из форм политической организации советского общества’ [14, IV: 175]. Расчлененная номинация *Советы народных депутатов* выступала в качестве родового обозначения (гиперонима) по отношению к центральным и местным органам государственной власти, каждый из которых имел собственное наименование, закрепленное Конституцией СССР: *Верховный Совет*

СССР, Верховные Советы союзных республик, Верховные Советы автономных республик, краевые, областные Советы народных депутатов, Советы народных депутатов автономных областей и автономных округов, районные, городские, поселковые и сельские Советы народных депутатов.

Как показывает наше исследование, высокочастотными в официальном дискурсе, в средствах массовой информации в 1960–1980 гг. были прилагательные *советский, социалистический, коммунистический, народный, общественный*. Нами выявлено, что в Конституции СССР их речевая частотность представлена следующим образом: *советский* – 77 употреблений (*Советский Союз, советский народ, советский человек, советский патриотизм, Советская власть, советская республика* и др.), *социалистический* – 76 (*социалистический строй, социалистический федерализм, социалистический образ жизни, социалистическая демократия, социалистическая законность, социалистическая собственность* и др.), *коммунистический* – 17 (*Коммунистическая партия, Коммунистический Союз Молодежи, коммунистический идеал, коммунистическая нравственность, коммунистическое общество* и др.), *народный* – 57 (*народный контроль, народный суд, народный депутат, народное добро, народное образование* и др.), *общественный* – 42 (*общественная собственность, общественная жизнь, общественное мнение, общественное богатство, общественное самоуправление* и др.).

Прилагательное *советский* зарегистрировано в «Словаре русского языка» в двух значениях, каждое из которых в исследуемый период было актуальным. См.: *советский* – 1) ‘прил. к Совет; основанный на управлении Советами как органами власти’; 2) ‘относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов’ [14, IV: 175]. ЛСВ-1 употреблялся в номинациях *Союз Советских Социалистических республик, Советская власть, Советское государство* и т. п., ЛСВ-2 – в словосочетаниях *советский народ, советский человек, советская конституция, советские законы* и т. п.

Лексема *советский* (ЛСВ-2) входила в состав: 1) названий центральных, республиканских, краевых газет и журналов (*«Советская культура», «Советский спорт», «Советская педагогика», «Советская Россия», «Советская Латвия»* и т. п.); 2) названий колхозов (*Советское Руно, Советский колхозник* и т. п.); 3) лозунгов (*Советское – значит лучшее; Советское – значит отличное*).

У лексической единицы *социалистический* «Словарь русского языка» отмечает четыре значения [14, IV: 214], три из которых были социально значимыми. См.: *социалистический* – 1) ‘прил. к социализм (в 1 знач.)’ (*социалистический лагерь, социалистическое содружество* и т. п.); 2) ‘основанный на принципах социализма (во 2 знач.)’ (*социалистический строй, социалистическая законность, социалистическое общество* и т. п.); 3) ‘проникнутый идеями социализма, отвечающий принципам социализма’ (*социалистический образ жизни, социалистическое воспитание* и т. п.).

Наш материал показывает, что из трех значений прилагательного *коммунистический* [14, II: 84] в рассматриваемый период особая частотность была характерна для ЛСВ-2 – ‘основанный на принципах коммунизма’ (*коммунистическое общество, коммунистическое самоуправление, коммунистические отношения* и т. п.) и ЛСВ-3 – ‘проникнутый идеями коммунизма, руководствующийся ими’ (*Коммунистическая партия, коммунистическое воспитание, коммунистическое отношение к труду* и т. п.). Например: *Высшая цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление* (Конституция СССР); *За право называться ударниками и коллективами коммунистического труда на Куйбышевском четвертом подшипниковом заводе борется большинство рабочих и служащих* (Труд. 1961. 10 мая).

К числу ключевых языковых знаков советской эпохи принадлежали лексемы *народ* и *народный*. Существительное *народ* в значении ‘население, жители той или иной

страны' [14, II: 388] широко употреблялось в словосочетании *советский народ*. Так стала именоваться новая историческая общность, которая сформировалась в Стране Советов «на основе сближения всех классов и социальных слоев, юридического и фактического равенства всех наций и народностей, их братского сотрудничества» [8]. Например: *Следуя дорогой Октября, советский народ построил развитое, зрелое социалистическое общество* (Пособие по истории СССР).

Кроме того, для обозначения советских граждан использовались номинации *рабочий народ* и *трудовой народ*. Например: *М.С. Горбачев беззаветно служит великому делу Ленина, интересам трудового народа* (Семья и школа. 1985. № 4).

В качестве устойчивых приложений к лексеме *народ* выступали слова *творец*, *труженик*, *герой*, подчеркивавшие устремленность советских людей к созидательному труду. Например: *У народа-труженика, у народа-творца и дети растут умными, рачительными и заботливыми хозяевами нашей земли* (Пион. пр. 1984. 15 сент.)

У слова *народный* «Словарь русского языка» отмечает три значения [14, II: 389], причем первые два были высокочастотными в публичном дискурсе. Прежде всего *народный* – это прилагательное к *народ* (*народное богатство, народное образование, народное добро* и т. п.). Кроме того, лексема *народный* активно употреблялась в составе названий учреждений, должностных лиц в СССР (*Совет народных депутатов, Комитет Народного Контроля, народный суд, народный судья* и т. п.) и в составе почетного звания, присваиваемого высшими органами государственной власти СССР и союзных республик за выдающуюся деятельность в области науки, искусства, просвещения и т. п. (*Народный артист СССР, Народный художник СССР, Народный артист РСФСР* и т. п.). Например: *В 50–60-е гг. Ленинскими премиями были награждены писатели Л. Леонов, М. Джалиль, скульптор С. Коненков, народная артистка СССР балерина Г. Уланова* (История СССР).

Кроме лексической единицы *народный*, к

корпусу общественно-политического словаря в советское время относились слова *общенародный* ('общий для всего народа, принадлежащий всему народу, всенародный' [14, II: 576]) и *всенародный* ('принадлежащий всему народу, охватывающий весь народ, общенародный' [14, I: 229]), в которых воплощена идея «распространенности для всех и на всех»: *всенародный план, всенародный праздник, всенародное соревнование, всенародное обсуждение, всенародное достояние; общенародная форма собственности, общенародное государство, общенародные выборы* и т. п.

Ядром политической системы советского общества была Коммунистическая партия Советского Союза. Данный экстралингвистический фактор определил высокую частотность в речевой практике лексем *партия* и *партийный*. Причем в советское время произошло сужение (специализация) системного значения существительного *партия* [19, с. 139], в результате этого у него появился новый ЛСВ-советизм – 'Коммунистическая партия Советского Союза' [14, III: 29]. «Языковые знаки *партия, КПСС, ленинская партия* в советском дискурсе функционировали как варианты номинации одного референта» [14, с. 140]. У этих номинант сформировались устойчивые синтагматические связи: *Коммунистическая партия, партия рабочего класса, партия руководит, под руководством партии, решения партии, политика партии, линия партии, КПСС строит, член КПСС* и т. п. Например: *Коммунистическая партия, партия рабочего класса, ныне стала партией всего советского народа* (Устав КПСС); *Под руководством партии, следуя ленинским курсом, советский народ прошел за 60 лет путь, равный столетиям* (Труд. 1977. 2 нояб.).

Итак, общественно-политическая лексика 1960–1980-х гг. отражала важнейшие социально-политические, идеологические изменения в жизни советского общества. Слова политического словаря были знаками нового времени – эпохи «развитого социализма» – и средством выражения мировоззрения советских граждан. Экстралингвистические явления и процессы, происходившие в обще-

ственно-политической сфере, стимулировали актуализацию определенных значений слов и их семантических признаков, изменение семантической структуры языковых единиц, определили характер их синтагматических связей и специфику употребления в речевой практике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гарбовский Н.К. Об идеологическом значении общественно-политической лексики // Функционирование системы языка в речи. – М., 1989. – С. 66–77.
2. Говердовский В.И. Идеологическая коннотация, речевая практика и лексикография // Язык и общество. – Саратов, 1986. – С. 58–69.
3. Голованевский А.Л. Формирование идеологической общественно-политической лексики в русском литературном языке XIX–начала XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1993. – 31 с.
4. Жданова Л.А. Общественно-политическая лексика: структура и динамика: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 224 с.
5. Заварзина Г.А. Семантические изменения общественно-политической лексики русского языка в 80–90-е гг. XX в. (по материалам словарей и газетной публицистики): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1998. – 24 с.
6. История СССР: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Н.Е. Артемова. – М.: Высш. шк., 1982. – 351 с.
7. Капралова С.Г. Изучение состава общественно-политической лексики по тематическим группам (наблюдение над одной группой) // Исследования по русскому языку и языкознанию. – М.: МГПИ, 1974. – С. 102–114.
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик [Принята 7 октября 1977 г.] // Конституция и Законы Союза ССР. – М.: Изв. Советов нар. деп. СССР, 1983. – С. 5 – 33.
9. Мильшин П.К. Обогащение общественно-политической лексики русского языка в советскую эпоху // Уч. записки Пятигорского пед. ин-та. – Пятигорск: Пятигорский гос. пед. ин-т, 1963. – С. 59–103.
10. Пособие по истории СССР для подготовительных отделений вузов: в 2 ч. Ч. 2 / Н.В. Наумов, Т.А. Сивохина. – М.: Высш. шк., 1984. – 287 с.
11. Программа Коммунистической партии Советского Союза [Принята XXII съездом КПСС 17–31 октября 1961 г.] // Программы и Уставы КПСС. – М.: Политиздат, 1969. – С. 63–224.
12. Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект. – М.: Наука, 1975. – 323 с.
13. Розенталь Д.Э., Солганик Г.Я. Изучение языка и стиля средств массовой информации и пропаганды // Вестник МГУ. – 1977. – № 1. – С. 68–75.
14. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1983 – 1985.
15. Солганик Г.Я. Лексика газеты. Функциональный аспект. – М.: Высш. шк., 1981. – 112 с.
16. Трескова С.И. Терминология в сфере массовой коммуникации // Социолингвистические исследования терминологии народов СССР. – М., 1988. – С. 49–59.
17. Устав Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи [Принят XIV съездом ВЛКСМ 16–20 апреля 1962 г.]. – М.: Мол. гвардия, 1968. – 32 с.
18. Устав Коммунистической партии Советского Союза [Утвержден XXII съездом КПСС 17–31 октября 1961 г.]. – М.: Госполитиздат, 1961. – 30 с.
19. Черникова Н.В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985–2008 гг.). – М.: МГОУ; Мичуринск: МГПИ, 2008. – 395 с.

УДК 811.161.1

Федорова Н.И.

*Татарский государственный гуманитарно-педагогический
университет (г. Казань)*

НОМИНАТИВНОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА НЕБО (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ)

N. Fyodorova

Tatar State University of Humanities and Education

NOMINATIVE FIELD OF THE CONCEPT SKY (ON THE RUSSIAN FOLK SAYINGS)

Аннотация. Статья посвящена построению номинативного поля концепта *небо* в рамках русских народных примет. Автор анализирует слова, ассоциируемые со словом-стимулом *небо*. Лексическое значение выявленных слов сравнивается с характеристиками называемых ими явлений в народных приметах. Конструирование структуры номинативного поля осуществляется по количественному принципу. Проведенное исследование раскрывает особенности восприятия этносом наблюдаемых небесных тел, оптических явлений, а также позволяет обозначить «прогнозообразующие» характеристики указанных явлений.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, номинативное поле, лексическое значение, народные приметы, слово-стимул *небо*.

Abstract. The article is devoted to the building the nominative field of the concept sky basing on the material of the Russian folk sayings. The author analyses the words associated with the concept sky. The lexical meaning of the associated words is compared to the characteristics of these words in folk sayings. The construction of the nominative field is made according to the number of found words. The research helps to describe peculiarities of perception of the observed celestial bodies, visual events, and finally shows forecast-forming characteristics of pointed out events.

Key words: cognitive linguistics, concept, nominative field, lexical meaning, folk sayings.

В связи с развитием когнитивной лингвистики довольно широкое распространение получило понятие концепт. З.Д. Попова, А.И. Стернин предлагают следующее определение: «Дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упрямой внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношением общественного сознания к данному явлению или предмету» [3, с. 34].

Представленная дефиниция характеризует в первую очередь, концепт как вербализуемую единицу, отражающую культурные особенности, связанные с обозначаемым объектом действительности. Вербализация подразумевает наличие языковых средств (лексем), служащих для объективации концепта. Совокупность всех языковых средств, служащих для объективации концепта, представляет собой номинативное поле концепта.

Настоящая статья посвящена построению номинативного поля концепта *небо*. Первоочередной задачей при построении номинативного поля является обращение к семантике ключевого слова, слова-стимула *небо*, что в дальнейшем позволит нам выявить лексемы, ассоциируемые в сознании говорящих с данным концептом вне зависимости от яркости ассоциаций. Отметим, что в рамках нашего исследования слов-ассоциатов ограничивается признаком «расположенное, видимое на небе», так как только четко фиксируемые явления проявляют

способность к «предсказанию» какого-либо другого явления.

Согласно статье Словаря живого великорусского языка В.И. Даля *небо* – это «..бесконечное, выпретенное пространство, окружающее землю нашу; вся ширь и глубь вселенной, иногда со включением мироколицы нашей: По-небу тучи, облака; или за пределами ея: На небе звезды, луна... Мнимая твердь над нами, видимый полый шар, внутренняя плоскость его, к коей мы относим и все зримое в пространстве, небесный свод» [1, с. 502]. С.И. Ожегов определяет *небо* как «все видимое над Землей пространство», затем приводит словосочетания, репрезентирующие ассоциативный ряд концепта: «звездное небо», «небо в тучах» [2, с. 356].

Приведенные определения слова-стимула *небо* в качестве центральных представляют пространственную и объектную характеристики концепта, реализуемые посредством указания на ряд наблюдаемых в пространстве предметов (например, небесных светил).

Данные характеристики отражены и в народных приметах:

пространственная: Если Млечный Путь на небе полон звезд и светел – к ведру [4, с. 83], Столбы на небе зимой – северное сияние – к холодам, к стуже [4, с. 87];

объектная: К морозу небо в высыпках звезд, от оттепели – тусклое, слепое [4, с. 93], Если летом при закате солнца с северной стороны небо покраснеет, будет заморозок или холодная роса [4, с. 92], Если вечернее небо туманно, надулось – к ветру [4, с. 85].

Реализация объектной характеристики концепта подразумевает указание на небесные тела, находящиеся на небе. Следовательно, группа *небесные светила* является наиболее подходящей для анализа концепта *небо* ввиду своей «компактности», а также того, что именно *солнце*, *звезды*, *луна* в сознании людей имеют конкретное месторасположение – *небо*, значит, ассоциируются (актуализируются) в первую очередь при упоминании анализируемого концепта. Данные лексемы встречаются довольно часто в народных при-

метах, что позволяет отнести их к ядру номинативного поля.

В качестве основных «прогнозообразующих» характеристик данных лексем выступают: 1) темпоральная: Если на Спиридонов день солнышко играет – будут на Святки дни ясные [4, с. 79]; 2) форма небесного светила: При **новолунии** бывает дождь или снег, на **ущербе** тоже, в остальное время случайны и редки при **полнолунии** [4, с. 84]; 3) динамическая характеристика: Звезды падают – к ветру [4, с. 83] и др.

Промежуточное положение между ядром и периферией занимают лексемы *облако/туча*, также имеющие в качестве основных «прогнозообразующих» характеристик темпоральную и динамическую: Синие вечерние облака – к перемене погоды [4, с. 86]; Коли облака переклубились, то грозы не будет [4, с. 88].

Реже слово-стимул *небо* ассоциируется со следующими явлениями: *гром*, *гроза*, *молния*, *радуга*, что также находит свое отражение в народных приметах: Гром ранней весной – перед холодом [4, с. 87]; Большие гроз – большие грибов [4, с. 87]; Молния зимой – к буре [4, с. 88]; Радуга зимою – к морозу либо снегу [4, с. 87]. Перечисленные явления также понимаются как «видимые на небе», что позволяет включить их в номинативное поле концепта, однако относим лексемы, называющие данные явления, согласно количественному признаку, к периферии номинативного поля концепта *небо*. Существенно отметить, что каждая названная лексема будет иметь особые «прогнозообразующие» характеристики. Так, для лексемы *радуга* таковыми являются наличие оптического явления и его цветовая окраска. Основной характеристикой лексем *гром* и *гроза* в русских народных приметах является время и первичная фиксация явления: Первый гром весной – признак наступающего тепла [4, с. 88].

Таким образом, лексемы *солнце*, *луна*, *звезды* образуют ядро номинативного поля концепта *небо*. Промежуточное положение между ядром и периферией занимают лексемы *облако/туча*. К периферии относятся лек-

семь *гром, гроза, радуга* ввиду своей низкой частотности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 2. – М.: ТЕРРА, 1995. – 779 с.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2007. – 944 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.
4. Рыженков Г.Д. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде. – М.: Современник, 1992. – 127 с.

УДК 81-112

Юрлова А.А.

Московский государственный областной университет

ОРФОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО

A. Yurlova

Moscow State Regional University

ORTHOGRAPHY IN THE WORKS OF V. TREDIAKOVSKY

Аннотация. Статья «Орфография произведений В.К. Тредиаковского» посвящена исследованию орфографических взглядов В.К. Тредиаковского на материале книги «Разговоръ между Чужестраннымъ челоѡкомъ і Россійскимъ объ ортографіі старінной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріі» и сохранившихся писем писателя на русском языке. Предметом исследования являются морфологические, фонетические и традиционные написания. В статье впервые анализируется и систематизируется в соответствии с тремя принципами орфография выбранных произведений Тредиаковского. Проведенный анализ сохранившихся писем Тредиаковского в сравнении с «Разговоромъ между Чужестраннымъ челоѡкомъ і Россійскимъ объ ортографіі старінной і новой...» доказывает несоответствие теоретических взглядов писателя в области правописания практической его орфографии.

Ключевые слова: история русского языка, орфография, принципы орфографии: морфологический, фонетический, традиционный, грамматика, эпистолярное наследие.

Abstract. The article is devoted to the research of the orthographical views of V. Trediakovsky basing on the material of the book "The talk between a stranger and the Russian about the ancient and new orthography and about everything that belongs to it" and letters of the author in the Russian language. The object of the analysis is a morphological, phonetic and traditional spelling which Trediakovsky used. In the article the chosen works of Trediakovsky are for the first time analyzed and systematized according to three principles the spelling. The carried out analysis of the remained letters and the book "The talk between a stranger and the Russian about the ancient and new orthography..." proves discrepancy of theoretical views of the writer in the field of spelling of its practical orthography.

Key words: history of the Russian language, orthography, principles of orthography: morphological, phonetic, traditional; grammar, epistolary heritage.

Эпоха XVIII века – начальный этап кодификации орфографических норм русского языка. По справедливому замечанию Г.О. Винокура, «основным событием в жизни русского литературного языка в начале XVIII в. было начавшееся разрушение прежней системы письменного двуязычия и зарождение единого национального литературного языка, пока еще, разумеется, в его первоначальных, примитивных формах» [3, с. 114]. В XVIII веке полемика грамматистов направлена, в основном, на определение ведущего принципа правописания («с одной стороны – орфографический фонетизм В.Е. Адогурова – В.К. Тредиаковского, а с другой – словопроиз-

водство М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова, В.П. Светова, А.А. Барсова» [4] и других).

В.К. Тредиаковский в «Разговорѣ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Российскимъ объ орфографіи старинной і новой і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріи» утверждает необходимость полного фонетизирования письма, однако, как и Адодуров, автор первой грамматики на русском языке, с сожалением замечает, что много ещё «находится... такихъ словъ, въ которыхъ орфографія хранится по произведенію...» [8, с. 86]. В определении орфографии, данном В. К. Тредиаковским, уже содержится указание на надлежащий, по мнению автора, звуковой характер орфографии: «Орфографія есть правильное положеніе буквъ въ склады, а складовъ въ слова, по произволению, ізвесныі голоса нашего своны і своновъ разныі способы...» [8, с. 119-120]. Большинство слов Тредиаковский сам пишет «по произведенію», утверждая метод постепенного привыкания к фонетическому правописанию. Однако теоретической основы морфологические написания не имеют. Единственным исключением является указание об употреблении сочетания *сч* вместо *шч* (*ш*) в словах, которые «состоятъ изъ сокращеннаго предлога *со* і глагольнаго имени, какъ наприѣръ *счисленіе*» [8, с. 46]. Но в другом параграфе Тредиаковский предлагает правило, противоречащее указанному выше: «Буквы *ж* і *і* *с*, і *і* *с* предъ *ч*, всегда превращаются въ *ш*» [8, с. 407]. Примером могут служить слова *шчастіе*, *шчасливый*.

В. К. Тредиаковского по праву считают основоположником фонетического письма [см., напр.: 6, с. 4]. Он подчёркивает: «...та орфография совершенно правильная, которая одні только наблюдаетъ своны» [8, с. 282]. Тредиаковский пытается доказать логичность фонетической орфографии: «...мы произносимъ наприѣръ (т) въ словѣ *упатка* отъ *упадокъ*, въ которомъ характеристическая есть (д); то (т) і надобно писать, а не (д)» [8, с. 277]. Приводя аргументы в пользу фонетического правописания, Тредиаковский напоминает, что даже «древняя орфографія не можетъ всегда наблюдать характеристическихъ буквъ въ

производныхъ словахъ. Можетъ ли она написать *возможность* отъ *возмогу*, не мѣняя (г) на (ж) *возможность*... не можно такъ написать. Чегожь ради? Ибо свонъ требуетъ буквы (ж), а не (г)... Такъ писать надлежитъ, какъ свонъ требуетъ» [8, с. 277-278].

«Ошибка Тредиаковского состоит в отождествлении таких соотношений, как *сладость – слаткий*, с одной стороны, и *пишу – писание* – с другой. Иными словами, Тредиаковский не отличает позиционных фонетических изменений от морфологизированных звуковых чередований» [1, с. 477], обусловленных фонетическими процессами, происходившими в истории языка.

Тредиаковский понимает, что «иное есть *плодъ*, а иное *плоть*» [8, с. 280]. Утверждая возможность контекстуальной дифференциации омофонов, грамматист советует «...і сії слова... писать по свону: ибо не одно токмо пишется какое слово, но всегда і прежде его, і послѣ находится ихъ нѣсколько въ кругѣ содержания. Такъ не имѣетъ, кажется, быть никакова замѣшанія въ содержаніи, когда напишется слово *плодъ* по свону: *плоть который въ моемъ саду выросъ сего лѣта, я самъ оный и съелъ*» [8, с. 280-281].

Анализируя «Разговоръ между Чужестраннымъ человѣкомъ і Российскимъ объ орфографіи старинной і новой...», Г. О. Винокур отмечает ряд непоследовательностей в написаниях Тредиаковского [1, с. 477-478], которые сам писатель объясняет «утождением... всему обществу» [8, с. 282], пишущему «по произведенію» [8, с. 186], и стремлением постепенно приучить его к фонетическому письму. «Сверхъ того, свонъ выговора нашего толь бліско отъ произведенія отлучается, что почитай съ нимъ непосредственно вмѣстѣ стоить» [8, с. 280], – считает Тредиаковский, имея в виду язык, который «долженствуетъ употребляемъ быть въ писменныхъ і ученыхъ сочиненіяхъ» [1, с. 479], «...письмо... должно отражать произношение образцовое, лучшее, то есть книжное» [8, с. 329]. «Многіі, – пишет он, – не токмо говорятъ,.. но и пишутъ: *просітца*, *молітца*, *ее* вмѣсто *ея*; *ево*, вмѣсто *его*» [8, с. 329]. «Весьмабъ дѣльно і праведно было

следовать... славенскому языку» [8, с. 333] и при выборе окончаний прилагательных множественного числа, то есть в среднем и женском родах писать *-ыя (-ія)*, например, «*добрыя жены, і добрыя дѣла*» [8, с. 333], в мужском – *-ыи (-іи)*. Однако в этом случае в русском языке «женский род... не разлічїтся съ среднїмъ», поэтому «по точному свойству нашего выговора» [8, с. 340] в женском роде Третьяковский предлагает писать *-е*, которая «съ 1733 года... отдана вѣчно мужескому роду, вмѣсто кореннаго нашего (*і*) протївъ прїроды нашего выговора» [8, с. 339-340].

Третьяковский называет «неисправными» следующие виды «выговора», которому не должно следовать в письме (приведём основные из правил).

1) «въ московскомъ выговорѣ всѣ о неударяемая са а произносятся. Примѣръ: *малако, вмѣсто молока*» [8, с. 398].

2) «...нѣкоторыя а неударяемая произносятся въ простомъ выговорѣ са е. Примѣръ: *чесы...*» [8, с. 398].

3) «...самый простой нашъ выговоръ е ударяемая... побольшей частї мѣняетъ на двугласную ію. Примѣръ: *совіотъ*» [8, с. 398-399].

4) «... я, больше неударяемая, перемѣняются въ нашемъ нынѣшнемъ выговорѣ часто на Е неударяемаяжъ. Примѣръ: *ледунка*» [8, с. 399].

5) «коренныя Е неударяемая мѣняются частожъ въ простонародномъ выговорѣ на і. Примѣръ: *скаываитѣ, повелѣваитѣ...*» [8, с. 399].

б) (*ы*) коренное нашего языка многажды превращается въ (*о*). Примѣръ: *оной, которой, ісвѣсной, са оный, который, ісвѣсный*» [8, с. 399].

Таким образом, теоретически разработанная концепция грамматиста практически выражается лишь в некоторых положениях в области консонантизма, основными из которых являются:

- изменение *чн* в *шн* в словах типа *конечно, нарошно* (заметим, однако, что и эти процессы зачастую не отражаются в сочинении писателя);

- регрессивная контактная диссимилиация по способу образования в словах *лехкій, мяхкій* и их производных;

- полная ассимиляция сочетаний *дс, тс* в *ц* (например, *свѣцкихъ* [8, с. 106]);

- регрессивная контактная ассимиляция по звонкости-глухости, отражаемая Третьяковским последовательно только на стыке приставки на *з – с* с корнем [1, с. 478-479].

Некоторые варианты звукового письма являются ошибочными с точки зрения фонетических законов.

1. «Я пишу нынѣ всѣ тѣ склады двумя токмо согласными, которыі по произведенію состоятъ тремя предѣ гласною ілі двугласною: ибо тѣмъ образомъ мы іхъ точно всѣ выговариваемъ. Напримѣръ *ищасливый* вмѣсто *ищасливый; срогий* вмѣсто *строгий*» [8, с. 283-284].

В список, составляющий слова с непроизносимым согласным звуком, выпадение которого обусловлено процессом падения редуцированных, происходившим с конца XI по начало XIII веков, Третьяковский ошибочно включает прилагательное *срогий*, считая его польским по происхождению и производным «отъ славенскаго *суровый*». В некоторых этимологических словарях есть сведения о возможном заимствовании этого слова из польского языка. Так, например, Г.П. Цыганенко считает, что «слово могло быть заимствованием из польск. яз., в котором *sgrog* <свирепый, жестокий> развилось из праслав. **storgjb* <сторож> [10, с. 409]. В словаре М. Фасмера читаем: «Русск. слово обычно считается заимств. из польск...» [9, с. 779].

2. «Въ сложныхъ словахъ, которыхъ сложеніе начїнается предлогами, ілі надглаголіями какїми, кончашчімїся на гласную,.. гласную букву у предлога, ілі у надглаголія отнімаю (*вобїше, собїшенїе, первообразный*)» [8, с. 284].

С фонетическими написаниями смешивает Третьяковский и большинство исторических. Вынужденно принимая некоторые исторические традиции письма, Третьяковский всё-таки считает, что «недолжно такъ писать» [8, с. 411]. К традиционным написа-

ниям относятся сочетаемостные особенности шипящих: «Буквы *ж, ч, ш* великое имѣють сопротивление соединяться съ двугласнымъ, также і съ знакомъ отонченія *ь*. Примѣръ: *жалость*, а не *жялость*; *часть*, а не *чясть*;..*жестокъ*, а не *жѣстокъ*; *челюсти*, а не *чѣлюсти*;.. *чудо*, а не *чюдо*» [8, с. 408-409].

«В русской науке фонетический принцип в нестрогой форме был определён, – по убеждению Б.И. Осипова, – В.К. Тредиаковским» [7, с. 4]. Однако теоретические разработки, предложенные Тредиаковским в «Разговорѣ между Чужестраннымъ человекомъ і Россійскимъ объ орфографіи старинной і новой...», не находят подтверждения в немногочисленном эпистолярном наследии писателя. При этом большая часть писем написана на французском языке. Орфография писем Тредиаковского не соответствует установленным самим же писателем фонетическим нормам правописания, то есть письму «по звонамъ». Это объясняется несколькими причинами:

- фонетические написания, предложенные граматистом, не были утверждены Академией наук, следовательно, Тредиаковский вынужден был подчиняться всеобщим правилам орфографии, ведущим принципом которой является морфологический;
- большинство морфем Тредиаковский сам пишет в соответствии с морфологическим принципом, ориентируясь на книжное произношение;
- постепенно Тредиаковский меняет свои взгляды, считая «славенский язык не только образцом стилистической, но и мерилем семантической правильности» [5, с. 320].

Оригинальные письма Тредиаковского свидетельствуют о высоком грамматико-орфографическом уровне писателя, соответствующем установленным нормам орфографии XVIII века. Можно выделить несколько основных видов морфологических написаний, встречающихся в письмах Тредиаковского.

I. Окончания прилагательных, причастий и некоторых местоимений, ориентированные на церковнославянские образцы письменности и отражающие «образцовое произно-

шение» [8, с. 329]. По своему типу падежные флексии следует считать традиционными, однако основанием для отнесения их к морфологическому принципу является единообразное написание этих морфем.

1) Р. п., м. р. и ср. р. ед. ч.: *Императорскаго Величества, святаго Александра, Тредиаковскаго* (и III, и V), *учиненнаго объявленія, подпisanнаго имени, онаго* (I, Л. 105 – 105 об.), *присланнаго ордера, каждаго* (II, Л. 26) (и IV, и VI), *обстоятельнейшаго описанія* (III, Л. 128), *самаго дѣла, пятаго* (и VI), *шестаго Томовъ* (IV, Л. 275), *настоящаго года, явствующаго прошенія, рукописнаго тома* (V, Л. 281), *четвертого Тома, всякаго труда* (VI, Л. 287). (См. расшифровку нумерации писем в конце статьи. В круглых скобках без указания листов даются номера писем, в которых приведённые слова также встречаются.)

2) Р. п., ж. р. ед. ч.: *ея Высочества, святая Анны* (I, Л. 105), *черныя моя Феоптіи* (III, Л. 128), *Римскія Ролленевы Історіи, Императорскія Академіи наукъ* (V, Л. 281, и VI), *тоя жь Історіи, Древнія Історіи* (VI, Л. 287).

3) И. п., м. р. ед. ч. («трактуется как книжное, правильное, славенское» [2, с. 465]): *Василій Тредиаковскій* (III, Л. 129), *первый заглавный листъ, одиннадцатый Томъ* (VI, Л. 287).

4) И. п., м. р. мн. ч. (-ыя): *оныя подлинники* (II, Л. 26).

5) И. п. м. р. мн. ч. (-ыі) *нѣкоторыі непорядкі* (I, Л. 105).

II. Единообразное написание корневой морфемы.

1) Проверяемые гласные в корне слова: *святаго, святыхъ, свої* (I, Л. 105), *историческому, заседавшихъ, особливо, возвращав* (II, Л. 26), *рождаются, червякъ, цвѣточку* (III, Л. 128 – 128 об.), *поданнаго, томовъ, впадающая* (V, Л. 281), *величиною* (VI, Л. 287).

2) Морфологическое написание ассимилированного или оглушённого на конце согласного: *увидевъ, непорядкі, всеконечно* (I, Л. 105 – 105 об.), *могъ, противъ, Кіріловъ* (I, Л. 105 об.), *членовъ, господъ* (и IV), *заседавшихъ, пріобщав, возвращав* (II, Л. 26), *овцы, мягчайшим, стиховъ, средство, чтобъ, листовъ, вервь,*

червь, вновь, списавъ (III, Л. 128 – 129), *трудъ, французскихъ, всегда* (IV, Л. 275), *томовъ, проти^е, явствующаго, всемѣрно* (V, Л. 281), *переводъ, Станковъ, бывший* (VI, Л. 287).

Передача на письме оглушённого согласного на конце слова связана с традиционным написанием гласной буквы, обозначающей когда-то редуцированный звук.

III. Единообразное написание префиксов и предлогов.

1) Приставки и предлоги, оканчивающиеся на твёрдый согласный (в том числе и на *-з*): *вступленія, подпісаннаго, вступленіи* (I, Л. 105), *подпісывался, подпісуюсь* (I, Л. 105 об.), *въ каждомъ, подписаны* (II, Л. 26), *разсудилъ, въ потребность, въ себе, без течна, безконечна, списавъ* (III, Л. 128 – 129), *въ Канцеляріи, изъ которыхъ, безъ переплета, разсужденіи* (IV, Л. 275), *въ силу, подъ числомъ, впадающая* (V, Л. 281).

2) Разделительный твёрдый знак на стыке префиксальной и корневой морфем: *объявленія, объявляю* (I, Л. 105 – 105 об.).

IV. Суффиксы причастий и отглагольных прилагательных.

1) Полные формы: *учтеннаго, подписаннаго* (I, Л. 105), *присланнаго, пріобщенный* (II, Л. 26), *основанныхъ, написанным* (III, Л. 128–129), *напечатанных* (IV, Л. 275), *поданнаго* (V, Л. 281), *окончанный, определенные* (VI, Л. 287).

2) Краткие формы: *исправлены* (I, Л. 105), *престѣнены, определены* (I, Л. 105 об.), *подписаны, сочинены, читан, апробованы* (II, Л. 26).

V. Глагольные формы на *-тся, -ться*: *рождаются, кажется, явятся* (III, Л. 128 – 128 об.), *мнится* (IV, Л. 275), *вносится* (VI, Л. 287), соответствующие установленным правилам «Разговора...».

Фонетические написания писем Тредиаковского можно разделить на три категории.

1) Соответствующие нормам современного русского языка, к которым относятся написания приставок на *-з – -с*: *происходили, исправлены* (I, Л. 105), *извѣсно* (II, Л. 26), *рассудилъ, исправъ, распеширенно, восставъ, воскресать* (III, Л. 128 – 128 об.).

2) Разговорные варианты окончания И. п. ед. ч. м. р. прилагательного: *самой подлинникъ, сочиненной, помянутой регламентъ* (II, Л. 26).

3) Ошибочные с точки зрения современной орфографии: *извѣсно* (II, Л. 26), *бутто, благочесно* (III, Л. 128 – 128 об.), *одинадцатый* (VI, Л. 287).

Третий вид звуковых написаний связан с фонетическими особенностями употребления гласных и согласных фонем, находящихся в сигнификативно и перцептивно слабых позициях и соответствует установленному Тредиаковским правилу письма «по звонамъ».

Традиционные написания можно считать полностью сформировавшимися уже в XVIII веке. Приведём лишь некоторые из них.

1) Написание шипящих согласных с гласными переднего ряда, а также согласных *Ч, Щ* с гласными *А* и *У*: *предложилъ, пріобщав* (II, Л. 26), *мягчайшим, блестящу, очутивши, неживя, живет, жизнь, желалъ* (III, Л. 128 – 128 об.), *засадавшихъ, напечатанныхъ* (IV, Л. 275), *настоящаго, следующую, приложилъ* (V, Л. 281), *жизни, приложилъ* (VI, Л. 287).

2) Традиционные написания некоторых слов: *что* (I, Л. 105; II; V, и VI).

Проведённый анализ сохранившихся писем Тредиаковского в сравнении с «Разговоромъ между Чужестраннымъ человекомъ і Российскимъ объ орфографіи старинной і новой...» доказывает несоответствие теоретических взглядов писателя в области правописания практической его орфографии. Заметим, что первое письмо датировано 1747 годом, то есть написано в тот же год, что и книга об орфографии. Тредиаковский – один из немногих, орфография писем которого, несмотря на установленные правила «Разговора...» и приверженность писателя фонетическому письму, основана на морфологическом принципе. «Принцип письма «по звонамъ» не распространяется на такие явления фонетики, которые в его сознании представляются фактами языка не литературного» [1, с. 480], но и эти звуковые написания не отражены в документах эпистолярного жанра.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Письма:

- I. К. Г. Разумовскому, 9 марта 1747 г. Автограф // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 44, л. 105–105 об.
- II. В Канцелярию Академии наук, 11 января 1749 г. Оригинал // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, р. 1, оп. 70, № 17, л. 26–26 об., текст рукой писца, только подпись – автограф.
- III. В Синод, 14 мая 1757 г. Автограф // Российский государственный архив древних актов, ф. 381, ед. хр. № 1038, л. 128–129.
- IV. В Канцелярию Академии наук, май 1760 г. Автограф // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, ф. 3, оп. 1, № 254, л. 275.
- V. В Канцелярию Академии наук, 30 мая 1760 г. Автограф // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 281.
- VI. В Канцелярию Академии наук, 2 октября 1762 г. Автограф // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 287.

Литература:

1. Винокур Г.О. Орфографическая теория Третьяковского // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Гос. учебно-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. – С. 468 – 489.
2. Винокур Г.О. Орфография как проблема исто-

рии языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Госуд. учебно-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. – С. 463–467.

3. Винокур Г. О. Русский литературный язык в первой половине XVIII века // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Госуд. учебно-педагог. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1959. – С. 111 – 137.
4. Григорьева Т. М., Пономарева С. В. Норма и вариантность в русской орфографии. – 2001 // URL: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0088613.pdf (дата обращения: 05.04.2011).
5. Камчатнов А. М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века: учеб. пособие для студентов филологических факультетов высших педагогических учебных заведений - М.: Академия/Academia, 2005. – 688 с.
6. Макарова Р. В., Шкатова Л. А. История унификации русской орфографии: Учеб. пособие. – Челябинск: Челябинск. гос. ун-т, 1993. – 59 с.
7. Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. Ун-та, 1992. – 253 с.
8. Третьяковский В. К. Разговоръ между Чужестраннымъ челоувкоу і Россійскимъ объ ортографіи старінной і о всемъ что прінадлежитъ къ сей матеріи. – СПб., 1748. – 59 с.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачёва. – 2-е изд., стереотип. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3 (Муза – Сят). – 832 с.
10. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: Более 5000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: Радянська школа, 1989 г. – 511 с.

ЛИТЕРАТУРА

УДК 929 Карамзин

Алпатова Т.А.

Московский государственный областной университет

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО Н.М. КАРАМЗИНА КАК МЕРА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЙ НАУКИ

T. Alpatova

Moscow State Regional University

PERSONALITY AND WORKS OF N. KARAMZIN AS A MEASURE OF METHODOLOGICAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN HISTORY AND LITERATURE SCIENCE

Аннотация. В статье анализируется динамика высказываний о личности и творчестве Н.М. Карамзина начиная с первых прижизненных оценок до работ конца XX – начала XXI в. Автор рассматривает позиции представителей культурно-исторической школы, формальной школы начала XX в., семиотической школы и др., это позволяет выявить значение, которое имело творчество Карамзина для становления русской науки о литературе. Карамзиноведение (как и пушкиноведение, исследование творчества Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и др.) на сегодня может считаться самостоятельной областью русской культуры, которая требует отдельного изучения. Рецепция творчества русского писателя-классика вписана в статью в широкий историко-литературный и историко-культурный контекст эпохи; поставлены проблемы дальнейшего изучения истории русского и зарубежного карамзиноведения.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, история русского литературоведения, личность писателя-классика, культурно-историческая школа, рецептивная эстетика.

Abstract. This article deals with the dynamics of statements about personality and creativity of N. Karamzin from the first contemporary appraisals to the works of the late 20th – early 21st century. The author examines the positions of the cultural-historical school, formal school of beginning of the 20th century, Semiotic school, and others; and this reveals the role that the N. Karamzin's works had played for the formation of the Russian science of literature. The study of Karamzin's works (as well as those of Pushkin, Dostoevsky, Tolstoy and others) for today can be considered as an independent branch of Russian culture, which requires a separate study. The reception of works of Russian classic writer is inscribed in the article in a broad historical and literary, historical and cultural context of the era, the paper rises the problems of further research of the history of Russian and foreign study of Karamzin's works.

Key words: N. Karamzin, the history of Russian literature, the identity of classic writer, cultural-historical school, the aesthetics of reception.

Сегодня уже невозможно представить нашу литературу, журналистику, литературную и театральную критику, философскую мысль, «диалог» с другими культурами и народами,

© Алпатова Т.А., 2011.

Подготовлено при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы; ГК № 14.740.11.0562 от 05.10.10.

русскую историю и самосознание русского человека без того уникального художественно-философского, историко-политического и нравственного феномена, имя которому – Карамзин. Его творческая деятельность продолжалась более 40 лет; писатель прошел путь от ранних переводов и бессюжетных сентиментальных пейзажных зарисовок до глубочайших историко-политических размышлений «Записки о древней и новой России» и «Истории государства Российского», по справедливости названной А.С. Пушкиным «подвигом честного человека». И практически все, созданное им на этом пути, стало подлинным открытием – не только в рамках собственной художественной системы, но и для всей русской литературы. Изображение «жизни сердца» в лирических стихах и повестях, итоги развития многовековой истории и культуры Европы, увиденной глазами европейски образованного русского человека в «Письмах русского путешественника», новые принципы прозаического повествования, открывшие путь русскому классическому роману XIX столетия, история отечества, сделавшаяся благодаря Карамзину живой и интересной для современников, – все это и многое другое – щедрый дар писателя русской культуре и всем нам. Дар, так в полной мере и не освоенный, ведь в массовом сознании читателей личность Карамзина – человека, судьба которого во многом загадочна, исследовать мировоззрение которого возможно только с учетом множества направлений европейской мысли не только XVIII века, но и всего Нового времени, – нередко «подменяется» маской поверхностно понятого «чувствительного», наивно-сентиментального юноши, а из разнообразного и богатейшего творческого наследия вспоминается лишь сюжетная схема «Бедной Лизы». И все же «Карамзин возвращается». Несколько десятилетий назад именно так назвал статью об этом писателе В.Э. Вацуру; безусловно, возвращается, и процесс этого возвращения способен многое прояснить не только в наших представлениях о русском сентиментализме, о литературной ситуации рубежа XVIII–XIX вв., о сюжетах и

героях повестей писателя, о развитии русской историографии и т. п. Возвращение Карамзина может многое открыть нам (выросшим на постклассицистской, посттрадиционалистской культуре, истоки которой восходят в том числе и к карамзинскому наследию), в нас самих, в нашем отношении к миру, окружающим людям и самим себе.

Уже практически с первых самостоятельных публикаций писателя на страницах «Московского журнала» творчество Карамзина вызывало противоречивые суждения и споры. Не прекращаются они и по сей день. История изучения карамзинского наследия (как и творчества других писателей-классиков) сама по себе уже стала полноправной частью русской культуры. Поэтому, прежде чем говорить о творческом вкладе Карамзина в нашу литературу и культуру, необходимо хотя бы обзорно представить ту бесконечно разнообразную мозаику оценок, которая сложилась за годы читательского интереса к произведениям писателя.

На раннем этапе знакомства с ними, в 1790-е годы, ситуация вокруг Карамзина оказалась поистине парадоксальной. С одной стороны, необыкновенно активный читательский интерес, которого не знал ни один из писателей – предшественников Карамзина; однако этот интерес зачастую сопровождался столь же бурным и эмоциональным неприятием. Бывшие друзья Карамзина из кружка московских масонов в переписке строго осуждали молодого писателя за «дерзость» творить самостоятельно, не полагаясь на руководство тех, кто некогда считался его «братьями» [2].

В некоторых журналах появлялись сатирические «портреты» Карамзина в виде чувствительного автора, который отвергает общепринятые правила, поскольку из-за недостаточного образования не имеет о них понятия, не подражает древним, потому что не способен уважать чужое дарование. Таким предстает писатель новой школы сентиментализма в сатирической статье И.А. Крылова «Похвальная речь Ермалафиду, говоренная в собрании молодых писателей» [13, с. 384–394]. Еще более острыми были высказывания

П.И. Голенищева-Кутузова, который обвинял Карамзина-писателя не только в недостаточной образованности, непомерной гордости и авторском самомнении, но и прямо в развращенности нрава, безбожии и вредном влиянии на читателя. Таким предстает Карамзин в полемическом стихотворении «Ода в честь моему другу» (1799) [5, с. 17-31], [19, с. 304-310]; высказанные в стихотворении упреки в адрес Карамзина Голенищев-Кутузов позднее повторил в письме к министру народного просвещения графу А.К. Разумовскому (1810): «Карамзин явно проповедует безбожие и безначалие. <...> Не хвалить его сочинения, а надобно бы их сжечь» [8, с. 491]. Критические оценки давали и первые иностранные рецензенты Карамзина, ознакомившиеся с переводами «Писем русского путешественника» на английский и немецкий языки – переводами неполными и не отражавшими всего содержательного богатства, и тем более художественного своеобразия этой книги [1, с. 309-323].

Осуждение творчества Карамзина его первыми критиками было столь резким, что писатель оказался вынужден выступить в журнале «Spectateur du Nord» («Северный зритель», выходил в Петербурге на французском языке и предназначался в первую очередь для иностранцев, стремящихся лучше узнать культуру России) с анонимной статьей о русской литературе и под видом «разбора» «Писем русского путешественника» объяснить те творческие принципы, которым следовал в своей работе [10, с. 449-463].

В начале XIX в. споры вокруг произведений Карамзина продолжились. Импульсом для их обострения стала публикация брошюры А.С. Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» (1803), и особенно его следующей работы – «Рассуждение о красноречии Священного Писания» (1810). Шишков и его сторонники (получившие прозвище «шишковистов») обвиняли Карамзина в подражательности и в том, что основой «нового слога» стала не церковнославянская традиция, а «средний стиль», разговорный язык образованного общества. Объектом критики

Шишкова был не только сам Карамзин, но и писатели-карамзинисты, последователи его литературной манеры – И.И. Дмитриев, В.Л. Пушкин, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский и др. Из их среды и вышли первые литературно-критические статьи и заметки в поддержку творческих принципов Карамзина. «Карамзин открыл тайну в прямом значении – ясности, изящества и точности» [8, с. 38]. Утверждение этой истины одушевляло сторонников писателя в период полемики о старом и новом слоге русского языка.

Новый виток споров вокруг творчества Карамзина начался в 1818 г., после выхода в свет первых восьми томов «Истории государства Российского». Широкий читательский интерес к этой книге (по свидетельствам современников, тираж в три тысячи экземпляров разошелся всего за месяц) вновь сочетался с разнообразными критическими выступлениями против исторической концепции Карамзина (М.Т. Каченовский), его политических взглядов (М.Ф. Орлов, Н.И. Тургенев, Н.М. Муравьев), даже стиля писателя [12].

Смерть Карамзина в 1826 г., по мнению его ближайших друзей, не вызвала в обществе резонанса, достойного масштабов этого горестного события. 10 июля 1826 г. А.С. Пушкин писал П.А. Вяземскому из Михайловского: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти?» [17, с. 286]. Почти сразу же после смерти писателя его друзья – Жуковский, Вяземский, Пушкин – начинают думать о создании его биографии. Так, Пушкин считал, что написать такой труд следовало бы Вяземскому: с 15 лет росший на руках Карамзина, он как никто знал и обстоятельства жизни, и характер своего старшего наставника. Однако память о Карамзине оказалась для Вяземского слишком личным душевным переживанием; он так и не смог написать биографию, хотя в записных книжках, которые Вяземский писал всю жизнь как своеобразный историко-культурный и историко-литературный труд, имеющий мозаич-

ную композицию, довольно много ценных сведений и о жизни, и о характере Карамзина, и главное – о том великом значении, которое имел для России свет его «...прекрасной, ясной души, исполненной веры в Провидение» [8, с. 82]].

Отдельные ценные высказывания о значении творчества Карамзина рассыпаны в статьях и заметках Пушкина. Н.В. Гоголь, И.В. Киреевский, С.П. Шевырев, А.А. Григорьев, К.С. Аксаков, П.А. Плетнев в своих печатных выступлениях утверждали мысль о непреходящем значении художественного наследия Карамзина, о том, сколь важна память о нем для современной русской культуры. В противовес им снова и снова звучали голоса критиков Карамзина, отказывавших произведениям писателя в возможности быть интересными для сегодняшнего читателя, в оригинальности и самобытности (Н.А. Добролюбов, В.Н. Майков, А.М. Скабичевский и др.).

Первый биографический труд о жизни и творчестве Карамзина был создан М.П. Погодиным к 100-летию со дня рождения писателя, в 1866 г.: «Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников» [16]. К этой же дате была приурочена публикация неизданных ранее сочинений и писем Карамзина [7] и большого труда – «Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву», подготовленного к печати видным представителем культурно-исторической школы в литературоведении Я.К. Гротом [15]. Эти труды отвечали общему пафосу юбилейных торжеств 1866 г. – своеобразного нового открытия Карамзина для России, которая обретает в нем живую нравственную опору посреди тяжких исторических испытаний. Эту мысль глубоко выразил Ф.И. Тютчев в стихотворении, прочитанном 3 декабря 1866 г. на вечере памяти Карамзина в Обществе пособия нуждающимся литераторам и ученым:

*Мы скажем – будь нам путеводной,
Будь вдохновительной звездой,
Свети в наш сумрак роковой,
Дух целомудренно-свободный <...>*

*Умевший, не сгибая выи
Пред обаянием венца,
Царю быть другом до конца
И верноподданным России* [21, с. 166-167].

В конце XIX – начале XX в. начинается новый этап изучения карамзинского наследия. В центре внимания ученых оказываются уже не только общие вопросы биографии писателя, историко-литературного значения его прозы, но и проблемы художественной формы, поэтики карамзинских текстов, открытия писателя в области литературного языка и стиля. Начало этому подходу положил фундаментальный труд В.В. Сиповского «Н.М. Карамзин, автор “Писем русского путешественника”» (СПб., 1899), в котором «Письма...» впервые рассматривались не как реальный жизненный документ, источник сведений о биографии Карамзина (как, например, оценивал их ранее М.П. Погодин), но как художественный текст, строящийся по своим законам. На широком историко-культурном и литературном фоне В.В. Сиповский подробно рассматривал историю создания «Писем...», возможные источники литературных влияний, которые испытывал Карамзин в период работы над ними. Анализ различных редакций позволил исследователю сделать выводы об особенностях творческой эволюции Карамзина-писателя. В целом книга В.В. Сиповского стала основой исследования карамзинского творчества и не потеряла своего значения и по сей день.

Важный вклад в изучение поэтики Карамзина в 1910 – нач. 1920-х гг. внесли представители сформировавшейся в ту пору формальной школы русского литературоведения. Основные направления для таких исследований карамзинского творчества определил Б.М. Эйхенбаум в программной статье «Карамзин» (1916) [22]. Интерес формалистов к наследию Карамзина был связан в первую очередь со смелыми экспериментами в области художественной формы, которые в свое время столь часто приводили к неприятию карамзинского творчества современниками. Услышать это чрезвычайно живое начало в

произведениях писателя, по мнению Эйхенбаума, и есть главная задача литературной науки: «Мы еще не вчитались в Карамзина, потому что неправильно читали. Искали буквы, а не духа. А дух реет в нем, потому что он, “платя дань веку, вторил и для вечности”» [22, с. 213]. Над решением этой задачи трудились ученики и единомышленники Эйхенбаума – в сборнике «Русская проза», подготовленном под его редакцией, появились две статьи, представлявшие наиболее значительные и плодотворные жанровые формы, созданные Карамзиным для русской литературы, – путешествие и повесть [18], [20].

Новый всплеск интереса к Карамзину приходится на начало 1960-х гг. Это время было ознаменовано прежде всего публикациями целого ряда произведений писателя, что позволило начать его «возвращение» к читателям не только как чувствительного автора «Бедной Лизы», но и серьезного политического мыслителя, литературного критика, яркого и оригинального художника слова. Это было двухтомное издание избранных сочинений писателя (самое полное из доступных читателю в то время), подготовленное к печати П.Н. Берковым и Г.П. Макогоненко [6], и полное собрание стихотворений, изданное Ю.М. Лотманом [11]; несколько позднее Ю.М. Лотманом, Б.А. Успенским и Н.А. Марченко было подготовлено и академическое издание «Писем русского путешественника» [9]. С этого времени и до наших дней Карамзин становится предметом серьезных многосторонних историко-литературных штудий. В трудах П.А. Орлова, Г.П. Макогоненко, Ф.З. Кануновой, Л.Г. Кислягиной, В.В. Виноградова, В.И. Федорова, Е. Осетрова, Н.Я. Эйдельмана, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, В.Э. Вацура, И.З. Сермана, Н.Д. Кочетковой, Л.А. Сапченко и многих других ученых. Художественное и историческое наследие Карамзина, его биография и творческое общение с современниками, влияние карамзинского наследия на писателей XIX – XX вв. и целый ряд других серьезных вопросов становятся предметом научного интереса. Произведения Карамзина привлекают вни-

мание и зарубежных ученых – Ханса Роте, Энтони Кросса и др.

Необыкновенно живое, изменчивое, рожденное духом смелого творческого поиска наследие Карамзина никогда не разочарует обратившихся к нему в поисках тайн и загадок, размышления над которыми помогут лучше понять не только художественный мир и эпоху самого писателя, но и мир вокруг нас, не только жизнь души карамзинских героев, но и нашу собственную душу. Именно поэтому столь справедливы по отношению к карамзинскому наследию слова Д.С. Лихачева: «Предстоит еще многое узнать о той роли, которую играл Карамзин в истории русской культуры. Но уже сейчас видно, что она была исключительно велика и благородна. Благородство – именно та черта, которая свойственна деятельности Карамзина во всех сферах и его убеждениям. Редкий человек прожил свою жизнь с таким достоинством, как это сделал Карамзин» [14, с. 749].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арзуманова М.А. Перевод английской рецензии на «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина из бумаг А.С. Шишкова // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII–XIX в. – Л.: Наука, 1969. – С. 309–323.
2. Барсков Я.Л. Переписка московских масонов XVIII в. 1780–1792 // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. – Пг., 1915. – 405 с.
3. Вяземский П.А. Старая записная книжка // 1813–1877. – М., 2003. – 960 с.
4. Жуковский В.А. Эстетика и критика / Вст. ст. Ф.З. Кануновой и А.С. Янушкевича; Подгот. текста, сост. и примеч. Ф.З. Кануновой, О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. – М., 1985. – 432 с.
5. Иппокрена, или Утехи любословия на 1799 год. – М., 1799. – Ч. 4. – 432 с.
6. Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2 т. / Вступ. ст. П.Н. Беркова и Г.П. Макогоненко, подготовка текста и примеч. П. Беркова. – М.; Л.: Художественная литература, 1964. – Т. 1. – 671 с. – Т. 2. – 455 с.
7. [Карамзин Н.М.] Неизданные сочинения и переписка. – СПб., 1862. – Ч. 1. – 240 с.
8. Карамзин: Pro et Contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей,

- критиков, исследователей: Антология / Сост. Л.А. Сапченко. – СПб., 2006. – 1080 с.
9. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. – Л., 1987 (Сер. «Литературные памятники»). – 618 с.
10. Карамзин Н.М. Письмо в «Зритель» о русской литературе / перевод и подготовка текста Ю.М. Лотмана // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л., 1987. – С. 449-463.
11. Карамзин Н.М. Полное собрание стихотворений / Изд. подгот. Ю.М. Лотман. – Л., 1961 («Библиотека поэта. Большая серия»). – 424 с.
12. Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. – М., 1989. – 224 с.
13. Крылов И.А. Полн. собр. соч.: в 3 т. – М., 1945. – Т. 1. 487 с.
14. Лихачев Д.С. Вступительное слово на торжественном вечере, посвященном 225-летию юбилею со дня рождения Н.М. Карамзина // Карамзин. Pro et Contra. – С. 748.
15. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву / Изд. Я. Грота и П. Пекарского. – СПб., 1866. – 587 с.
16. Погодин М.П. Николай Михайлович Карамзина по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии с примечаниями и объяснениями. – М., 1866. Т. 1-2. – Т. 1. – 456 с. – Т. 2. – 542 с.
17. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. – М., Л., 1937. – Т. 13. – 651 с.
18. Роболи Т. Литература путешествий // Русская проза. – Л., 1926. – С. 42-73.
19. Русская литература XVIII в. Хрестоматия мемуаров, эпистолярных материалов и литературно-критических статей / Под ред. О.М. Буранка. – М., 2007. – 368 с.
20. Скипина Л. Чувствительная повесть // Русская проза. – Л., 1926. – С. 10-31.
21. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. – М., 2003. – Т. 2. – 487 с.
22. Эйхенбаум Б.М. Карамзин // Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. – М., 1969. – С. 203-213.

УДК 82-92

Греков В.Н.

Российский православный институт Св. Иоанна Богослова (г. Москва)

КОНЦЕПЦИЯ ЦЕЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ СЛАВЯНОФИЛОВ

V. Grekov

The Russian St. John the Divine Orthodox Institute

THE CONCEPT OF INTEGRITY IN THE PHILOSOPHICAL ESSAYS OF SLAVOPHILES

Аннотация. Статья посвящена ключевой проблеме славянофильской публицистики 1830-1850 гг. – вопросу о цельности человеческого познания, цельности самой жизни. В центре внимания автора полемика между основателями славянофильства И.В. Киреевским и А.С. Хомяковым. Начатый в 1839 г. обменом полемическими посланиями, этот спор продолжался и дальше. Оба публициста пытаются примирить разум и веру, научное и интуитивное познание. В представлении обоих авторов цельность связана с синтезом, но понимается при этом по-разному. Объясняя свои взгляды, публицисты обращаются к древней Руси и в ее жизни ищут подтверждение своих слов. Своеобразие русского, «восточного» просвещения они видят в отсутствии завоевания, особом укладе быта, православной вере. Россия, не испытывавшая влияния греко-римского мира, сохранила сокровенный смысл жизни, целостность духовной и общественной жизни. В статье раскрывается славянофильская идея «истинного просвещения», основанного на слиянии, цельности духовного и материального начала, научного и интуитивного познания. Основываясь на анализе славянофильской публицистики, автор делает вывод о том, что синтез, к которому стремились славянофилы, предполагал как бы двойное познание мира – логическое, научное и на основе воображения, интуиции.

Ключевые слова: публицистика, славянофилы, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, истинное просвещение, цельность, синтез, древняя Русь, история.

Abstract. The article is devoted to the key issue of slavophile essays of 1830-1850s, to the question of the integrity of the human knowledge, integrity of life itself. In the centre of author's attention is the controversy between the founders of slavophilism I. Kireyevsky and A. Khomyakov. Started in 1839, the exchange of the polemic epistles, the dispute went on and on. Both publicists try to reconcile the reason and faith, scientific and intuitive knowledge. In the view of both authors integrity is connected with the synthesis, but it is understood in different ways. Explaining their views, they turn to the ancient Russia and in its life to find confirmation of their words. The uniqueness of the Russian, "eastern" education they see in the absence of conquest, a special way of life, the orthodox faith. Since Russia hadn't experienced the influence of Greco-Roman world, it maintained the innermost meaning of the life, the integrity of the spiritual and social life. The article reveals the slavophile idea of "true enlightenment", based on the joining, the integrity of the spiritual and the material beginning, scientific and intuitive knowledge. Basing on the analysis of slavophile essays, the author concludes that the synthesis, to which strived the slavophiles, supposed the double knowledge of the world – the logical, scientific knowledge, and the knowledge based on imagination, intuition.

Key words: essays, slavophiles, I. Kireyevsky, A. Khomyakov, true enlightenment, integrity, synthesis, ancient Russia, history.

Проблема «Россия и Запад» принадлежит к «вечным» проблемам русской публицистики. Славянофилы рассматривали различия двух культур, противопоставляли все основные элементы, которые их составляли, – от народного характера до задач, поставленных современным просвещением. Особое значение приобретала для них категория цельности, свидетельствующая о полноте и сознательности человеческой жизни, о взаимосвязи всех ее сторон [5, с. 49-56]. Приступая к изданию альманаха «Московский Сборник на 1852 год», они стремились познакомить своих читателей с основными положениями теории национальной самобытности.

Первый том «Московского Сборника» вышел в свет в апреле 1852 г. Он открывался теоретической статьей И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению в России». К моменту сдачи сборника в печать статья Киреевского еще не была дописана, но ее содержание казалось издателям настолько важным, что они специально оставили для нее место. Однако же после выхода «Сборника» сразу обнаружились разногласия. Так, редактор сборника Иван Аксаков не соглашался с воззрениями автора и специально написал предисловие, в котором заявлял о существовании различных мнений среди славянофилов*. Однако это предисловие не пропустила цензура. А.С. Хомяков также высказал свою точку зрения, отличную от взгляда Киреевского. Его ответ «По поводу статьи И.В. Киреевского “О характере просвещения в Европы и его отношении к просвещению в России”» предназначался для второго тома «Московского Сборника». Но второй том так и не увидел света, запрещенный цензурой. Среди вызвавших возражения была и статья Хомякова. Напечатать ее удалось только в первом Собрании сочинений, изданном в 1873 г. Между тем, это продолжение спора, начатого еще в 1839 г, когда на записку Хомякова «О старом и новом» Киреевский ответил своей – «В ответ А.С. Хомякову». Поэтому повторный обмен публицистическими посланиями, конечно же, представлял собой попытку не просто возобновить публичный спор, но и вывести его на другой уровень, придать ему остроту.

Напомним, что в 1839 г. оба публициста пытались разобраться в истинности представлений о Древней Руси. В самом начале статьи Хомяков продекларировал свой принцип: «старую Русь надобно угадать» [7, с. 459]. Опираясь на эти слова, и современники, и позднейшие исследователи часто упрека-

ли Хомякова в предвзятости, нелогичности, склонности к фантазированию. С другой стороны, сами славянофилы декларировали, что их метод – художественный, а не логический. Правда, они оговаривались, что интуиция и образное мышление не противоречат научному познанию, но на эти оговорки никто ни из оппонентов, ни из исследователей внимания не обратил. Противопоставление двух типов мышления – рационального, «формального», и сердечного, «внутреннего», – и легло в основу славянофильского представления о цельности [2, с. 80-83].

Между тем, уже в первой статье Хомяков показал себя скорее как логик, чем как художник. Он показывает два ряда фактов – что было в древней Руси дурного и что хорошего. В одном ряду – факты жизни государственной, политической, например, крамолы и междоусобицы боярские, волчья голова Иоанна Грозного, а с другой – грамотность в селах, совестные суды, песни, воспевающие крестьянский быт... «Два воззрения, совершенно противоположные, одинаково оправдываются и одинаково опровергаются фактами неоспоримыми, и никакая система, никакое искусственное воссоздание древности не соответствует памятникам и не объясняет в полноте их всестороннего смысла», – заключает Хомяков [7, с. 458]. Кроме традиционного для философской эстетики недоверия к существующей системе и попытки создать свою собственную систему, но уже всеобъемлющую и всестороннюю, соответствующую **полноте** древнерусских памятников, ничто не задерживает нашего внимания в этом выводе.

На самом деле суждение Хомякова раскрывает самую суть его метода. Вдумаемся: он, как судья, взвешивает два разные ряда фактов, два воззрения, и убеждается в их подлинности. Это важно, поскольку сам процесс сравнения, «взвешивания» подчиняется строгой логике и меньше всего похож на создание художественного образа. (Позднее, в пятидесятые годы, И.С. Аксаков сравнивает художественное, интуитивное познание с рисованием – как будто возьмешь явление, обнимешь его

* И.С. Аксаков отмечал, что «статья Киреевского очень многих раздражает», что ни он сам, ни его брат Константин, ни Хомяков не подписались бы под этой статьей и, следовательно, не согласны с ней. Опасения Аксакова вызвали предположения некоторых читателей, что статья Киреевского выражает официальную позицию. Об этом же Аксаков писал И.С. Тургеневу. См.: [1, с. 114].

своим взглядом, поймешь и перенесешь на бумагу). И вот, внушив читателю доверие вполне логичным и последовательным сравнением фактов, Хомяков обращается к смыслу этих фактов, собирается раскрыть их тайную подоплеку. Читатель ждет анализа, расшифровки первоначальных предположений, основанных на известных, но все же весьма ограниченных фактах. Вместо этого публицист ставит читателя, в котором предполагает здоровый скептицизм, в ситуацию выбора. Причем читатель не должен выбирать между двумя рядами фактов – как уже сказано, они оба подлинные. Выбор касается самого пути, по которому шла Россия и по которому теперь ей предстоит идти. Поэтому читатель должен понять полный смысл древнерусских памятников, а через них – и всю древнюю Русь. На самом деле, сравнение невозможно просто потому, что несравнимы сами сравниваемые ряды. Отмечая в древности «постоянное несогласие между законом и жизнью, между учреждениями писаными и живыми нравами народными», публицист убеждает, что одной логикой в постижении древней Руси не обойтись. «Тогда, как и теперь, закон был то лучше, то хуже обычая, и, редко исполняемый, то портился, то исправлялся в приложении». Следовательно, восстановить картину логически невозможно, ее нужно домыслить, угадать. Но *угадать* не значит *подменить*. Это значит дополнить логические наблюдения чувством, интуитивным восприятием отношений и между отдельными людьми, и между сословиями в древности, а вовсе не искажать факты. Тем не менее, приступая к этой задаче – угадывания, Хомяков все так же логичен. Он занимается, как сам говорит, сличением всех памятников. На практике это приводило к тому, что он сравнивает «стихии» народной жизни, разграничивая еще живые и уже отжившие. Вот здесь, в этом сравнении и необходима интуиция. «Эти-то лучшие инстинкты души русской, образованной и облагороженной христианством, эти-то воспоминания древности неизвестной, но живущей в нас тайно, произвели все хорошее, чем мы можем гордиться <....> Кое-что сделано;

более, несравненно более остается сделать такого, на что вызывает нас дух, живущий в воспоминаниях, преданиях или символах, уцелевших от древности <....> Чем дальше они оглядываются, тем хуже и безнравственнее представляется им общество. Наша древность представляет нам пример и начало всего доброго в жизни частной <....> но все это было подавлено, уничтожено отсутствием государственного начала <....> Западным людям приходится все прежнее отстранять, как дурное, и все хорошее в себе создавать; нам довольно воскресить, уяснить старое, привести его в сознание и в жизнь. Надежда наша велика на будущее» [7, с. 462-463].

Хомяков обнаруживает несовпадение в трех сферах жизни – частной, государственной и религиозной. Он пишет, по существу, о цивилизационных различиях между Россией и Западом [6, с. 149-151]. Его цель – найти способ применить хорошие начала частной жизни к государственной и построить и частное, и общественное бытие в соответствии с законами христианскими. Мало этого: он сравнивает эти же три сферы жизни в бытии западной Европы и не находит в европейской древности «ничего хорошего». Разумеется, его слова звучат голословно. Но читатель уже подчинился его логике, он захвачен магией сравнения и действительно дополняет своим внутренним воображением общеизвестные факты русской истории, приводимые Хомяковым. Его не смущает и отсутствие фактов, подтверждающих, что древняя западная история наполнена чем-то дурным. Кажется, автор и сам не замечает своего упущения. Не произнося слова «цельность», Хомяков, в сущности, пишет именно об этой категории. Христианство восточное оказалось слишком слабым, ибо «христианство жило в Греции, но Греция не жила христианством» [7, с. 464].

Противопоставление, только намеченное в статье «О старом и новом», становится основной темой возражения на статью Киреевского. Хомяков подробно исследует судьбу восточного христианства в Византии, соотношение религии, церкви и государства. В самой Византии Хомяков находит некую

двойственность, которая и стала причиной ее гибели. «Эллин поклонялся красоте и, впоследствии, знанию» [8, с. 203]. Византиец же, унаследовав свое просвещение от эллинов, оставался в душе римским гражданином. Он оказался не готов признать и принять «народные стихии», проникшие с Севера. Хомяков говорит здесь о славянах, с которыми Византия заключала союзы, опиралась на их силу, но продолжала угнетать и никак не соглашалась признать равными с собой, гражданами одного государства [8, с. 203-205, 216]. Это и стало причиной падения Византии. Еще более важно, что византиец, как и римлянин, служил внешней правде. Причиной этого раздвоения было раздвоение между законом, с одной стороны, и наукой и словесностью с другой. «Словесность и наука говорили по-гречески; закон долго еще говорил по-латыни» [8, с. 216].

Еще в своем «ответе» А.С. Хомякову И. Киреевский писал в 1839 г., что католичество основано на рассудочности, на односторонности, оно не понимало «философской стороны христианства», не имело ее «в чистом виде» и потому не могло передать церкви восточной» [4, с. 152]. Напротив, в русской церкви всегда жило «то устроительное начало знания, та философия христианства, которая одна может дать правильное направление наукам». Киреевский называет просвещение России внутренним, духовным, сосредоточенным на душе. Католицизм основан на логическом убеждении. Он подменил предание, истинное в силу своей древности и освящения теми лицами, которые сами входили в соприкосновение с евангельскими персонажами, – умозаключением. Точно так же и весь общественный быт Западного мира, по мнению Киреевского, держится только на «понятии об индивидуальной, личной независимости». В статье «О характере просвещения Европы...» Киреевский сосредотачивается на изучении отличий в самом способе мышления восточного и западного мира. Если на востоке важнее всего «правильность внутреннего состояния мыслящего духа», то на Западе – «внешняя связь понятий» [4, с. 274].

Оппозиция внутреннее – внешнее таким образом конкретизируется. Противопоставляются два метода, два подхода к познанию мира. Первый, восточный, предполагает поиск «внутренней цельности духа», стремится добиться такого состояния, чтобы все отдельные силы и виды человеческой деятельности были посвящены одной, высшей, цели, действовали совокупно, слитно. Второй, западный, допускает и даже поощряет разделение, рассредоточение ума по отдельным направлениям, каждое из которых ведет к «последней цели, прежде чем все пути сойдутся в одно совокупное движение» [4, с. 274]. Хомяков же, не соглашаясь вполне с Киреевским, уточняет, что «было раздвоение на земле русской», но оно не носило такого всеобщего характера, как на Западе, было случайным. Преобладало начало цельности, единства. Христианство помогло объединению Руси в единое государство, что произошло без насилия и завоевания, как считал Хомяков. (В этом с ним был согласен и Киреевский, да и другие славянофилы). Хомяков приходит к парадоксальному на первый взгляд выводу, что требование цельности, не подкрепленное полнотой познания и сознательного применения христианства в частной и в общественной жизни России, привело к слабости и неполноте русского просвещения. По мере проявления христианской истины она растет и крепнет в человеке, полагал Хомяков. Поэтому несовершенство эпохи еще не может послужить объяснением или оправданием падения, т. е. церковного раскола на Руси. Причина – в недостаточной просвещенности древней Руси. Хомяков приходит к другим выводам, чем Киреевский. Он не склонен видеть глубины в древнерусской книжности и образованности. И вот почему: христианство древней Руси более соответствовало наружной обрядности, чем по «разумному сознанию» и истинному пониманию веры [8, с. 233-234]. Хомяков уверен, что «все-совершенное начало просвещения требовало жизненной цельности для проявления своей животворящей силы» [8, с. 234].

Это рассуждение вводило читателя в порочный круг: просвещение требовало цель-

ности, но достичь ее можно было только просветившись, очистив свой разум. Разгадка – в сознательном отношении к вере, в воспитании своего разума и своей веры.

Византия, сохранив в целостности христианское начало, не сумела перенести его в общественный быт. В то же время древняя Русь не достигла полноты выражения христианских начал. Хомяков подчеркивает, что это произошло «по слабости духовного верования». Недостаток «цельной жизни», раздвоенность, не позволили преодолеть брожения и достигнуть «положительного христианства» [8, с. 235-236].

Хомяков признает неполноту и несовершенство реального, исторического христианского опыта России. Он противоречит точке зрения Киреевского, считавшего, что «особенность России заключалась в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней» [4, с. 291]. Еще в первой своей статье «Девятнадцатый век» (1831) Киреевский писал, что «в России христианская религия была еще чище и святее» [4, с. 93]. Хомяков в своем ответе Киреевскому, подготовленном для второго тома «Московского Сборника», оспорил оба этих утверждения. Он иронически замечал, что подобная похвала «уже слишком непомерна для земли, которой князья не только беспрестанно губили ее своими междоусобиями, но еще без стыда и совести опустошали ее мечом, огнем, разбоем союзников, магометан и язычников» [8, с. 213]*.

Обращаясь к чувствам читателей, Хомяков снова подчиняет их своей логике, чтобы в конце концов поставить проблему выбора пути. Западный человек или блуждает в поисках

истины, блуждает безнадежно, или же должен отречься от всего прошедшего и возвратиться к истине. Это один возможный выбор. Другой предстоит истинно русскому человеку: полюбить Русь, «ее прошлую жизнь и истинную сущность, не смущаясь и не соблазняясь никакими случайными и внешними наплывами, которых не мог избежать никакой народ новой истории». Иначе говоря, спасение – в самом чувстве русской народности, в способности отделить случайное от закономерного и не соблазниться, т. е. не испугаться, не отшатнуться от ее несовершенства. Путь, конечно, привлекательный, но само разделение существенного и несущественного, распределение злых начал по разным категориям можно представить и как логический процесс, и как озарение души. Хомяков предпочитал второе, хотя и строил свою статью строго логически.

Еще А. Григорьев отметил парадокс: славянофилы боролись с рационализмом «оружием того же рационализма» [1, с. 172]. Но это наблюдение, как мы видим, отразило не всю полноту построения теории Хомякова: на основе рационалистических, логических доводов и примеров он ставит читателя в такое положение, чтобы тот задумался над проблемой выбора пути.

Какой путь ведет к цельности, к восстановлению и собиранию всех сил человеческой природы, народа, общества? Выяснить это с помощью логики представляется невозможным. Вот почему читателю предстоит довериться интуиции. И у Хомякова, и у Киреевского интуиция не просто дополнение логики. Это, так сказать, второй этап познания, освоения и преображения мира. Вероятно, можно говорить о том, что познание, не включающее интуицию, представлялось публицистам русского направления односторонним, обедненным.

Синтез, к которому так стремились славянофилы и вне которого они не мыслили ни искусство, ни философию, в действительности представлял собой двойное познание, включающее и логику, и воображение как две стороны, две части, два этапа одного грандиозного процесса — постижения мира.

* Ср. также: Хомяков объяснял слабость веры так: «...Святая Православная Вера, — недовольно еще глубоко и повсеместно проникла в нашу старую Русь, чтобы избавить ее от кровавых распри и болезненных потрясений, и следовательно, не могло дать ее развитию той стройности и мирной полноты, которые были бы ее несомненным достоянием, если бы большинство наших предков не были христианами более по обряду, чем по разуму. Но тут представляется другой вопрос. Меньшее число не могло ли своею разумною силою управлять неразумие многих?.. но, если не ошибаюсь, в древней Руси разуму не доставало сознания» [8, с. 248].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. – СПб., 1898. – Кн. 12. – С. 109-147.
2. Буланов А.М. Рациональное и сердечное в теории познания и в эстетике славянофилов // Славянофильство и современность: Сборник статей. – СПб., 1994. – С. 77-92.
3. Григорьев А. Народность и литература // Григорьев. Эстетика и критика. – М., 1980. – С. 169-199.
4. Киреевский И.В. Критика и эстетика. – М., 1979. – С. 439.
5. Песков А.М. «Русская идея» и «русская душа»: Очерки истории русской историософии. – М., ОГИ. 2007 (Нация и культура // Новые исследования: История). – С. 41-56.
6. Романов О.А. Славянофильство в контексте поисков путей цивилизационного развития России // Иван Киреевский: духовный путь в русской мысли XIX – XXI веков (К 200-летию со дня рождения): Сборник научных статей. – М.: Изд. Российской государственной библиотеки, 2007. – С. 137-155.
7. Хомяков А.С. О старом и новом // Хомяков А.С. Сочинения: В 2-х т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 456-470.
8. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского // Хомяков А.С. Полн. Собр. соч. Изд. 2. – М., 1900. – Т. 1. – С. 197-262.

УДК 82. 31

Кузина А.Н.

Московский государственный университет технологий и управления

ИДЕИ ПОЧВЕННИКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В.Г. РАСПУТИНА

A. Kuzina

Moscow State University of Technology and Management

IDEAS OF NATIONALISTS IN WORKS BY V.G. RASPUTIN

Аннотация. В статье исследуются традиции почвенников – А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, Ф.М. Достоевского – в творчестве В.Г. Распутина. В основе почвенничества лежит «органическая теория». Ее основные идеи о иерархии мира, о расширении научного познания за счет художественного, о почве как духовной реальности, об «общечеловеческой природе» русского характера нашли продолжение в творчестве современного художника. Автор сосредоточил свое внимание на таких категориях, как почва, община, национальная отзывчивость, национальный характер, актуальных для творчества В.Г. Распутина.

Ключевые слова: В.Г. Распутин, традиции, идеи почвенничества, национальный характер.

Abstract. The author of the article researches the ideas of nationalists expressed by A. Grigoryev, N. Strakhov, and F. Dostoevsky in the art works by V. Rasputin. The nationalist's movement is based on the "organic theory". Its main ideas of world's hierarchy, broadening of scientific knowledge at the expense of artistic knowledge, the ground being both physical and spiritual reality at the same time and the "universal nature" of the Russian character found their continuation in the art works of the modern artist. The author focuses on such categories as ground, community, national sympathy, spirituality and a national character that are pressing for Rasputin's art works.

Key words: V. Rasputin, traditions, nationalist's ideas, national character.

Почвенничество как направление в литературе и общественной мысли сложилось в России в 1850–1860-х годах. А.А. Григорьев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, Н.И. Соловьев, П.П. Сокальский являлись главными идеологами почвенничества. Основные положения «органической теории» наиболее четко сформулированы А.А. Григорьевым, Н.Н. Страховым, Ф.М. Достоевским. Значительное место в «органической теории» почвенничества занимает представление о природном, социальном и духовном мире как целостном организме. Н.Н. Страхов подчеркивал: «Части и явления мира не просто связаны, а соподчинены, пред-

© Кузина А.Н., 2011.

ставляют правильную лестницу, пирамиду, всего лучше сказать – иерархию существ и явлений» [8, с. 7]. Страхов утверждал, что закономерностью живого организма является то, что в нем все взаимообусловлено и гармонично: «Каждая часть и каждое явление определенного организма имеет на себе особый отпечаток, отражают на себе особенность целого» [7, с. 161]. Организм проникнут жизнью, поэтому категория «жизнь» стала одной из важнейших у почвенников. Понятия «организм», «жизнь», «живые силы» они используют для раскрытия реальности. В качестве исходного положения почвенничества выступает «органическая теория». Рассматривая природный, социальный и духовный мир как иерархически упорядоченное, живое целое, почвенники утверждают не только его познавательную неисчерпаемость, но и невозможность точного отражения его глубин традиционными экспериментальными и логическими средствами: «Один голый ум есть сила формальная, холодная, и во многих областях истина ему недоступна; самое важное в мире, красота и внутренняя сила вещей, открывается не уму, только сердцу» [9, с. 2]. Почвенники предлагали преодолеть разрыв между отвлеченной теорией и постоянно меняющейся жизнью таким образом, чтобы само познание стало органичным. Путь достижения органичности познания – дополнение научного исследования художественным, образным. Так, А. Григорьев считал, что язык понятий должен быть дополнен языком символов, художественных образов и интуиций, которые многозначны и противоречивы. Но именно они способны уловить органику бытия.

Ключевым суждением течения стало понятие «почва». Оно точно отражает его суть, ибо обладает многозначностью, которая позволяет представить «органический взгляд» на социально-экономическую и политическую жизнь России. «Органическая теория», по убеждению ее сторонников, призвана выразить исконно русский, «почвенный» взгляд на мир. Для Ф.М. Достоевского почва – это одновременно и физическая, и духовная реальность, выступающая как целое природно-

космической и социальной жизни. Так, автор «Идиота» утверждал, что, подобно всем великим идеям, идея почвы существовала вечно: «<...>она собственно никогда и не начиналась, а всегда преемственно продолжалась в здоровой и постоянно протестовавшей против космополитизма части нашего общества...» [1, с. 2]. «Почва» – это то, что предопределяет само содержание культуры.

Близки к такому пониманию и другие почвенники. В своих представлениях об «органическом развитии» и «корневых началах» народной жизни они выступали в роли защитников, «хранителей» общества традиционного типа, пытались его возродить. «Почва» наполняет культуру такими, по словам А. Григорьева, «растительными явлениями», как язык, обычаи и нравы, песни, сказки, вкусы, формы быта; она определяет хозяйственную и политическую жизнь, само отношение народа к себе и к миру вокруг него. По мнению участников направления, «святорусская почва», выраженная идеей общего права на землю, или объединением всех сословий перед лицом общего врага, или земским собором, должна быть всячески поддерживаема и укрепляема. Именно «почва» как совокупность сакральных основ народного бытия способна обеспечить самобытность развития нации, и потому она нуждается не в критике, а в любящем «возделывании». Именно почва в состоянии сохранить народ и его культуру, что может «послужить на пользу человечеству». Н.Н. Страхов выделил в «почве», в качестве ведущего элемента «народный дух» – «ту таинственную силу, от которой в глубочайшем корне зависят проявления человеческих душ». «Люди ведь напрасно думают, что они сами строят свою жизнь, – писал он далее, – в самых важных случаях ими движут силы, ускользающие от сознания и доступные для нашего познания лишь отчасти» [7, с. 2, 8].

Таким образом, «почва» понимается А. Григорьевым, Ф. Достоевским, Н. Страховым как своеобразная основа культурно-национальной традиции. «Почва» – это уникальное единство физической, природно-географической и духовной реальности, внутренний

стержень социальной и культурной жизни народов. Будучи непостижимой, с помощью одной только «теории», «почва» заключает в себе архетипы народного сознания и подсознания, познание которых осуществляется через совокупность науки и художественности, образности. «Почва» наиболее полно находит свое выражение в мифологии, архаическом эпосе, в религии, языке, обычаях, нравах и быте. Выступая как сакральное ядро исторического бытия, она обеспечивает самобытность развития общества. Истинными носителями такой самобытности, по мнению почвенников, являлось все российской общество до реформ Петра I, а затем – крестьянство и купечество.

Основой национальной почвы, ее социальной организационной составляющей в России в течение многих веков была община, которая строила свою жизнь, руководствуясь древними обычаями, нравственными законами и коллективной совестью. Для общины характерна «органическая демократия»: она самоуправлялась на сходе, сборе, вече, что обеспечивало единство всем слоям русского общества, это была охранительная сила государства.

Почвенники немаловажное значение отводили перспективе слияния образованных сословий с народной почвой. Достоевский называл такое слияние «огромным переворотом», сравнивал его с реформой Петра I: «Этот переворот есть слияние образованности и ее представителей с началом народным и приобщение всего великого русского народа ко всем элементам нашей текущей жизни, народа» [2, т. 18, с. 35].

Почвенники подчеркивали «общечеловеческую природу» русского национального характера, его противоположность западному, индивидуалистическому. Эта идея получила развитие у Ф.М. Достоевского. Он полагал, что в русском народе «по преимуществу выступает особенность высокосинтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности, угловатости, непроницаемости, неподатливости. Он со всеми уживается и во все вживается» [2, т. 18, с. 55].

Почвенники считали, что в российском обществе тоже присутствует «органичность», которая проявляется в отсутствии противоречий между сословиями. Они, если и были, сглаживались духовной общностью, церковным и земским единством, – тем, что в итоге проявилось как национальная особенность характера.

Таким образом, национальным характером представители почвенничества считали то же, что сегодня обозначают понятием менталитет нации, то есть устойчивые черты национальной психологии, которые проявляются в общественной жизни, в социальном поведении, культурной деятельности основных сословий и классов. Национальный характер определяется «почвой» и складывается в ходе исторической жизни народа. Отличительной чертой русского национального характера почвенники считали преобладание духовных ценностей над материальными. Эта черта стирала сословные различия и обеспечивала национальное единство; она определяла такую особенность, как «всемирность» русской души. По мнению почвенников, русский национальный характер дает основания для установления подлинной социальной гармонии. Они были уверены, что именно «почва» рождает нацию, определяет развитие ее духовных традиций, которые формируют национальную психологию, особенности национального характера и деятельности. Идея преемственности, «связи времен» в историческом бытии народа – одна из важнейших в теории почвенничества, она обуславливала «охранительный» характер их теории, что исключало любые формы насильственных изменений народного бытия, предусматривая возможность постепенных преобразований.

Традиции и трансформации идей почвеннического общественного и литературного направления ощутимы на протяжении всего XX века.

К почвенникам второй половины XX века принято относить писателей-«деревенщиков» М. Алексеева, Ф. Абрамова, В. Астафьева, Е. Носова, В. Шукшина, В. Личутина, В. Крупина, В. Белова и поэтов: А. Твардовско-

го, А. Прокофьева, Н. Рубцова, А. Прасолова, А. Передреева, Ю. Кузнецова.

В.Г. Распутин не однажды заявлял о своей приверженности «почвенничеству». Многие идеи почвенников XIX века близки ему. В художественном творчестве и публицистике автор «Прощания с Матёрой» исследовал общинное мировоззрение на протяжении XX столетия. В частности, говоря о сохранении и развитии традиций общинного бытия, он находил следы его бытования в колхозной жизни 1940-х – 1950-х годов, отмечая преемственный характер органических процессов народной жизни. В статье «Мой манифест» писатель отмечал крепость основной хозяйственной единицы-общины: «Прежняя коммуна, дитя Октября, легла на традиционную почву и, в конце концов, срослась с нею. Расчет был на то, что коммуна задавит общину<...>, а она просела в нее и стала заваливаться с боков нижней почвой» [6, с. 41].

Для Распутина понятия «почвенники» и «деревенщики» синонимичны, а то и тождественны. Он писал, что «главной нотой почвенников» XX века было ощущение тяжелых и неисправимых перемен, происходящих с русской древней. Старую деревню цивилизация разрушила, новую Россия «не подготовила». Для писателя «подготовить» означает «воспитать среду, способную воспринять из великого духовного и нравственного богатства тысячелетней народной жизни то, что отставке и перемене не подлежит» [4, с. 4]. «Деревенская» литература указала на эти ценности, но с горечью отмечала, что восприимчив не торопится за ними. Её плач по старой деревне был одновременно и тревогой за судьбу нации. Деревня для писателя – прежде всего земля: «Кровная связь с землей, – пишет он, – это характер, вера, язык, укоренённость в отеческое поле, пребывание в отеческом царстве с тысячелетним сводом, образ мысли и жизни» [4, с. 4-5]. Для определения роли деревни художник прибегал к традиционной метафоре: «деревня искони была корневой, питающей системой государственного древа» [4, с. 5]. В крестьянской жизни Распутин видел великие физические, нравственные и духовные запа-

сы. Именно здесь существовали органические формы народного бытия. В рассуждении писателя о крестьянском бытовании понятие организма являлось основным, что сближает его с мыслителями почвеннического направления: «Народный организм развивался здесь естественно, традиции выкладывались веками, пахарь неспроста облекся именем христианина» [4, с. 5]. Представление о народе как организме подчеркивало его жизнеспособность и творческий потенциал. Распутин вслед за предшественниками сознавал охранительную функцию деревни: «Город разматывал, вел противоестественную жизнь, поддавался чужестранным сеяниям и веяниям; деревня хранила, пополняла, выправляла и вымаливала». И творческие, духовные силы долго таились в русской деревне: «Да и великая русская литература <...> вышла не из Пушкина или Гоголя, а вышла она из деревни – из Михайловского и Болдина, из Тархан и Званки, из Ясной Поляны и Спасского-Лутовинова...» [4, с. 5].

В.Г. Распутин с болью писал в 1990-е годы о разрушении деревни, о пустующих пространствах на месте деревень, полей, пастбищ. Он отдавал себе отчет в том, что возвращение прежнего невозможно, но восстановление деревни как духовного основания русской жизни выдвигал как насущную необходимость: «Деревня – не одно лишь приложение рук, но и приложение души, духовное укрепление, вливание в историческую плоть народа, самообретение и возвращение в родной дом» [4, с. 5]. Веками в России «силой, предохраняющей ее основы, была деревня. Целительно-оздоровительные силы в ней остались, к ним надо лишь обратиться» [4, с. 5]. И тогда «фигура России» обретет прочность, а прочной она может быть «лишь на том основании, который подведен под нее исторической судьбой» [4, с. 5], – заключал свои раздумья писатель.

Размышления В.Г. Распутина о земле близки воззрениям Ф.М. Достоевского, писавшего: «Если в стране владение землей серьезное, то и все в этой земле будет серьезным <...>. Нравственность, устойчивость в обществе

спокойствие и возмужалость земли и порядка в государстве зависят от степени и успехов землевладения. Если землевладение и хозяйство слабо, раскидисто, беспорядочно, – то нет ни государства, ни гражданственности, ни нравственности, ни любви в Боге» [2, т. 13, с. 291]. В.Г. Распутин размышлял о земле как о доме в общенародном и общегосударственном масштабе: «Воистину, это основа, альфа и омега любого государства. На земле, на отношении к земле стоит все – и материальное благополучие, и дух, и нравственность, и настроение народа <...> Остался безземельным крестьянин – осталась без хозяина земля – осталось бездомным общество» [3, с. 3-4].

Понятие «почва» для Распутина совмещает несколько значений, близких предшественникам: «Роль крестьянской среды заключается <...> в сохранении тех ценностей, которые были прежде. Имеется в виду почва – нравственная и духовная. И черпается она из самой земли, в ней сила-то» [5, с. 3]. Для Распутина слова «крестьянин» и «христианин» – одного корня: «Само название крестьянин шло от «христианина». Настолько человек, работающий на земле, был в вере, настолько святым было его отношение к ниве хлебобобовой» [3, с. 3-4]. Писатель сожалеет об утрате исконного понятия и названия крестьянина-труженика – мужик. «А кто такой мужик? – спрашивал он. – Это осторожный, основательный, работающий, мудрый, непостижимо выносливый, нравственно крепкий и суровый, православно милосердный россиянин, на горбу которого столетиями держалась и процветала материальная Россия» [3, с. 5]. Таким, убежден писатель, его формировал труд на земле: «Сам характер земледельческого труда предполагает нравственность – когда человек работает на земле, когда хозяин. Сама природа нравственна, и человек, который с ними связан, должен быть добрее и честнее. Былинный источник силы от матери родной земли, это ведь исток» [3, с. 10]. Земля для писателя – источник материальных ценностей, нравственных и духовных. Такое сакральное видение почвы сближает Распутина с мыслителями XIX века. Распутин близок

своим предтечам и отношением к общине. Писатель оценивал общину как «целый мир общения с землей, пользования землей, мир отношений между людьми» [3, с. 7]. Распутин видел здоровое начало в многоустройстве России, которое сохранило бы деревенский уклад как основу национального бытия. Ведь и национальное лицо человека сберегается, прежде всего, в деревне: «Но человек национально лучше помнит себя, конечно, в деревне. Там долго хранятся национальные традиции, обычаи» [3, с. 7].

Распутин не принимал стремлений «некоторых «интернационалистов» создать человека мирового лица». Он уверен в наличии внутренней силы каждого этноса, «которая умеет постоять за себя», а интернациональное должно быть подчинением национальному: «Уважение народов друг к другу имеет своей предтечей самоуважение, то есть накопление и развитие в себе качеств, достойных уважения со стороны других» [3, с. 7]. Идея почвенников XIX века о всемирной отзывчивости русского народа нашла продолжение в интуициях современного художника: «Когда мы говорим русские, то зачастую имеем в виду духовную, а не родовую сущность. Впору говорить российские, поскольку с живущими в России народами мы настолько сжились, что неотделимы друг от друга. <...> Вся Россия – община народов. Национальность у нас становится духовным, а не расовым понятием» [3, с. 12]. В.Г. Распутин, как нам кажется, близок идеям и представлениям А.С. Хомякова. Главным в эстетической системе А.С. Хомякова было утверждение народности искусства – отображения в художественном творчестве глубинных основ народной жизни и общенародных идеалов.

Как нам кажется, между почвенниками XIX века и XX века существует та лишь разница, что почвенники XIX века говорили о всемирности русского человека, опираясь на опыт исторических событий, свершившихся до и во время их пребывания на земле, а В.Г. Распутин имеет в виду практику дореволюционной и постреволюционной России: «Русский человек так устроен, что ему обязательно

нужно кого-то опекать, о ком-то заботиться. Это одна из сторон той самой всемирной отзывчивости, о которой говорил Достоевский. Традиционно русский не может быть узким, твердолобым интернационалистом – просто по своему характеру не может. И потому малые народности в старой России чувствовали себя совсем неплохо, Хотя и после Октября им грех жаловаться на старшего брата» [3, с. 15]. К сожалению, многие народности нашли поводы для обид и разделений, хотя и не выиграли от чаемой и достигнутой ими автономии и тем более в итоге отделения от России.

Распутин часто подчеркивал, что его проза – слепок с натуры общенародного бытия. Ему удалось показать глубинные пласты народной психологии, идеалы крестьянства, его верования, достоинства и недостатки. Таким образом, земля, почва для Распутина понятия, включающие в себя и конкретно-историческое содержание, и духовное. Это то, что отменить нельзя – основа национального бытия, источник силы, его «оздоровительное» начало. Голос писателя становится всё более трагическим и всё менее слышимым в потоке непрерывных инноваций, но ни первое, ни

второе (ни трагическая пронзительность произведений писателя, ни заглушающая трагедию нашей культуры «демократическая» какофония новизны) – ничто не перечеркивает истинности «почвеннических» идей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Достоевский Ф.М. Несколько слов о М.М. Достоевском // Эпоха. – 1864. – № 6. – С. 1-6.
2. Достоевский Ф.М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Достоевский Ф. – М.: Полн. Собр. соч. Л., Наука. 1978. – Т. 18. – 450 с.
3. Распутин В.Г. Возвращение России // Сибирь. 1991. – № 1. – С. 3-15.
4. Распутин В.Г. Где моя деревня? // – М., 1995. – № 2. – С. 2-12.
5. Распутин В.Г. Если дело дошло до края // Литературная газета. – 2004. – № 35. – С. 3.
6. Распутин В. Г. Мой манифест // Аврора. – 1997. – № 3-4. – С. 26-44.
7. Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. – СПб., 1882. – 362 с.
8. Страхов Н.Н. Мир как целое. – СПб., 1892. – 322 с.
9. Страхов Н. Н. Предисловие // Сочинения Аполлона Григорьева. – СПб., 1876. – Т. 1. – 672 с.

УДК 82.1

Лоскутникова М.Б.

Московский городской педагогический университет

ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ В ТРУДАХ А.Ф. ЛОСЕВА

M. Loskutnikova

Moscow City Pedagogical University

PROBLEM OF THE ART STYLE IN WORKS OF A.F. LOSEV

Аннотация. В статье рассмотрена проблема художественного стиля в трудах А.Ф. Лосева 1920-х и 1960-1980-х годов. Философ рассмотрел категорию стиля в ее взаимосвязи с категориями идеи, образа, содержания, формы. Им показана разница между эстетическим как областью выражения и художественным как областью созидания, а также дана классификация моделей стиля. Ученый утверждал мысль об исторической обусловленности стиля, о структуре произведения как о его «единораздельной цельности» и о принципе конструирования стиля.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, художественный стиль, художественная форма, структура, конструирование.

Abstract. The article is devoted to the problem of art style in A. Losev's works of 1920 and 1960-1980s. The philosopher had considered a style category in its interrelation with the categories of idea, image, content, form. He had shown the difference between aesthetic as a sphere of expression and art as a sphere of creation. The classification of models of style was also presented in his works. The scientist claimed the thought about historical conditionality of style, structure of the literary text as a «united-separate integrity», and about the principle of designing of a style.

Key words: A. Losev, art style, art form, structure, designing.

Личность и труды А.Ф. Лосева как последнего философа серебряного века, выдающегося мыслителя и человека с трагической судьбой вызывают непреходящий интерес. Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть лосевскую концепцию художественного стиля в логике и движении его мысли.

Категорией художественного стиля ученый занимался в 1920-е годы (результаты работы представлены прежде всего в книге «Диалектика художественной формы», опубликованной в 1927 году) и с 1960-х годов получил возможность вернуться к этим исследованиям. Как последовательный диалектик, в изучении стиля А.Ф. Лосев шел эйдическим (от «эйдос») путем – с необходимостью увидеть, «как выводятся все предыдущие категории» [4, с. 10], т. е. опираясь на ведущие категории смысловой сферы – сущее, покой, движение, тождество, различие, а также в первую очередь на понимание художественной формы. Без знакомства с лосевской диалектической концепцией художественной формы нельзя полноценно изучить систему представлений философа о художественном стиле.

По мысли А.Ф. Лосева, выражение (или форма) сущности есть «потенция и залог всяческого функционирования сущности», поскольку она является ее «твердо очерченным ликом»; в результате специфика художественной формы заключается в «энергичной подвижности понимания смысла» [4, с. 15, 110]. Как «**символическая структура**» и «**неделимая единичность всех своих смысловых моментов**», художественная форма «**покоится сама относительно себя**» и одновременно «**движется в смысловом отношении сама относительно себя**» [4, с. 56, 58, 64-65].

Наиболее значимой классификацией художественной формы являются, указывал А.Ф. Лосев, ее композиционные и стилевые виды. В композиции художественная форма «получает **закон** своего собственного построения» [4, с. 156]. Одним из наиболее универсальных

законов ученый назвал «золотое деление»^{*}. Стиль же «есть такая полная художественная форма, которая несет в своей организации следы соотнесения с тем или другим инобытием» [4, с. 151]. С точки зрения социально-культурных отношений, можно говорить о стилях исторических (например, античном), общесоциальных (военный, детский и др.) и индивидуальных (стиль Шекспира); с «материально-природной» точки зрения, существуют инструментальные стили в музыке (скрипичный стиль), материально-обозначенные стили в скульптуре (мраморный стиль), синтезированные стили («изобразительный стиль» в музыке); с психологической точки зрения, требуемое настроение созерцательности, скорби и проч. также обеспечивается соответствующим стилем произведения; с точки зрения идеологии, следует говорить о стилях национальных, религиозных, философско-идеологических.

Это общее понимание вопросов стиля А.Ф. Лосев подтвердил и много позже — в книге «Проблема художественного стиля», завершенной к началу 1970-х годов, однако изданной лишь посмертно. В книгу вошли две рукописи — «Некоторые вопросы из истории учений о стиле» и «Теория художественного стиля». Составитель книги А.А. Тахо-Годи в послесловии к ней отмечала, что теория стиля «в 70-е никаких издателей не интересовала»; исключением стали публикации в издании «Контекст — 1975» (1977) и публикации в Махачкале «филолога-энтузиаста» С.Н. Бройтмана (1982-1983); отдельные главы рукописи по вопросам истории учений о стиле при жизни философа были изданы в журнале «Литературная учеба» (1988) [7, с. 276].

Свой вклад в развитие теории стиля А.Ф. Лосев определил как «острое чувство /.../ в отношении своеобразия художественного стиля, особенно в сравнении с художественной формой вообще» [7, с. 166]. Однако содержание своих рукописей 1950-х — начала

1970-х годов А.Ф. Лосев считал весьма далеким «от каких бы то ни было претензий на окончательность» в решении проблемы художественного стиля, поскольку, по его мнению, «ни у кого нет достаточно определенной уверенности даже в самом составе соответствующей проблематики» [7, с. 171-172].

Размышляя над проблемами стиля в 1960-е годы, философ солидаризировался с В.В. Виноградовым, отмечавшим в книге «Проблема авторства и теория стилей» (1961), что «в области искусствознания, литературоведения и лингвистики трудно найти термин более многозначный и разноречивый — и соответствующее ему понятие — более зыбкое и субъективно-неопределенное, чем термин *стиль* и понятие *стиля*» [1, с. 7]. Приведенную А.Ф. Лосевым цитату из книги В.В. Виноградова можно продолжить: «И вместе с тем без понятия стиля не может обойтись ни одна история и теория искусства» [1, с. 7].

В рассмотрении теоретических вопросов художественного стиля философ ставил перед собой ряд задач. При постановке первой и важнейшей, состоящей в необходимости отграничить художественный стиль «от близких к нему искусствоведческих и литературоведческих категорий», А.Ф. Лосев выделил 26 позиций, охарактеризованных им как то, «что не есть художественный стиль». Исходные двенадцать позиций в свою очередь могут быть разделены на логические звенья. Рассмотрим их.

Начальным звеном является диалектическая триада: художественный стиль литературного произведения или предмета «не есть только чувственный образ», равно как «отвлеченная идея» или их соединение (п.п. 1-3). Под образом понимается «отражение чувственных идей в сознании», а под идеей «либо то, чем отличается одна вещь от другой, либо то, что является родовым понятием в отношении видовых единичностей» [7, с. 175, 176].

Во второй триаде утверждается, что художественный стиль предмета «не есть его содержание», равно как его форма или их слияние (п.п. 4-6). Содержание предмета по-

^{*} Этот закон А.Ф. Лосев рассмотрел также в книге «Музыка как предмет логики», опубликованной, как и книга «Диалектика художественной формы», в конце 1920-х годов [6].

нимается как «результат тождества предмета с ним же самим», форма — как «то, чем этот предмет отличается от всякого другого» [7, с. 178, 180]. В свете сказанного А.Ф. Лосев предупреждал о «неестественном расширении» термина «содержание» и одновременно выражал тревогу по поводу «опасной близости» терминов «форма» и «стиль». Логический смысл термина «форма» возникает лишь тогда, когда происходит сравнение одного предмета с другим. Стиль же «конечно, есть форма, но не только форма» [7, с. 177, 179, 181].

Третья триада гласит: художественный стиль предмета не есть «только и его художественный образ», равно как «его только художественная идея» или их соединение (п.п. 7-9). Действительно, «художественный образ предполагает для себя художественную идею» (так, художественные образы каждого из героев поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» являются воплощением художественной идеи «мертвых душ») [7, с. 181-182].

В четвертой триаде А.Ф. Лосев рассматривал художественный стиль с позиций того, что он «не есть всего только» художественное содержание произведения, равно как художественная форма и даже «просто только» их слияние (п.п. 10-12). В этой связи А.Ф. Лосев актуализировал вопрос об эстетическом и художественном, поскольку эти сущности и явления «весьма часто различаются в литературе очень плохо», в то время как «отграничение художественного стиля от эстетических категорий является важным и, пожалуй, даже завершительным пунктом всех вообще отграничений художественного стиля от близких к нему областей» [7, с. 183]. В более подробном рассмотрении эстетического и художественного (п.п. 13-14) философ исходил из того, что эстетическое — это «область выражения или выразительности», а «наука об этом выражении и есть эстетика» [7, с. 184]. Иными словами, эстетическое «никто и никогда намеренно не создавал»; художественное же — это произведение искусства, и «в нем эстетическое переживание воплощено и сконструировано при помощи тех или других материальных средств» [7, с. 185]. В силу

этого художественный стиль «является прежде всего материальным творчеством, намеренным созиданием» [7, с. 186].

Пятнадцатый пункт в логической цепи концепции А.Ф. Лосева направлен на искоренение представлений о стиле как о приеме. Это определение было дано в 1910-1920-е годы В.М. Жирмунским и оказало, по мнению А.Ф. Лосева, серьезное влияние на понимание данной категории в советской науке. Однако сам А.Ф. Лосев справедливо указывал, что В.М. Жирмунский писал «не просто о приеме или приемах, но об их “системе”», т. е. смотрел на прием как «на факт художественно-телеологический, определяемый своим заданием» [7, с. 189]. По сути, А.Ф. Лосев выступал против «опошления теории В.М. Жирмунского» и «невнимания к его подлинной концепции» [7, с. 188].

Действительно, в практике русской научно-формальной школы, «самым влиятельным покровителем» которой был, по версии В. Эрлиха, В.М. Жирмунский [12, с. 83], представлена позиция «искусство как прием» (восходящая к программной статье В.Б. Шкловского 1916 года с тем же названием). Однако в статье В.М. Жирмунского «К вопросу о “формальном методе”» (1923), из которой были выхвачены слова «стиль как прием», обнаруживаются и все отмеченные выше высказывания. Более того, В.М. Жирмунский подтвердил мысль о стиле как системе и незадолго до смерти — в немецком издании (1969) своей монографии «Байрон и Пушкин» (1919-1923), подчеркнув, что всегда рассматривал художественную форму как «систему средств, выражающих художественное содержание» [2, с. 9]. С этим же В.М. Жирмунский как лектор приходил и к своим студентам в 1945-1949 годах и на рубеже 1950-1960-х годов, настаивая на том, что стиль «связан не только с поэтическим языком, но со всеми сторонами поэтического произведения», что это «не случайная совокупность приемов, а взаимно обусловленная система» — «система, исторически обусловленная», что «стиль как система приемов является выражением /.../ какой-то исторической формы художественного сознания» и др. [3, с. 403-404].

В шестнадцатом и семнадцатом пунктах суждений А.Ф. Лосев обращается к понятиям и терминам «структура» и «модель», подтверждая те логические выкладки, которые были сделаны им в 1920-е годы [4, с. 91, 93 и др.]. Признавая терминологическое значение слова «структура» чрезвычайно продуктивным (и даже иронизируя по поводу «моды на структурализм»), А.Ф. Лосев, как и в анализе художественной формы, подчеркивал, что «структура предмета есть его единая цельность» ([7, с. 190-191]. К этой мысли философ возвращался в пункте 21 — при рассмотрении художественного стиля с позиций единичности / множественности). В рассмотрении же модели художественного стиля философ пошел дальше, чем в трудах о модели художественной формы. Подтверждая, что модель есть образец и в этом качестве она как оригинал будет противопоставлена копии, А.Ф. Лосев подчеркивал, что образцом художественного произведения является оно же само. Художественный стиль произведения является «результатом моделирования», он моделируется «самим же собой» [7, с. 193].

Важным для литературоведения и искусствознания является восемнадцатое звено в логической цепи ученого, в котором поставлена проблема «стиль и метод». А.Ф. Лосев задавался вопросом: «Возможен ли стиль без метода?» и отвечал: «Ни в коем случае невозможен», поскольку «стиль есть содержательное наполнение метода» [7, с. 194]. При обращении к классицизму, романтизму и другим художественным системам философ уточнял: «Что же касается термина “художественный метод”, то нам не остается ничего другого, как полностью отождествить его с художественным стилем» [7, с. 195].

В завершающих пунктах своих рассуждений философ сделал ряд существенных замечаний. В частности, он остановился на проблеме житетворческого характера стиля. Художественный стиль отличается подвижностью и динамизмом, что в то же время не отрицает существование неподвижных точек в процессе его становления. Иными словами, стиль — это «результат формооб-

разующей деятельности творческого сознания художника» [7, с. 196]. Рассуждая над афоризмом Ж. Бюффона «Стиль — это сам человек», А.Ф. Лосев актуализировал мысль о том, что стиль является индивидуальным достоянием, равно как и достоянием эпохи. Более того, художник «только для того и выбирает какой-нибудь стиль, чтобы наиболее полно, наиболее остро и наиболее творчески воздействовать на действительность» [7, с. 205-206].

Общим итогом при решении первой задачи, указывал А.Ф. Лосев, становится, таким образом, необходимость рассмотрения художественного стиля с учетом четырех его сторон: «доструктурной», «структурной с необходимым выходом за пределы структурности», «эстетически-художественной» и «идеологической» [7, с. 218].

Осуществляя достижение своей второй задачи, состоящей в стремлении наметить логическую структуру понятия стиля, философ отталкивался от «весьма напряженных споров» об этой категории, которым пророчил долгое будущее [7, с. 213]. А.Ф. Лосев писал, что «в художественном стиле структура находит свое подлинное значение только в связи с модельным строением художественного стиля», при этом «структурное строение художественного стиля моделирует собой такую сверхструктурную данность, которую часто даже бывает трудно формулировать для данного художественного произведения» [7, с. 216]. Философ высказывал опасение: «Гонимая за точным анализом художественного стиля, мы часто не замечаем того, что впадаем в излишний рационализм и излишним образом логируем и само произведение, и его стиль» [7, с. 217].

В своей системе аргументации философ указывал на «частичные термины», когда стиль называют «цельным», «богатым», «глубоким и экспрессивным» и проч. [7, с. 219]. Специфическим принципом художественного стиля А.Ф. Лосев назвал «принцип конструирования»: только в этом случае возникает «полнота и толща», а также «художественный потенциал» и историческая значимость

художественного произведения, поскольку «стиль выражает собою художественную мощь произведения» [7, с. 218-219].

Доказательная база А.Ф. Лосева основана на его позиции: «Логический анализ стилевых проблем и эмпирическое наблюдение стилевых фактов совершенно невозможны одно без другого» [7, с. 173]. В силу этого философ обратился к изучению моделей стиля в литературе. Так, среди моделей, почерпнутых художниками из неорганической природы, им выделены ее стихии (огонь, вода, воздух, земля), природные явления (буря, гроза, молния, гром), хаос и космос, отдельные свойства неорганической природы (цвет, звук, запах и др.). Среди моделей, взятых художниками из органической и неодушевленной природы, А.Ф. Лосев указал на растительный мир. Модели из мира «одушевленной, но дочеловеческой природы» представлены в образах животных. Модели из мира одушевленной и разумной природы выражаются в типах людей («естественный человек, байронический герой, «лишний человек» и др.), а также в определенных типах общественных и личных отношений (обломовщина, карамазовщина) и в мире вещей (шинель в повести Н.В. Гоголя). Среди моделей, взятых из области литературы, искусства и науки, А.Ф. Лосев выделил два типа: это «вечные» типы, переходящие от одной эпохи к другой (Прометей, Дон Жуан, Дон Кихот, Фауст и др.), и модели, синтезированные разными видами искусства («готический» роман, «музыкальный роман» в творчестве Р. Роллана).

Принципы, по которым модели могут быть классифицированы, предполагают ряд подходов в их рассмотрении. Так, онтологическая классификация предусматривает модели-мифы и сказочные модели. С жанровой точки зрения предполагаются модели родов и жанров. А.Ф. Лосев обращал особое внимание на законы структурно-композиционных моделей произведений. Наконец историческая классификация моделей ориентирована на модели Ренессанса, классицизма, сентиментализма, романтизма и др.

Органичной частью книги «Проблема исторического стиля» является опубликование

в ней рукописи «Некоторые вопросы из истории учений о стиле». Работа предваряется замечанием А.Ф. Лосева: история учений о стиле — «необозримая» [7, с. 3]. Являясь автором многотомной монографии, посвященной истории античной эстетики [5], обширного исследования «Эстетика Возрождения» [8], философ в данной книге начинает свой обзор учений о стиле с рассмотрения позиций Ж. Бюффона, И.И. Винкельмана, И.В. Гете и романтиков; уделяет особое внимание диалектическим представлениям о манере, стиле и оригинальности Г.В.Ф. Гегеля; касается реалистических, натуралистических, позитивистских и модернистских теорий стиля в западной эстетике.

Внимание А.Ф. Лосева направлено и на рассмотрение отечественных источников. Так, А.Ф. Лосев поддержал мысль А.В. Чичерина, утверждавшего, что «категория *стиля* писателя — не лингвистическая, а литературоведческая категория, потому что понятие *стиля* подразумевает единство слова и образа, образа и композиции, композиции и идей поэтического произведения. Изучение *стиля* невозможно без философского понимания единства содержания и формы, без связи с другими искусствами, без связи с эстетикой. Понятие *стиля* исторично» [11, с. 20]. Философ приветствовал то, что «вся терминология А.В. Чичерина требует признания такого принципа *стиля*, который мыслится уже *над* формой произведения, *над* его содержанием и даже *над* единством того и другого» [7, с. 228]. А.Ф. Лосев солидаризировался с А.В. Чичериным в понимании того, что «верное понимание *стиля*» предполагает умение «выскрывать характерные свойства словоупотребления, в частности, эпитеты, метафоры, показать связь этих микроорганизмов с особенностями синтаксического строя, в том и другом увидеть тот способ мышления, который создает образы, отсюда естественный переход к композиции /.../. Тогда в *стиле* обнаруживается живая мускулатура, добывающая и проясняющая идеи» [11, с. 51-52].

В рассмотрении отечественной научной литературы по вопросам художественного

стиля А.Ф. Лосев обращался к изданиям начала XX века, 1920-1960-х годов. Но этот обзор не носит фронтального характера. Так, русской школе научного формализма ОПО-ЯЗ посвящено менее одной страницы текста [11, с. 159-160]. И хотя А.Ф. Лосеву была известна, в частности, книга Г.Н. Пospelова «Проблемы литературного стиля» (1970), но ни разу философ не сослался на книгу А.Н. Соколова «Теория стиля» (1968), в которой были сформулированы получившие в то время развитие продуктивные идеи факторов и носителей стиля [10] и о которой П.А. Николаев отзывался как о значимой работе с «оригинальной» концепцией и выводами, которые «вносят много нового» в представления о категории стиля [9, с. 88].

Таким образом, работы А.Ф. Лосева, посвященные проблемам художественной формы и ее вершины — художественного стиля, являясь выдающимся вкладом в развитие научной мысли, выявили ряд основополагающих черт и характеристик стиля, среди которых наиболее значимы представления об исторической обусловленности стиля, о структуре произведения как «единораздельной цельности» и о принципе конструирования стиля. Сам «эйдический» путь размышлений философа, поэтапно осваивающий последовательно выстраиваемые категории, предусматривал важнейшие категориальные определения идеи, образа, содержания, формы, а также сущности эстетического и художественного.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. – М., 1961. – 613 с.
2. Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин / Отв. ред. М.П. Алексеев, Ю.Д. Левин. – Л., 1978. – 423 с.
3. Жирмунский В.М. Введение в литературоведение: Курс лекций / Под ред. З.И. Плавскина, В.В. Жирмунской. – СПб., 1996. – 440 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение / Сост. А.А. Тахо-Годи; общ. ред. А.А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. – М., 1995. – С. 5-296.
5. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. – М., 1992. – 656 с. [Этот последний 8-й том вышел посмертно].
6. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики // Лосев А.Ф. Из ранних произведений / Вступ. ст. А.А. Тахо-Годи и Л.А. Гоготишвили; отв. ред. А.А. Тахо-Годи; сост. и подготовка текста И.И. Маханькова; примеч. Л.А. Гоготишвили, М.М. Гаманюнова, И.И. Маханькова. – М., 1990. (Серия «Из истории отечественной философской мысли»). – С. 195-390.
7. Лосев А.Ф. Проблема художественного стиля / Сост. и автор послесл. А.А. Тахо-Годи. – Киев, 1994. – 286 с.
8. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. – М., 1982. – 624 с.
9. Николаев П.А. Теоретико-эстетическое исследование стиля // Вестник Московского университета. – 1969. – № 3. – С. 88-89.
10. Соколов А.Н. Теория стиля. – М., 1961. – 223 с.
11. Чичерин А.В. Идеи и стиль. – М., 1968. – 335 с.
12. Эрлих В. Русский формализм: История и теория / Пер. с англ. А.В. Глебовской, науч. ред. В.Н. Сажин. – СПб., 1996. (Серия «Современная западная русистика»). – 352 с.

УДК 82.0

Павлова И.Б.

*Институт мировой литературы
Российской академии наук (г. Москва)*

САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН И ЕГО СОВРЕМЕННОСТИ В ПОИСКАХ БЛАГА НАРОДА

I. Pavlova

*The Institute of the World Literature
of Russian Academy of Sciences*

SALTYKOV-SHCHEDRIN AND HIS CONTEMPORARIES IN THEIR SEARCHES OF THE COMMON PEOPLE'S GOOD

Аннотация. Мыслящие представители русского общества шестидесятых годов XIX в. напряженно размышляли о том, что дает научно-технический прогресс народу, какие факторы, экономические или духовные, играют решающую роль в изменении жизни масс. По этому поводу высказывались резко противоположные мнения Герценом и Печериным, Чернышевским и историком К.Н. Бестужевым-Рюминым, Писаревым. Достоевский был глубоко убежден, что материальное благосостояние не может стать главной целью человеческого существования. Произведения Салтыкова-Щедрина свидетельствуют: тяжелейшее экономическое положение русского крестьянства и ограниченность его сознания так тесно связаны, что отделить причины от следствий невозможно. Но сатирик вместе с другими писателями-реалистами донес до читателя всю сложность и драматизм проблемы и передал для разрешения последующим поколениям.

Ключевые слова: народные массы, материальное благосостояние, духовные факторы, сложность решения проблемы.

Abstract. The Russian intellectuals in 1860s ardently reflected on such questions as negative or positive effect of the scientific and technological advance for the working people, the role of the spiritual and economic factors in the transformation of the common people's lives. Herzen and Pecherine, Chernyshevsky, historian Bestuzhev-Rumin, Pisarev argued about this problem. Dostoevsky believed, that material welfare could not be the aim of human existence. The works of Saltykov-Shchedrin proved that misery situation of the Russian peasantry and its narrow-mindedness were connected so closely, that it was impossible to separate the reasons from the consequences. The satirist together with other writers-realists showed the complexity and drama of this problem to the following generations.

Key words: the common people, material welfare, spiritual factors, the complexity of the solution of the problem.

Салтыков-Щедрин считал служение народу великой миссией, той жизненной целью, которая может «наполнить собой все содержание человеческой мысли и деятельности» [5, т. VI, с. 341-342]. «Это истина, – писал он, – которую могут отрицать лишь очень ограниченные люди, не понимающие, что все общественные идеалы, как бы ни было велико их разнообразие, все-таки, в окончательном результате, сливаются и сосредоточиваются в одном великом понятии о народе, как о конечной цели всех стремлений и усилий, поработавшей себе даже те высшие представления о правде, добре и истине, которые успело выработать человечество. Системы самые нелепые и самые несправедливые – и те сознают это и не могут обойтись без того, чтобы не прикрывать свои нелепости и неправды мнимым служением интересам народа» [5, т. VI, с. 342]. Художника-сатирика глубоко волновала судьба многомиллионного крестьянства, освобождающегося от пут крепостного права. Мыслящие представители русского общества напряженно размышляли над тем, что скрывается в «таинственных глубинах» [5, т. IX, с. 245] народных, какова роль масс в истории, влияют ли они, хотя бы опосредованно,

на социальную, духовную жизнь России, как должны складываться отношения образованных и простых классов.

Начиная с шестидесятых годов XIX в. перед русскими писателями, публицистами, общественными деятелями, озабоченными судьбой народных масс, с особой остротой встал вопрос, не сводимый только к области филологии, социологии, политэкономии, – в какой связи находятся для беднейших слоев материальное и духовное, что дает цивилизация, прогресс народу. По этому поводу остро полемизировали в 1853 г. Герцен и В.С. Печерин. Герцен доказывал всемогущество научного знания в деле избавления человечества от страданий: «Наука если и не пересоздает государства, то и падает в самом деле с ним. Она – средство, память рода человеческого, она – победа над природой, освобождение. Невежество, одно невежество – причина пауперизма и рабства. Массы были оставлены своими воспитателями в животном состоянии. Наука, одна наука может теперь поправить это и дать им кусок хлеба и кров. Не пропагандой, а химией, а механикой, технологией, железными дорогами она может поправить мозг, который веками сжимали физически и нравственно» [2, т. XI, с. 399]. В.С. Печерин выступал против абсолютизации роли утилитарной науки, указывал на антигуманные последствия научно-технических достижений, их враждебность духовному началу. «Для вас, – обращался он к своему оппоненту, – наука – всё, альфа и омега. Не та обширная наука, которая обнимает все способности человека, видимое и невидимое, наука – так, как ее понимал мир до сих пор, но наука ограниченная, узкая, наука материальная, которая разбирает и рассекает вещество и ничего не знает, кроме его. Химия, механика, технология, пар, электричество, великая наука пить и есть, поклонение личности (*le culte de la personne*) <...>. Если эта наука восторжествует, горе нам! <...> А куда бежать от тиранства материальной цивилизации? <...> Вот что меня приводит в ужас, ибо где же найти убежище от тиранства материи, которая больше и больше овладевает всем?» [2, т. XI, с. 400]. В другом письме тому

же корреспонденту Герцен утверждал свою мысль образно: «И чего же бояться? Неужели шума колес, подвозящих хлеб насущный толпе голодной и полуодетой? <...> Я полагаю, что несправедливо бояться улучшения жизни масс потому, что производство этого улучшения *может* обеспокоить слух лиц, не желающих слышать ничего внешнего. Тут даже самоотвержения никто не просит, ни милости, ни жертвы. Если на торгу шумно, не торг перенести следует, а отойти от него. <...>

Вы видите, если вместо свободы торжествует антиматериальное начало и монархический принцип, тогда укажите *нам* место, где нас не то что не будут беспокоить, а где нас не будут вешать, жечь, сажать на кол, как это теперь отчасти делается в Риме и Милане, во Франции и России» [2, т. XI, с. 402].

Чернышевский считал, что залог процветания европейских народов в развитии научного знания, техники, экономики, под влиянием которых совершенствуются общественные институты. В подцензурной статье «О причинах падения Рима. Подражание Монтескье» (1861) он ясно дал понять, что России нужно двигаться в этом направлении. С критикой его позиции выступил историк К.Н. Бестужев-Рюмин в статье «Французские софизмы в параллель с русскими», посвященной разбору книги Э.П. Дюбуа-Гюшана «Тацит и его век или общество императорского Рима от Августа до Антонинов по отношению к современному нам обществу» и вышеупомянутой работы Чернышевского. Основная мысль автора заключается в том, что «мало одной материальной цивилизации, мало накормить народ, надо еще способствовать его развитию» [1, с. 122]. Выводы Чернышевского представляются К.Н. Бестужеву-Рюмину ошибочными, а статья вредной по своему воздействию на русское общество. Обращаясь к истории Рима, он доказывает, что преобладание материальных интересов в эпоху цезарей придало ей «тот грубый характер, которым она отличается» [1, с. 123]. Образованное большинство понимает важность духовного начала, но нет ничего удивительного в том, что вопрос о хлебе насущном столь

важен для беднейших классов. Социальные тенденции в современной ему Европе автор рецензии оценивает оптимистически. Массы пробуждаются, выступают на политическую арену, в обществе предпринимаются дружные усилия к их умственному и нравственному пробуждению. Обеспечение народа средствами к существованию и его просвещение должны быть взаимно связаны, такова позиция К.Н. Бестужева-Рюмина.

«Радикальный разночинец» Писарев в статье «Схоластика XIX века» (1861) поддержал Чернышевского: «Досуг и материальное довольство порождает цивилизацию, – писал он, – упрочьте экономический быт, обеспечьте материальную сторону, и народ скорее, чем вы думаете, примется читать и даже писать книги. А на голодный желудок как-то плохо действует книжное учение» [4, т. 2, с. 300]. Однако в статье «Реалисты», написанной три года спустя, трактовка вопроса критиком «Русского слова» усложняется. Он высказывает такой афоризм: «... мы бедны, потому что глупы, и мы глупы, потому что бедны. Змея кусает свой хвост и изображает собой эмблему вечности, из которой нет выхода. Шарль Фурье говорит совершенно справедливо, что главная сила всех бедствий современной цивилизации заключается в этом проклятом *cercle vicieux*» [4, т. 6, с. 224]. Фурье называл порочным кругом буржуазной цивилизации тот факт, что бедность рождается из самого изобилия. В качестве выхода из него он предлагал создание крупного производства, развитие науки и искусства, которые помогут покончить с бедностью и невежеством. Писарев относил французского социалиста-утописта к числу «истинных друзей человечества», глубоко сочувствовал его страстной вере в безграничные возможности разума и рационалистическому подходу к решению сложнейших проблем общественной жизни. Он полагал, что порочный круг может быть разрушен действиями законодательной власти, состоящими в том, чтобы увеличить количество продуктов, остающихся в руках производителя, и тем самым противодействовать нищете и дать работнику средства к развитию.

Вопрос о соотношении материального и духовного в жизни личности, отдельного народа и всего человечества привлекал пристальное внимание Достоевского. Сострада «бедным людям», рисуя пронзительные картины нищеты, писатель, однако, стоял на позиции главенства религиозно-нравственного начала. Художник-мыслитель основывался на Евангельском положении «не хлебом единым». Если обратиться к сцене насыщения пятью хлебами пяти тысяч алчущих, то она, как известно, завершается напоминанием о том, что радеть надо прежде всего о пище духовной. Таким образом, христианское учение не отвергает заботы о хлебе насущном, практических стремлений преодолеть нищету, удовлетворить потребность естества в пище, одежде, жилище, но при этом четко определяет иерархию ценностей: именно духовное придает достойный смысл и делает плодотворной деятельность людей. В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский указал на опасность поклонения буржуазному благосостоянию, торжествующему на Западе. Писатель горячо откликнулся на полемику Герцена и Печерина: в черновиках к «Подростку». ОН, будущий Версилов, говорит: «Телеги, подвозящие хлеб человечеству. Это великая идея, но второстепенная и только в данный момент великая. Ведь я знаю, что если я обращу камни в хлебы и накормлю человечество, человек тотчас же спросит: "Ну вот, я наелся; теперь что же делать?"» [3, т. XVI, с. 78]. Тот же смысл имеет высказывание в одном из поздних черновых вариантов исповеди Версилова: «Общество основывается на началах нравственных; на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы – ничего не основывается, и деятель надувает пока одних дураков» [3, т. XVI, с. 431]. В IV главе третьей части романа «Идиот» происходит спор действующих лиц о современной науке, развитии социально-экономических формаций. Один из героев высказывает мнение, что так называемый прогресс может быть не только благотворен, но и губителен для человечества. Казалось бы, поступательное движение цивилизации

может обеспечить всеобщую солидарность, равновесие интересов, но если общество не опирается на нравственные основы, то кроме удовлетворения личного эгоизма и материальных побуждений никаких других результатов не будет. В этом случае распределение благ может повести к тому, что часть людей будет их просто лишена. Спор Герцена с Печериным представлялся Достоевскому чрезвычайно актуальным. Но мнения обоих участников не исчерпывают для него сложности проблемы. «Железные дороги» – символ научно-технического прогресса в XIX в., «спешат, гремят, стучат и торопятся для счастья, говорят, человечества!» [3, т. VIII, с. 311]. «Слишком шумно и промышленно становится в человечестве, мало спокойствия духовного», – жалуется один удалившийся мыслитель. «Пусть, но стук колес, подвозящих хлеб голодному человечеству, может быть лучше спокойствия духовного», – отвечает ему победительно другой, разъезжающий повсеместно мыслитель, и уходит от него с тщеславием» [3, т. VIII, с. 311-312]. По убеждению Достоевского, правильный подход к этому вопросу невозможен для людей, разъединенных с национальной «почвой», с народной средой.

Салтыков-Щедрин широко развернул тему безотрадных судеб русского крестьянства в писавшемся параллельно «Истории одного города» цикле «Письма о провинции» (1868-1870). В «Письме шестом» сатирик упоминает о мрачных «пророчествах» консервативно настроенных представителей дворянско-помещичьего класса, «историографов», по поводу того, что Российское государство после отмены крепостного права может ожидать та же участь, что и Западную Римскую империю или Византию, погубивших самих себя. «Историографы» забывают, эзоповски говорит автор, что причиной краха Рима и Византии был натиск варваров, которые представляли собой начала, чуждые развитым цивилизациям, подразумевая многомиллионное крестьянство, прозябавшее в нищете и темноте, но потенциально представляющее собой такую силу, что институт рабства был сокрушен. Опасаясь высказать свое несогласие

с реформой прямо, ретрограды указывают как на пагубные следствия ее на поголовное пьянство, экономический спад вследствие запустения крестьянских хозяйств, нежелание трудиться, неуплаты податей, распад семьи, беспризорность детей. Нравственный уровень народа, по их мнению, стал настолько низок, что в России делается невозможным создание боеспособной армии.

Ламентации «историографов» побуждают автора цикла в свою очередь исследовать причины, почему же в народной среде царят отчаянная бедность, невежество, фаталистическое отношение к своей участи. Салтыков-Щедрин решительно не согласен с тем, что упразднение крепостного права породило подобные явления. Происходящее невозможно отнести и за счет каких-то особых свойств русского народа, его органических пороков. Но очевидно, что главное несчастье крестьянина заключается не только в материальной, но и в духовной нищете: «...невозможно ни на минуту усомниться, что русский мужик беден действительно, беден всеми видами бедности, какие только возможно себе представить, и – что всего хуже – беден сознанием этой бедности» [5, т. VII, с. 248]. Автор высказывает горькие суждения о состоянии народных масс, мышление и чувства которых изуродованы нуждой и бесправием. В то же время несправедливо и негуманно, по его убеждению, осуждать человека, на жизнь которого самое ничтожное обстоятельство влияет так решительно, что сразу парализует в нем волю и энергию. Крестьянство фаталистически осуждено сосредоточиться лишь на добывании средств к существованию. Для него нет свободы, а только необходимость. Салтыков-Щедрин считает, что люди смогут думать о пище духовной, когда будет побеждена материальная нужда. Однако на пути решения этой задачи стоят трудности почти непреодолимые: «Человек массы мало того, что страдает: он, сверх того, имеет самое слабое сознание этого страдания; он смотрит на него как на прирожденный грех, с которым не остается ничего другого делать, как только нести его, насколько хватит сил» [5, т. VII,

с. 249-250]. Представителям обеспеченных классов трудно даже представить себе то убожество, в котором живут беднейшие слои. Если в них возбуждают негодование их недостатки: легковерие, одичалость, склонность к насилию, то осуждение невольно замирает, когда они погружаются в ту затхлую атмосферу, которой дышит народ. На примере несчастья крестьянской семьи, лишившейся кормильца, автор предсказывает ее будущую горькую участь и подчеркивает равнодушие к беде вдовы и сирот «мира», общины, идеализации которой Салтыков-Щедрин был всегда чужд. Признавая, что все изображенное им выглядит жестоким, диким, сатирик находит этому одно объяснение: дядя Митяй и дядя Миняй (обобщенный образ мужика) равны перед бедой, которая может в любой момент обрушиться на каждого из них, – отсюда безразличие и пассивность. Действительность никогда не способствовала пробуждению самосознания в народе, хотя Салтыков-Щедрин не отрицал как таковую просветительскую деятельность представителей образованных слоев, роль «пропагандистов-образователей». Обоюдно печально участь России и простого труженика, который представляется автору цикла «не более, как крайним полюсом той безграничной голой степи, на которой история не бросила ни одного этапа, ни одного освещающего путь маяка...» [5, т. VII, с. 252].

Салтыков-Щедрин признавал, что неразвитость крестьянских масс поистине пугающая: «Итак, оказывается, что, несмотря на вековечное существование, масса успела воспитать в себе только раболопное тяготение к силе да еще бессознательно равнодушное отношение не только к общим интересам, но даже и к тем, которые ближайшим образом затрагивают ее собственную жизнь» [5, т. VII, с. 253]. Параллельно с этими рассуждениями Салтыков-Щедрин высказывает мысль, что, если бы русский мужик сознавал свою бедность, его дело было бы наполовину выиграно, и главные причины экономического неустройства, случайность, произвол устранились бы сами собою. Для разрешения этой проблемы нужны идеалы, которые найдут

отклик в народной душе. Но в современной действительности они не вырабатываются. Возникает своего рода порочный круг, ответ на вопрос найти невозможно.

Однако, несмотря на удручающие наблюдения, автор цикла «Письма о провинции» обращает внимание читателя на такое, казалось бы, парадоксальное явление: существование образованных классов неразрывно связано с грубой, забитой и подчас жестокой толпой. Великий мыслитель отдает ей, может быть неосознанно, лучшую часть своей деятельности. Это объясняется, по мнению Салтыкова-Щедрина, «тою общечеловеческою основой, которая именно и составляет соединительное звено между неразвитою толпою и наиболее развитою человеческою личностью» [5, т. VII, с. 254]. Как бы подтверждая эту мысль сатирика, Достоевский заносит в «Дневник писателя» за февраль 1876 года следующее наблюдение, относящееся к области литературы: «...всё, что в ней есть истинно прекрасного, то всё взято из народа, начиная с смиренного, простодушного типа Белкина, созданного Пушкиным» [3, т. XXII, с. 43]. Наши писатели заимствовали у народа его «простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие, в противоположность всему изломанному, фальшивому, наносному и рабски заимствованному. Не дивитесь, что я заговорил вдруг об русской литературе. Но за литературой нашей именно та заслуга, что она, почти вся целиком, в лучших представителях своих и прежде всей нашей интеллигенции, заметьте себе это, преклонилась перед правдой народной, признала идеалы народные за действительно прекрасные» [3, т. XXII, с. 44].

Салтыков-Щедрин критически относился к апологии смирения и терпения, не раз говорил о фатализме, присущем народному сознанию. Но чувства несчастной крестьянки, потерявшей кормильца, переданы им проникновенно. Они свидетельствуют о ее духовно-нравственной высоте, способности без ропота принимать несчастье: «– А что делать! – ответит она: – стану бумагу мотать, а ребятку по миру посылать буду!.. – И в гла-

зах ее не блеснет ни злобы, ни негодования, с языка ее не сорвется ни одной жалобы на этих дядей Митяев, которые оставляют ее беспомощною...» [5, т. VII, с. 251].

В то же время Салтыковым-Щедриным был создан художественный тип «чумазого» – представителя простого народа, достигшего материального благополучия. Это буржуазные хищники, наделенные писателем «говорящими» фамилиями, Дерунов, Разуваев, Колупаев и др., которых отличает страсть к стяжательству, алчность, неразборчивость в средствах, аморализм, глубокое невежество, отсутствие гражданских чувств. Внешнее благообразие оказывается в вопиющем противоречии с их сущностью. Так например, Осип Дерунов, герой цикла «Благонамеренные речи» (1872-1876), представляется «столпом» общества, но на поверку оказывается, что он не может считаться таковым: «Он не столп относительно собственности, ибо признает священною только лично ему принадлежащую собственность. Он не столп относительно семейного союза, ибо снохач. Наконец, он не может быть столпом относительно союза государственного, ибо не знает даже географических границ русского государства...» [5, т. XI, с. 121-122].

Писатель-сатирик ставит в своем произведении сложнейшие социальные, этические проблемы, которые заведомо неразрешимы в данный исторический период в такой стране, как Россия: что является первопричиной тяжелого положения народа, какова роль масс в истории, могут ли они из пассивно-страдательной силы превратиться в разумную.

Скептицизм не вытесняет у Салтыкова-Щедрина просветительских надежд, но он все сильнее окрашивает его последующие произведения, посвященные положению народа. Так, в цикле «За рубежом» (1880-1881) сатирик размышляет о безотрадных периодах (подразумевая в первую очередь современность), когда люди, задавленные «вечной работой», изнемогающие под игом тьмы, копошащиеся на гноище в проказе, теряют веру в возможность лучшей участи и в бескорыстную помощь. Преисполненные утрюмостью и

недоверием, они упорствуют в желании оставаться в темноте, мучиться своими недугами. Существует ли конкретный способ рассеять тьму? Мысли автора, высказанные по этому поводу, отличаются мрачной тональностью. Трудящиеся доведены до такого положения, что в них действует лишь инстинкт, грубо материальная потребность: «жрать!» [5, т. XIV, с. 228]. Тем самым они оказываются вне культуры, цивилизации, враждебны ей. Представителям образованных классов, стремящимся слиться с простым народом, не остается ничего иного, как выбрать проказу, лечь в навоз, есть хлеб, сдобренный лебедой, одеть рваный пониток и сжечь книгу – риторический прием, подчеркивающий нереальность подобного акта.

Салтыков-Щедрин считал, что стремление масс добиться благосостояния вполне естественно прежде всего потому, что дает возможность жить. И хотя господствующие классы видят в материальных запросах «неосновательность и неразумие» Иванушек, их примитивность, но только тогда, когда массы перестанут испытывать нужду, изменятся условия их труда, можно ожидать пробуждения человеческого достоинства, духовных стремлений. Возможность удовлетворить насущные потребности дает человеку чувство независимости. «Довольством материальным, – писал он в статье «Стихотворения Кольцова», обеспечивается довольство духовное» [5, т. V, с. 19]. В то же время в «Письмах о провинции» сатирик настойчиво повторял, как важно развитие народного самосознания. Несомненно, в такой позиции была своя правда. Вопрос о приоритете материального или духовного остался открытым. Но Салтыков-Щедрин, подобно Достоевскому, Герцену, Чернышевскому, Писареву, Толстому и многим другим русским мыслителям и художникам, донес до читателей его драматизм, сложность и передал для разрешения последующим поколениям.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бестужев-Рюмин К.Н. Французские софизмы в параллель с русскими. Э.П. Дюбуа-Гюшан. Тацит и его век, или общество императорского Рима от Августа до Антонинов по отношению к совре-

- менному обществу. Н.Г. Чернышевский. О причинах падения Рима. Подражание Монтескьё // Отечественные записки. – 1861. – № 8. – Отд.: Критика. – С. 109-124.
2. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. – М.: Художественная литература, 1954-1966.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. – Л.: Наука, 1972-1990.
4. Писарев Д.И. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. – М.: Наука, 2000-продолжающееся.
5. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: В 20 т. – М.: Художественная литература, 1965-1977.

Публикации аспирантов

УДК 8Р1.161.1.09

Сотова Т.О.

Московский государственный областной университет

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ЭПОСА О ГИЛЬГАМЕШЕ Н.С. ГУМИЛЕВА В СООТНЕСЕНИИ С ЕГО ПОЭТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ

T. Sotova

Moscow Regional State University

ADAPTATION OF EPIC ABOUT GILGAMESH BY N. GUMILEV IN CORRELATION WITH ITS POETIC CONCEPT THE HUMAN PERSONALITY

Аннотация. В статье уделяется внимание интересу Н.С. Гумилева к культурам Востока, а также древним и первобытным культурам.

Основное место занимает анализ поэмы Н. С. Гумилева «Гильгамеш» – поэтического перевода французского переложения вавилонского эпоса о Гильгамеше. Поэма рассматривается с точки зрения выражения авторской концепции человеческой личности, смысла ее бытия и места в системе мироздания. Проводится параллель с оригинальным поэтическим творчеством Гумилева, с его стихотворениями, в которых выявляется авторская концепция человеческой личности и проясняется мировоззрение поэта в последние годы жизни.

Ключевые слова: Бессмертие, герой, Древний Мир, культура, образ, человечество, эпос.

Abstract. The attention in the article is paid to N. Gumilev's interest to cultures of the East, and also to ancient and primitive cultures. The article is devoted the analysis of a poem "Gilgamesh" by N. Gumilev, the translation of the French adaptation of the Babylon epic about Gilgamesh. The poem is considered from the point of view of expression of the author's concept of the human personality, sense of its life and a place in the universe. The parallel with Gumilev's poetic creativity is drawn. The analysis of poems also reveals the author's concept of the human personality and clarifies the poet's outlook in his last years of life.

Key words: immortality, the hero, the Ancient World, culture, an image, mankind, epic.

Интерес Гумилева к наследию Древнего Мира замечен уже в раннем творчестве. Ярким примером может служить (возникший не без влияния Ницше) образ Заратустры («Песнь Заратустры») в книге стихов «Путь конквистадоров». В 1906 году, будучи в Париже, Гумилев посетил выставку работ Гогена, художника, который искал в первобытных культурах пути к новому видению в искусстве. В следующем году в Париже выставлялись картины Николая Рериха. Впечатлениям от двух этих выставок поэт посвятил заметку «Выставка нового русского искусства в Париже», которая была опубликована в журнале «Весы» в 1907 году. На Гумилева произвело сильное впечатление «духовное родство» русского и французского художников, и то, что «оба они полюбили мир первобытных людей» [2, с. 87–88.]. Там же, в Париже, Гумилев

приобрел свой многолетний интерес к африканской культуре. Примитивное искусство племен черного континента было в ту пору предметом увлечения многих представителей французской интеллектуальной элиты. Так, двое знакомых Гумилева, художник Модильяни и поэт Гийом Аполлинер, были серьезно увлечены африканской скульптурой, а первый даже собрал коллекцию.

Античные мотивы заявили о себе уже во второй книге «Романтические цветы», изданной в 1908 году в Париже. Практически все критики, откликнувшиеся на новый сборник (Петр Пильский, Андрей Левинсон, Виктор Гофман), признавая за автором определенные поэтические способности и художественный вкус, упрекали его в «эклектичности и подражательности» (Левинсон) [6, с. 202], «излишней изукрашенности» стиха (Пильский) [6, с. 210], в «отсутствии настоящей лирики» (Гофман) [6, с. 214].

Благожелательный отзыв на «Романтические цветы» принадлежал Иннокентию Анненскому. Отмечая, подобно другим рецензентам, подражание Гумилева поэзии французских декадентов и «деланность» [6, с. 104] его стиха, Анненский не ставил их в упрек автору. Рецензенту импонировала своеобразная, с налетом упадничества, красота поэтических образов, умение вдохнуть жизнь в литературные штампы, в чем учитель увидел свидетельство таланта молодого поэта. Своеобразную упадническую красоту отметил критик и в античных образах лирической книги. Он писал: «Днем черты экзотической царицы кажутся у спящей точно смятыми, да и у мага по лицу бродят синеватые тени. Но вчера в *safe-concert* они оба были положительно красивы, размалеванные» [6, с. 105]; «Никакого тут нет ни древнего востока, ни тысячелетнего тумана: бульвар, бес Аугер, кусок еще влажного от дождя асфальта перед кафе — вот и вся декорация «ассирийского романа» [6, с. 105].

В маленькой критической заметке Анненского есть важные для постижения лирики Гумилева заключения: «<...>Я рад, что романтические цветы — деланные, потому что

поэзия живых... умерла давно. И возродится ли?» [6, с. 105]. «Сам Н. Гумилев чутко следит за ритмами своих впечатлений, и лиризм умеет подчинять замыслу, а, кроме того, и что особенно важно, он любит культуру и не боится буржуазного привкуса красоты» [6, с. 105]. Для Анненского очевидно, что Гумилеву удалось почувствовать и передать атмосферу своей эпохи с характерным для нее кризисом культуры и переоценкой ценностей. Здесь вполне уместен вопрос: не было ли обращение к образам далекого прошлого, увлечение экзотикой попыткой уберечь, сохранить и обновить гибнущую культуру хотя бы в своем творчестве?

Со временем интерес к античности у Гумилева несколько ослабевает, но богатство культуры и мифологии Древнего Мира по-прежнему сохраняет свое значение для поэта. Если в первом из перечисленных сборников античные образы отмечены печатью декаданса (Клеопатра, Помпей, Каракалла, основатели Рима Ромул и Рем), то в последующих на первый план выдвинуты героические персонажи, олицетворяющие бесстрашие перед опасностью и мужество пред лицом судьбы (воин Агамемнон, Одиссей).

Предположительно в 1918 г. интерес Гумилева привлек древний шумеро-аккадский эпос о Гильгамеше. Знакомством с этой древнейшей в мировой истории эпической поэмой (почти на тысячу лет старше «Илиады») поэт, очевидно, был обязан ассириологу В.К. Шилейко, работавшему в тот период над ее художественным переводом на русский язык. Задавшись целью создать свое поэтическое переложение поэмы, Гумилев обратился к французскому переводу Э. Дорма (1907). Пользовался поэт и указаниями Шилейко, работавшего с несколькими дошедшими до наших дней древними редакциями эпоса, и, главным образом, с позднейшей (а также наиболее полной и удачно сохранившейся) «ниневийской» редакцией (VII в. до н. э.) [8, с. 184–194]. Поэтическое переложение Гумилева увидело свет в 1919 г. и было снабжено предисловием самого поэта и введением, написанным Шилейко.

В приобщении к достижениям мировой культуры, к прошлому человечества Гумилевым движет не только ностальгия по «уходящей культуре», не только желание сохранить ее свет в своем творчестве, но и стремление найти вечный изначальный идеал, нравственную основу, способную послужить человеку опорой в быстро изменяющемся мире. В этой связи интерес поэта к древнему Междуречью, одному из очагов мировой культуры, к эпохе детства человечества, когда люди были менее испорчены цивилизацией, кажется закономерным.

Почти сорок лет спустя специалист-исследователь и переводчик эпоса о Гильгамеше И.М. Дьяконов писал, что «принятый Дормом, а за ним Н.С. Гумилевым порядок фрагментов во многих частях ошибочен и досочиненные переводчиком части дают часто совершенно превратное понятие о содержании поэмы» [7, с. 329]. Упоминает Дьяконов и о том, что В.К. Шилейко в 1920-х годах также создал поэтический перевод поэмы, «для своего времени очень точный, но, к сожалению, рукопись его была утеряна» [7, с. 329].

Стоит обратить внимание на то, что сам Гумилев не планировал создание фундаментального труда, обладающего качествами исторической достоверности. Об этом он упоминает в «Предисловии переводчика»: «Не будучи ассириологом, я не задавался целью дать перевод, который имел бы научное значение» [3, с. 181]. Вольность в обращении с первоисточником состояла в том, что Гумилев позволил себе домыслить недостающие части строк и заполнить некоторые лакуны в тексте, а также изъять характерные для древневосточной поэзии многочисленные повторы. Однако при этом поэт стремился придерживаться стихотворного размера подлинника. Свою задачу Гумилев видел в том, чтобы сделать древний текст доступным широкому кругу читателей («Я полагаю, что вправе применить указанные выше приемы, потому что изумительно прекрасная поэма о Гильгамеше должна стать достоянием всех, а не только узких специалистов») [3, с. 181-182].

Заслуживает внимания и само предание о Гильгамеше, царе шумерского города Урука.

По мнению исследователей, Гильгамеш (Бильгемес или Бильгамес) мог быть исторической личностью – жрецом и военным правителем Урука, жившим между 2800 и 2700 годами до Рождества Христова. Судя по письменным источникам, дошедшим от начала II тысячелетия до н. э., исторический прототип легендарного героя действительно совершил немало выдающихся дел. Путем объединения нескольких общин ему удалось превратить Урук в мощный и укрепленный город-государство. Кроме того, согласно одному из древнейших преданий, Гильгамеш одержал победу над царем города Киша, которому прежние правители Урука должны были выплачивать дань. Царь Урука был незаурядной личностью не только в глазах современников, но и последующих поколений. Его имя было окружено множеством легенд, и даже когда историческая память о нем померкла, Гильгамеш продолжал жить в мифах и сказаниях, где предстал в облике божественного героя или божества, защищающего от демонов [7, с. 289-297]. Больше тысячелетия сказания о Гильгамеше существовали, главным образом, в устной традиции. Наиболее популярные из них сложились со временем в поэму, дошедшую до нас в нескольких вариантах. Древнейший ее список относится ко времени 1-й вавилонской династии (XXI-XX вв. до н. э.), но наиболее полной и интересной считается «ниневийская» или «ассирийская» редакция (VII в. до н. э.), названная по месту находки – при раскопках в Ниневии (в библиотеке ассирийского царя Ашурбанипала). Именно с этим, позднейшим вариантом поэмы, переведенным на французский, и работал Гумилев.

Нельзя не согласиться с И.М. Дьяконовым, что эпос о Гильгамеше – не вполне типичное произведение для литературы Древнего Востока. Поэма о Гильгамеше – это рассказ о судьбе человека, а может быть, и человечества в целом [7, с. 317-324]. Неизвестный автор поэмы ставил ряд философских вопросов: о месте человека в системе мироздания, о смысле жизни, о смерти и бессмертии.

Особенными чертами наделен характер главного героя – Гильгамеша, чертами привлекательными для Гумилева. Правителя Урука отличает не только богатырская сила и государственная мудрость, но и весьма независимый и гордый нрав, выражающийся отчасти и в не слишком почтительном отношении к богам (особенно заметно это в эпизоде с богиней Иштар). Подобное поведение можно было бы объяснить тем, что в жилах героя течет божественная кровь («Божество он двумя третями, человек лишь одною» [1, с. 196]), но на протяжении поэмы неоднократно подчеркивается принадлежность Гильгамеша именно к роду человеческому. Главный признак его «человечности» – смертность, одна мысль о которой способна повергнуть Гильгамеша в панический ужас. Но страх смерти не всегда преследовал царя Урука. Поначалу он искал выход переполнявшей его незаурядной энергии: проводил время в пирях и развлечениях, от чего страдали люди, которыми он правил: «Но не знает он равных в искусстве мученья / Тех людей, что его доверены власти. / Гильгамеш, не оставит он матери сына, / Не оставит он жениху невесты, / Дочери герою, супругу мужу, / Днем и ночью он пирует с ними, / Он, кому доверен Урук блаженный...» [1, с. 196]).

Далее в поэме речь идет о событиях, которым было суждено изменить характер и судьбу героя: по воле богов он обрел товарища, равного себе по силе, – дикаря Эабани. Дружба с диким, но добрым Эабани меняет отношение к жизни и самого Гильгамеша: он вознамерился направить свои силы на борьбу с царящим в мире злом и тем самым «до дней отдаленных сохранить свое имя» [1, с. 212]. Вместе с другом Гильгамеш отправился в горы Ливана с тем, чтобы убить гигантского вепря Хумбабу, «хранителя кедров», а уже после смерти Эабани (наказанного богами за убийство священного вепря), познав ужас смерти, посетил царство мертвых, чтобы узнать секрет вечной жизни.

Образ Гильгамеша в гумилевском переложении интересен уже тем, что дан в динамике. Подобная ситуация не характерна для большинства известных мировой культуре

эпосов, где персонажи традиционно предстают как статичные фигуры. Превращение правителя Урука из необузданного юноши в отважного героя – тема, близкая Гумилеву, ставшему георгиевским кавалером в годы войны. И даже движимый в своей дальнейшей деятельности вполне эгоистическими мотивами (жаждой славы и физического бессмертия), Гильгамеш всё равно продолжает вызывать симпатию. Его упорство, неуклонное стремление к осуществлению своей мечты (пусть даже вопреки воле богов), жажда познать неизведанное делают характер героя древнего предания удивительно живым и человеческим. Гумилев, вслед за автором древнего текста, подчеркивает именно эту жажду неизведанного, заложенную в каждом человеке и во всем человечестве. Именно эта жажда, наряду со страхом перед неизбежной смертью и желанием самоутвердиться, оставить свой след на земле, была на протяжении тысячелетий главным источником творческой энергии. Эти устремления сближают персонаж вавилонского эпоса с героями стихотворений и поэм Гумилева: «конквистадором в железном панцире», странствующим «по пропастям и безднам» в поисках таинственной звезды («Путь конквистадоров») [4, с. 71], скитальцем-викингом («Зачарованный викинг, я шел по земле...») [4, с. 83], «безумным охотником», который «В пьяном счастье, в тоске безотчетной / Прямо в солнце пускает стрелу» («Девушке») [5, с. 256]. Роднит Гильгамеша с героем гумилевской лирики и тоска о друге, с которым можно было бы разделить все радости и невзгоды («Товарищ» («Жемчуга»), «Тот другой» («Чужое небо»)) («Я жду товарища, от Бога / В веках дарованного мне / За то, что я томился много / По вышине и тишине» («Тот другой» [4, с. 191])).

Образ путешественника, искателя приключений, проходит через всё творчество Гумилева. Всегда под этой маской скрывается неудержимое стремление к неведомому, неудовлетворенность рамками земного бытия. Показательно в этом смысле сравнение отрывка из «Гильгамеша» и стихотворения Гумилева «Разговор». В Таблице десятой поэмы о «Гиль-

гамеше» повествуется о том, как герой, отправившись на поиски мудреца Ут-напиштира, обладающего секретом бессмертия, встречает корчмарку богов Сидури. У нее, обитающей на границе мира живых и Царства мертвых, Гильгамеш пытается выяснить дальнейший путь. Сидури убеждает его, что путь в Мир мертвых не под силу никому из смертных. В качестве утешения богиня предлагает Гильгамешу вернуться домой и провести остаток жизни в веселье и удовольствиях:

*Бессмертья, которого хочешь, ты не отыщешь!
Когда род людской создавали боги,
Смерть они приказали роду людскому
И в своих руках жизнь сохранили.
Ты, Гильгамеш, наполняй свой желудок,
Забавляйся ты и днем, и ночью,
Каждый день устраивай праздник,
Каждый день будь доволен и весел,
Пусть твои одеяния будут пышны,
Голова умащена, омывто тело,
Любуйся ребенком, твою хватающим руку,
Пусть к твоей груди припадает супруга!»*
[1, с. 234]

Так, по мнению богини, надлежит поступать человеку, и только так можно на время забыть о предстоящей смерти, неизбежность которой предначертана свыше. Но Гильгамеша, когда-то проводившего юность в пиррах и развлечениях, подобная перспектива уже не устраивает. Похожая ситуация описывается в гумилевском стихотворении «Разговор». Здесь душа и тело ведут между собой диалог, сопровождаемый забавной зарисовкой: тело «тащится вослед» [5, с. 206] душе, которая, охваченная жаждой чего-то неизвестного, периодически покидает привычную оболочку. Те слова, которыми тело увещевает беглянку, напоминают наставление богини Сидури из «Гильгамеша»: «Как хорошо теперь сидеть в кафе счастливым, / Где над людской толпой потрескивает газ, / И слушать, светлое потягивая пиво, / Как женщина поет «La p'tite Tonkinoise» [5, с. 206]. Тело говорит о бессмысленности всех духовных исканий и о той

участи, которая неизбежно ожидает любого из людей: «Пускай ушей и глаз навек сомкнутся двери, / И пусть истлеет мозг, предавшийся врагу, / А после станешь ты растением или зверем... / Знай, иначе помочь тебе я не могу» [5, с. 207]. Однако душа продолжает свой путь к «несуществующим, но золотым полям» [5, с. 206], подобно Гильгамешу, который, невзирая на все предупреждения, стремится отыскать секрет вечной жизни. За эгоистичными, на первый взгляд, стремлениями древнего героя к славе и бессмертию таится вечная жажда человечества преодолевать узкие рамки земного бытия.

По сюжету поэмы Гильгамеш в поисках бессмертия терпит фиаско. Тем не менее, финал изложенного Гумилевым предания, несмотря на весь трагизм, не выглядит безнадежным. По возвращении в родной город царь Урука, обращаясь к лодочнику Ут-напиштира Ур-Эа, говорит о том, что намерен воздвигнуть на месте старых крепостных стен новые, более мощные, и тем остаться в памяти потомков. Нужно упомянуть, что обитатели древнего Междуречья не имели в своей религии представления о рае, и Царство мертвых виделось им мрачным и унылым местом. Среди возможностей облегчить свою участь в загробной жизни выделялись две: многочисленное мужское потомство или оставленная героическими деяниями память среди последующих поколений. Жертвоприношения, осуществляемые потомками или просто чтящими имя усопшего людьми, должны обеспечить комфортное пребывание души в мире мертвых, а надежда на память в веках избавляла земную жизнь от бессмысленности [7, с. 279].

Возвращаясь к сопоставлению «Гильгамеша» со стихотворениями Гумилева, мы видим, что все приведенные выше поэтические тексты создавались задолго до знакомства с вавилонским эпосом. В древней поэме Гумилев, судя по всему, обнаружил близкое ему мироощущение, и именно это, прежде всего, делало ее в глазах будущего переводчика «изумительно прекрасной» и достойной широкого круга читателей.

Поздние книги стихов «Костер» и «Огненный столп» в ещё более глубоких и ярких поэтических образах и картинах передают авторскую философию героической личности. Именно в спокойном мужестве пред лицом опасности, в умении с достоинством принимать неизбежность судьбы, в жажде неведомого, свойственного человеческому духу, в стремлении преобразовать мир и оставить в нем след поэт видел вечный идеал, духовную основу, способную служить опорой человечеству в любую, даже самую трагическую эпоху.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гильгамеш. Перевод Николая Гумилева // Эпос о Гильгамеше. Сказание о всё издавшем. – М.: Эксмо, 2005. – С. 195-253.
2. Гумилёв Н.С. Выставка нового русского искусства в Париже // «Весы». – 1907. – № 11. – С. 87-88.
3. Гумилёв Н.С. Предисловие переводчика / Эпос о Гильгамеше. Сказание о всё издавшем. – М.: Эксмо, 2005. – С. 181-182.
4. Гумилёв Н.С. Собрание сочинений: В 3 т. Т.1. Стихотворения. Поэмы, 1905–1916. – М.: Олма-Пресс, 2000. – 510 с.
5. Гумилёв Н.С. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2: Стихотворения. Поэмы, 1917–1921. – М.: Олма-Пресс, 2000. – 446 с.
6. Гумилёв Н.С.: PRO ET CONTRA: Личность и творчество Николая Гумилёва в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология / [Подгот.: Ю. Зобнин]. – СПб.: Изд-во Рус. Христ. гуманитар. ин-та, 2000. – 620 с.
7. Дьяконов И.М. Эпос о Гильгамеше // Эпос о Гильгамеше. Сказание о всё издавшем. – М.: Эксмо, 2005. – С. 263-329.
8. Шилейко В.К. Введение // Эпос о Гильгамеше. Сказание о всё издавшем. – М.: Эксмо, 2005. – С. 184–194.

УДК 82–14

Сулемина О.В.

Воронежский государственный университет

«СТРАШНОЕ» И СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЛИЦЕЙСКОЙ ЛИРИКИ ПУШКИНА

O. Sulemina

Voronezh State University

«TERRIBLE» AND SUBJECTIVE ORGANIZATION OF PUSHKIN'S LYCEUM LYRICS

Аннотация. В статье предпринимается попытка проследить взаимосвязь категории «страшного» с субъективным строем пушкинской лирики лицейского периода. Задача работы состоит в рассмотрении субъектных ролей как выражения авторского поведения Пушкина и выявлении функций «агентов» страшного при формировании лирического «Я». При этом выясняется, что «агенты» «страшного» значительно различаются для лирического «Я» и остальных персонажей, что указывает на особое место и статус лирического субъекта. «Страшное» из мира реального не беспокоит поэта, а если и беспокоит, то в литературном ракурсе (например, «война» как опасность для героев, «война» как предмет описания для поэта). Опасно для поэта то, что лишает его возможности творить и уравнивает с обычными людьми, отдаляя от «высшего» призвания.

Ключевые слова: лирика Пушкина; страшное; творчество; смерть; судьба; лирический субъект.

Abstract. This article attempts to trace the relationship between the category of «Terrible» with the subjective formation of Pushkin's lyceum lyrics. The aim of our research is to examine subjective roles as an expression of the author's behavior and to identify features of «agents of terrible» in the formation of lyrical character. It turns out that the «agents of terrible» are different for the lyrical character and the other characters, which indicates the special position and status of the poet. The «Terrible» from the real world does not disturb the poet, or concerns him only from the literary perspective (e.g. «war» as danger to characters and «war» as the object of poet's description). Dangerous for the poet is something that stops him from creating and makes him equal with ordinary people, distancing from the higher calling.

Key words: Pushkin's lyrics; «terrible»; creativity; death; destiny; lyrical character.

Лицейское творчество А.С. Пушкина традиционно считается ученическим (о чем говорили в своих трудах Ю.М. Лотман, Б.В. Томашевский, Д.Д. Благой и др.): это период становления его лирического «Я». Выделяя определенный набор мотивов и тем, интересующих поэта, можно проследить, как в них отражаются некоторые аспекты его авторского поведения [13, с. 4-8]. В данной работе мы попытаемся контурно прочертить особенности бытования «страшного» в лицейской лирике Пушкина.

Категория «страшного» избрана нами, поскольку она занимает важное место в пространстве пушкинской лирики исследуемого периода. Страх, несмотря на природу его возникновения, непременно изменяет состояние объекта своего воздействия, тем самым проявляя его сущностные черты. С нашей точки зрения, исследование «страшного» как категории, оказывающей влияние на самоопределение личности, позволяет выявить значимые для первого периода творчества особенности пушкинского лирического «Я».

Наиболее значимой характеристикой «страшного» в поэтической реальности Пушкина для нас стали его «агенты» (т. е. предметы, существа, явления, его вызывающие), поскольку они значительно различаются для лирического «Я» и остальных персонажей, что указывает

© Сулемина О.В., 2011.

Статья публикуется в рамках проекта 2.1.3/12071 «Универсалии русской литературы (XVIII - начала XX вв.)», поддержанного грантом Министерства образования и науки РФ.

на особое место и статус лирического субъекта. Сначала скажем об «агентах» страха, значимых для героев пушкинской лирики. Они довольно традиционны и их можно отнести к общелитературным [11, с. 223].

В лицейской лирике возможно выделение следующих групп «агентов» «страшного»:

1. Явления реального мира («гроза», война). «Гроза» чаще не характеризует явление природы, а используется как метафора всего, что относится к **грозящему/ грозному**. «Грозными» именуются явления, связанные с силой, властью, славой, могуществом, гневом (*грозного величия конец* [8, I, с. 86], *твой грозен вид* [8, I, с. 27], *грозой он в бранной мгле летел* [8, I, с. 142]), которые могут быть значимы для отдельных героев (например, в стихотворении «Эвлега») или для множества людей («Воспоминания в Царском Селе», «Принцу Оранскому»). Они сопоставляются, поскольку угрожают человеческому существованию, различаясь лишь по масштабу.

Сопоставление грозы и войны относится к одической традиции (подобные сравнения есть, например, у М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина), и его присутствие в «Воспоминаниях в Царском Селе» [8, I, с. 60-63], стихотворении, созданном по случаю приезда Г.Р. Державина в Лицей, вполне объяснимо. Здесь возникают мотивы «героической анакреонтики» [4, с. 331] – воинственный восторг, *грозный пир сражения* [4, с. 329-330]. Заметим, что певцы, восхваляющие Героев, связанных со стихией грозной битвы, играют на струнах *громозвучных лир*, также принадлежащих к грозовой/ грозной стихии по звуковым характеристикам и силе воздействия. Собственную лиру Пушкин не характеризует как громкую, тем более подобную грому, о чем сожалеет:

*Почто небесных Аонид,
Как наших дней певец, славянской Бард
дружины,
Мой дух восторгом не горит?*

Поэт представляет для себя возможность стать *бран[ым] Певц[ом]**:

*О, естли б Аполлон пиитов дар чудесный
Влиял мне ныне в грудь! Тобою восхищен,
На лире б возгремел гармонией небесной
И воссиял во тьме времен.*

Поскольку стихотворение играет роль своеобразного посвящения Державину, оно строится в соответствии с канонами, и этим объясняется этикетное «самоумаление» автора. Но, если учесть отсутствие стремления лирического субъекта обладать *громозвуч[ой] лир[ой]* в последующих стихотворениях и даже прямой отказ от нее [8, I, с. 39-40], невозможность быть одическим поэтом уже здесь может трактоваться как программная для юного Пушкина.

2. «Потусторонние» явления, имеющие власть над человеком (рок, смерть). Тема Судьбы очень значима для Пушкина; вопрос о ее благодати/ жестокости по отношению к человеку возникает уже в лицейской лирике. Для «смертного» взаимодействие с ней ограничивается восприятием и подчинением:

*И ты в строях ее [смерть. – О. С.] встречал,
И ты, постигнутый судьбою,
Как рос, питомцем славы пал! (К. Батюшкову)* [8, I, с. 56].

Здесь смерть предстает как проявление судьбы воина. Отметим, что воин этот назван *питомцем славы*. Стремление некоторых героев к славе и намеренный отказ от нее пушкинского лирического субъекта становится общим местом целого ряда стихотворений (*Прелестна сердцу тишина; Нейду, нейду за Славой* [8, I, с. 94-95]). Этот отказ, помимо следования ритуалу «поэтического побега» [1, с. 111-114], выражает желание поэта избрать особый путь в творческом пространстве [12], не ведущий к смерти в ее традиционном понимании как предначертанного, хоть и пугающего, завершения жизненного пути любого человека:

*Несчастия, страстей и немощей сыны,
Мы все на страшный гроб, родясь, осуждены
(«Безверие»)* [8, I, с. 188-189].

* Здесь и далее квадратными скобками в цитатах отме-

чены изменения, внесенные автором статьи.

Вера встречает человека у *двери гробовой*, именно она, даруя Надежду, тем самым сглаживает воздействие страха и создает для души возможность дальнейшего пути (это касается как умершего, так и навсегда простившегося с близкими). В то же время Вера – это внутренняя наполненность души представлением о Высшем «Другом» [13, с. 11], необходимое условие для осознания себя. Проецируясь изнутри во внешний мир, Вера наполняет *ночь могильную* светом [3, с. 156] и смыслом. (Эти категории у Пушкина часто взаимосвязаны и взаимообусловлены, что проявляется при описании поэтических реалий – «бессмысленные», по мнению поэта, творения нарекаются мрачными, туманными).

Безверие характеризует неспособность видеть *бога тайного* в явном мире. Герой, страдая от невозможности обнаружить скрытое божество вовне, теряет самого себя. В *пустыне гробовой* его привлекает *покой*, с одной стороны, как успокоение ума, избавление от страданий, с другой – как возможное наполнение всеохватывающей пустоты посредством посмертного сохранения/ проявления духовной сути. Видимо, имплицитно здесь присутствует и вероятность встречи с божеством: пустыня у Пушкина часто предполагает контакт с высшими силами [1; 6].

Судьба занимает приоритетное положение в иерархии сил, способных повлиять на человека^{*}, и характеризуется своей непредсказуемостью, невозможностью предвидеть ее ход и как-то противостоять ему. При условии отрицательного влияния на человека она часто именуется Роком.

Интересно сопоставление бога и Рока в шуточном раннем стихотворении «Монах» [8, I, с. 9-17]^{**}. Об их неравнозначности говорит прежде всего именование, первого со

строчной буквы, второго с заглавной. Это находит подтверждение в развитии событий. Герой молится и получает защиту (*Услышал бог молитвы старика, И ум его в минуту просветился*). Но спасение не означает избавления от ответственности: бог лишь указывает направление, двигаться же должен сам человек. Наличие греха и праведности предполагает необходимость выбора, в котором герой оказывается предоставлен себе, это внутреннее устремление. (Подтверждением тому служит само имя «Панкратий»: «Пау» + «κράτος» (др.-греч.) можно перевести как «всевластный, всемогущий»).

За внешними событиями стоит иррациональная, враждебная сила – *Могущий Рок, вселенной Господин*, – для которого человек – игрушка. Именно эта сила в итоге уравнивает паломническое путешествие в Иерусалим и прямой путь в ад^{***}. Акцентируясь на форме, герой упускает суть вещей, что и приводит к печальным последствиям.

Однако возможность победы веры в бога над Роком не отрицается окончательно: герой сумел пленить беса. Но он не смог противостоять собственной слабости, что и отдало его во власть греха. Возвышение Рока над богом в этом случае может объясняться их сопоставлением по степени обусловленности воздействия на человека. Бог оказывается ниже, поскольку он помогает, когда его призывают молитвой; вера имеет силу при условии постоянного, неотступного следования ей. Рок действует совершенно самостоятельно и не считается с человеком, что, видимо, и позволяет ему занять приоритетную позицию в пространстве стихотворения.

3. «Персонифицированный страх» (тени, призраки, пугающие персонажи). Персонажи, вызывающие страх, служат связующим звеном между реальностью и потусторонним миром: «потусторонние тени, загробные выходцы появляются в момент катастроф и, переходя «недоступную черту», оказываются в

^{*} Вопрос взаимодействия поэта и судьбы не столь однозначен.

^{**} Переосмысление легенды об Ианне Новгородском, победившем черта. Наряду с фривольными и явно антиклерикальными мыслями в духе «Орлеанской девственницы» Вольтера, на которую и ориентировано стихотворение, здесь выражено изначально значимое для Пушкина мнение о самоценности человека и его внутренней ответственности за собственную жизнь.

^{***} Заметим, что герой стихотворения готов смиренно ждать последний час со страхом и с верою. Монах боится попасть в ад, однако слабость на пути веры толкает его именно туда.

чуждом им пространстве» [5, с. 816-817]. Подобные характеристики можно отнести и к образу Наполеона [2, с. 110-112; 7], сделав акцент на его не- (или над-) человеческом положении. В лицейских стихотворениях фигура Наполеона несет с собой мистический ужас, становясь его персонифицированным выражением. Дерзостью и масштабом своих действий он соотносим с вселенским злом, это царь-мертвец, либо подобие Люцифера. При этом используются традиционные для «наполеоновской» тематики формулы (*восстал вселенной бич* [8, I, с. 61]; *ужас мира* [8, I, с. 142]); отсылка к образу Люцифера (*зарделась грозная заря* – не только предвестие битвы, но и явление «сына зари»^{*}; *лицо пылающей зари* [8, I, с. 89], *пламенный венец померкнул на челе* [8, I, с. 110]; подобная образность характерна и для южной лирики). Формула *бледнеющий мятетж* [8, I, с. 89] призвана придать образу Наполеона романтические черты, но также бледность приобщает его к многочисленным теням и призракам, возникающим в пушкинских стихотворениях. Хотя тени не всегда оказываются «агентами» страха, призраки традиционно «пугают». На призрак похожа персонификация страха, предстоящая перед нами в стихотворении «Сон» [8, I, с. 143-147]:

*Я не злодей, с волненьем и тоской
Не зрю во сне кровавых привидений,
Убийственных детей предрассуждений,
И в поздний час ужасный бледный Страх
Не хмурится угрюмо в головах* [8, I, с. 147].

Изображение страха в виде привидения обусловлено его адресованностью злодею: это тень одной из жертв.

Поэт, воздающий хвалу Сну, *не герой и не злодей*, поэтому страхи, связанные с войной или муками совести, посетить его не могут. Однако его пугает то, что может воспрепятствовать пребыванию в *объятиях игривого мечтанья* (сна – творчества): *мне страшен свет* («свет» в этом случае употребляется в

коннотативном значении: «отборное, высшее общество, **суетное** (выделение мое. – О. С.) въ обычаяхъ или условіяхъ жизни; // суетность, мірщина») [3, с. 157]. «Агенты» «страшного» для лирического «Я» совершенно иного рода, чем для героев пушкинских произведений: они значимы лишь в сфере литературной деятельности. В этой связи следует обратить внимание на структуру лирического «Я» Пушкина в лицейский период, когда это «Я» формировалось. Представляется возможным наметить такие его компоненты как «артистическое Я» (которое базируется на **противопоставлении** лирического субъекта-поэта окружающим, утверждении его особого положения в мире) и «человеческое Я»^{**} (которое предполагает **сопоставление** с **другими** людьми, пребывание на одном уровне с ними). Говоря о «страшном» и его «агентах», в качестве реципиента мы подразумеваем прежде всего «артистическую» сторону лирического «Я», поскольку именно она проявляет себя в стихотворениях, связанных с темой творчества.

Вернемся к упомянутому выше предмету поэтического страха. Боязнь света, стремление к безвестности, тишине, покою связаны с образом **поэта-ленивца-философа** [10], который утверждает, что *голос его тих* (общее место для ряда поэтов – Е.А. Баратынский, К.Н. Батюшков и др.) [9], и призывает в качестве своей музыки *Лень*. Поэт противопоставляет себя тем, кто *гоняется за счастьем и молвой*, подтверждая тем самым свою «философско-мечтательскую» сущность. «Молва» и «слава» могут использоваться как синонимы [3, с. 215], поэтому здесь подразумевается отрицание «славы» как широкой известности среди людей (слава подобного рода способна наделить поэта историей, к чему он пока не стремится). В стихотворении «Мечтатель» дана следующая формула блаженства:

*Блажен, кто в низкой свой шалаш
В мольбах не просит счастья! <...>
Он сладко засыпает,*

^{*} Обозначение Люцифера в книге пророка Исаии: Исаия 14:12.

^{**} Данные определения избраны нами в качестве рабочих, поскольку они отражают особенности выделенных компонентов лирического «Я».

*И бранных труб ужасный глас
Его не пробуждает* [8, I, с. 94-95].

Счастье оказывается связанным с войной, а размышления поэта о собственной будущности в качестве военного всегда оканчиваются отказом от подобной возможности. Слава *грозит* лирическому субъекту-мечтателю, *ударя в звучный щит*, в то время как он утверждает: *звучными струнами не оглашу безмолвия приют*. Возникает отрицание славы как почета вследствие *заслуг, качеств, талантов* [3, с. 215].

Воспринимая творчество как сон или мечту, в которую он желает погрузиться, поэт испытывает страх, сталкиваясь с проявлениями внешнего мира, препятствующими этому погружению.

В послании «К Жуковскому» [8, I, с. 151-153] лирический субъект заявляет о своем высшем предназначении, которому не в силах противостоять. Избранная стезя кажется ему опасной вследствие неопытности, но преодоление страха возможно при обращении к *питомц[ам] вдохновенья*, поэтам, чье творчество послужило основой для художественных экспериментов юного Пушкина. Помимо предметов, находящихся в *воле* [8, I, с. 56] поэта, для него опасны *Вражды и Зависти угрюмые сыны*, литературные противники. Лирический субъект восклицает:

*Летите на врагов: и Феб, и Музы с вами!
Разите варваров кровавыми стихами <...>*,

пытаясь таким образом проявить роль воина на поэтическом поприще. Парнас, мирный и **тихий** приют муз и вдохновения для поэта, становится *грозою Парнасскою скалою* для его врагов, тем самым поддерживая своего «служителя» в борьбе и преодолении страха.

Итак, сопоставив «агенты» «страшного» для пушкинского лирического «Я» и остальных персонажей, можно заметить, что поэт, пребывая в состоянии вдохновения, занимает особую позицию в творческом пространстве. «Страшное» из мира реального его не

беспокоит, а если и беспокоит, то в совершенно особом ракурсе (например, «война» как опасность для героев, «война» как предмет описания для поэта). Опасно же для поэта то, что лишает его возможности творить, актуализируя его «человеческое Я», и уравнивает с обычными людьми, отдаляя от «высшего» призвания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гайворонская Л.В. Семантика пустынь в творчестве А.С. Пушкина/ Универсалии русской литературы. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Изд. дом Алейниковых, 2009. – С. 103–119.
2. Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка / Б.М. Гаспаров. – СПб., 1999. – 400 с.
3. Даль В. Толковый словарь в четырех томах / В. Даль. – М.: Русский язык, 1991. – Т. 4. – С. 157-158; 215-216.
4. Иваницкий А. И. Универсалии как жизненная программа (На материале пушкинской лирики 1813 – 1824 гг.) / Универсалии русской литературы. – Воронеж: Воронежский государственный университет; Изд. дом Алейниковых, 2009. – С. 328–369.
5. Лотман Ю.М. Пушкин / Ю.М. Лотман. – СПб.: «Искусство СПб.», 1995. – 847 с.
6. Меднис Н.Е. Мотив пустыни в лирике Пушкина/ Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы: сюжет и мотив в контексте традиции. – Новосибирск, 1998. – Вып. 2. – С. 163–171.
7. Муравьева О.С. Пушкин и Наполеон: (Пушкинский вариант «наполеоновской легенды») // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд., 1991. – Т. 14. – С. 5–32.
8. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 17 т. / А.С. Пушкин. – М.: Воскресенье, 1994.
9. Савинков С.В., Фаустов А.А. Очерки по характеристике русской литературы: Середина XIX века / С.В. Савинков, А.А. Фаустов. – Воронеж, 1998. – 156 с.
10. Сулемина О.В. В поисках самого себя: поэт в лирике А.С. Пушкина 1814-1824 гг. // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки», 2011. – 2(94). – С. 175–179.
11. Сулемина О.В. Контуры «страшного» в русской литературе VIII – начала XX вв./ Универсалии русской литературы. 2. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. – С. 220–230.

12. Сулемина О.В. «Фальсификация» смерти в стихотворении А.С. Пушкина «Мое завещание друзьям» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия

Филологические науки, 2010. – №6 (50). – С. 125–127.

13. Фаустов А.А. Авторское поведение Пушкина. Очерки / А.А. Фаустов. – изд. ВГУ, 2000. – 322 с.

УДК 821.161.1

Эфендиева С.А.

Бакинский славянский университет

КОРАНИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ И.А. БУНИНА

S. Efendiyeva

Baku Slavic University

QURANIC MOTIFS IN I. BUNIN'S POETRY

Аннотация. Статья посвящена кораническим мотивам в поэзии И.А. Бунина. Анализируются стихи, непосредственно созвучные тематике различных коранических сур. Выявляется точное следование стихов кораническому смыслу и коннотации. Вместе с тем каждое стихотворение коранического цикла представляет собой оригинальное продолжение тематики источника. Бунинские стихи представляют собой одновременную попытку осмысления текста Священного Писания и пробы пера в сакральном дискурсе. Можно утверждать, что стихи И.А. Бунина на коранические мотивы представляют собой не просто прекрасные стихи, но и освоение русской ментальностью подлинного Востока.

Ключевые слова: Коран, русская поэзия, И.А. Бунин, сакральный смысл, традиция, А.С. Пушкин, исторический оптимизм.

Abstract. The article deals with the Quranic motifs of I. Bunin's poetry. Various verses directly connected with the themes of different Quran surahs are analyzed, and the exact adherence to Quranic verse meaning and connotations is revealed. However, each poem of Quranic cycle represents an original continuation of source's theme. Bunin's verses represent a simultaneous attempt to comprehend the meaning of the Scripture and attempt to write in the sacred discourse. It can be argued that poetry of I. Bunin on Quranic motifs is not simply a beautiful poetry, but also the development of Russian mentality of a true East.

Key words: Quran, Russian poetry, I. Bunin, sacred meaning, tradition, A. Pushkin, historical optimism.

Известный исследователь восточной поэзии П.И. Тартаковский справедливо отметил, что Восток подарил человечеству два великих произведения, оказавших огромное влияние на формирование «духовно-эстетического сознания мира: Библию и Коран» [6, с. 7]. При этом он подчеркнул, что если в библейских текстах на протяжении истории напластовывались различные национально-стилистические слои, то коранический текст сохранил свою специфику «национального арабского мышлевыражения» [6, с. 8]. Так, поэтическая форма Корана, не говоря уже о мире его идей, вызвала к жизни столько поэтических подражаний, что они могут быть предметом анализа отдельной работы.

В литературе Серебряного века на волне возрастающего интереса к Востоку, к его искусству, поэзии, философии появляются многочисленные «восточные» подражания и мистификации. Этот процесс имел определенные традиции. Сначала это было модой, проникшей из западной литературы (П. Верлен, А. Рембо, Р. Киплинг и др.), затем заимствование форм и мотивов восточной лирики диктовалось эстетикой позднего романтизма. Литературе Сереб-

ряного века поэтические восточные влияния придавали определенную изысканность и утонченность.

В многочисленных литературных салонах эстетские поэты писали стилизованные подражания, которые, в свою очередь, оказывали влияние и на лексику русской поэзии конца XIX – начала XX веков, обогащая язык ориентальной лексикой и фразеологией. Подражания носили разный характер, начиная с иронического и кончая серьезной ориентальной направленностью поэзии поэтов-символистов.

Всемирная отзывчивость, столь характерная для поэзии Серебряного века, особенно проявляется в стихотворениях И. Бунина, «в которых были в наибольшей степени воплощены и развиты идеи западно-восточного синтеза, национальной трансформации, начатые пушкинскими «Подражаниями Корану» [6, с. 13]. Эстетические воззрения Бунина, его духовные поиски были тесно связаны с восточными философскими системами и, по справедливому замечанию П.И. Тартаковского, из восточной поэзии поэт «избирает обычно лишь те мотивы и образы, которые не противоречат его собственной эстетической системе» [6, с. 78]. В его стихах наблюдается творческое осмысление идей и образов восточной поэзии, что еще раз подчеркивает органичность восприятия Буниным этой культуры, метафоры и символы которой были так близки поэтическому видению и мироощущению русского поэта.

Поэтически адекватно восточная лирическая традиция проявилась в поэзии Бунина. С одной стороны – в тематике его произведений, а с другой – в стремлении Бунина поэтически освоить и передать восточные жанровые формы в русской лирике.

Стихотворения на восточные темы представлены у Бунина не разрозненно. Бунин неоднократно – и в журнальных публикациях, и в сборниках – объединял их в циклы, давая им заголовки «Из цикла “Восток”», «Восток» и т. п. Однако в завершенном виде этот цикл не был им собран. Эти произведения наиболее полно представлены в сборнике «Стихо-

творения 1903-1906», где под общим заглавием «Ислам» были объединены следующие стихотворения: «Путеводные знаки», «Пастухи» («Тонет солнце, рдяным углем стонет...»), «Мираж» («Ковсерь»), «Черный камень» («Черный камень Каабы»), «Мудрым», «Зеленый стяг», «За измену», «Авраам», «Ночь Аль-Кадра», «Сатана богу».

А. Блок в рецензии на этот сборник обратил особое внимание на ту экзотику, «которая присуща восточным стихотворениям Бунина». По мнению поэта, «это – экзотика красок, сонное упоение гортанными звуками чужих имен и слов <...> Читая такие стихотворения, мы признаем, что у Лермонтова был свой Восток, у Полонского – свой и у Бунина – свой; настолько живо, индивидуально и пышно его восприятие» [1, с. 141-142].

Как видим, творчество Бунина дает нам основание проводить такого рода параллели между его лирикой и лирикой восточной. Однако Бунин в своем стремлении постичь Восток идет дальше. Он стремится проникнуть в духовную сущность восточного мироощущения. Так, поэт приходит к стихотворениям, связанным с темой Ислама. Он использует в стихах не только традиционные атрибуты восточной лирики (*путник, пустыня*), но и обращается к сюжетам и образам коранических сур:

*Звезды горят над безлюдной землею,
Царственно блещет святое созвездие Пса:
Вдруг потемнело – и огненно-красной змеєю
Кто-то прорезал над темной землей небеса.*

*Путник, не бойся! В пустыне чудесного
много.*

*Это не вихри, а джинны тревожат её,
Это архангел, слуга милосердного Бога,
В демонов ночи метнул золотое копьё
(1903) [2, с. 183].*

Интересно, что в Коране есть сура «Звезда» («Ан-Наджм»). В этой суре говорится о созвездии Пса – звезде Сириус («Он – Господь Сириуса») и об архангеле Гаврииле («Он находился от него (Джибриль от Мухаммада или

Мухаммад от Аллаха) на расстоянии двух луков или даже ближе) (Коран: 53:49, 9) [5, с. 689]. Известно, что «Сириус – самая яркая звезда в созвездии Пса. Ее голубое свечение вызывало одновременно ужас и благоговение у язычников, которые поклонялись ей как Богу» [4, с. 784]. Отсюда становится ясно употребление Буниным выражения «святое созвездие Пса».

Следует отметить, что впервые это стихотворение было издано в 1905 году под названием «Джинны» (Сборники товарищества «Знание»). Не менее интересен тот факт, что в Коране сура 72 также имеет название «Джинны» («Аль-Джинн»): «Прежде мы садились там на седалищах, чтобы подслушивать. Но тот, кто подслушает сейчас, обнаружит, что его подстерегает пылающий огонь» (Коран: 72:9) [5, с. 765]. Как видим, в последних строках стихотворения Бунин говорит именно об этом аяте Корана.

Корневое слово «джинна, йа джинну» (арабское «скрытый», «спрятанный») переводится как дух, невидимая сила [4, с. 788]. Джинны – это «творения, созданные Всевышним Аллахом из огня, которые жили на земле задолго до появления на ней человека и живут на ней сейчас. Среди них есть как мусульмане, так и неверующие, причем последних называют бесами или дьяволами. Иногда людям удается увидеть эти существа, а некоторые колдуны и предсказатели вопреки запрету Аллаха даже входят с ними в контакт» [5, с. 1054]. В комментариях к этому стихотворению мы находим похожие сведения: «Джинны (“гении”), по Корану – фантастические существа, созданные из чистого (бездымного) огня, обладающие разумом. По своей природе джинны – существа между ангелами и людьми. Джинны связаны с Иблисом (сатаной), но некоторые из них уверовали в Магомета. По преданию, ангелы отгоняют их падающими звездами» [3, с. 592].

Развивая темы коранических сур, Бунин при этом стремится «сымитировать» подлинно восточное мироощущение. Наиболее примечательно в этом плане стихотворение «Ночь Аль-Кафра» (1903):

В эту ночь ангелы сходят с неба.

Коран.

*Ночь Аль-Кафра. Сошлись, слились вершины,
И выше к небесам воздвиглись их чалмы.*

Пел муэzzин. Ещё алеют льдины,

*Но из теснин, с долин уж дышит холод
тьмы.*

*Ночь Аль-Кафра. По темным горным скло-
нам*

Ещё спускаются, слоятся облака.

Пел муэzzин. Перед великим Троном

Уже течет, дымясь Алмазная Река.

И Гавриил – неслышно и незримо –

Обходит спящий мир. Господь, благослови

Незримый путь святого пилигрима

И дай земле твоей ночь мира и любви!

[2, с. 183].

Название стихотворения полностью совпадает с сурой Корана 97 – «Предопределение» («Аль-Кадр»): «1. Воистину, Мы ниспослали его (Коран) в ночь предопределения (или величия). 2. Откуда ты мог знать, что такое ночь предопределения (или величия)? 3. Ночь предопределения (или величия) лучше тысячи месяцев. 4. В эту ночь ангелы и Дух (Джибриль) нисходят с дозволения их Господа по всем Его повелениям. 5. Она благополучна вплоть до наступления зари» [5, с. 813]. Как видим, эпиграф к стихотворению взят из 4 аята этой суры.

В Собрании сочинений Бунина 1965 года в комментариях к этому стихотворению отмечается: «Ночь Аль-Кафра (“ночь могущества”, “ночь предопределений”, “благословенная ночь”) – по мусульманскому преданию, ночь, когда ангел Гавриил (которому Бог повелел передавать Магомету слова Корана для объявления людям), сойдя с неба, впервые явился Магомету, лежавшему на земле и погруженному в размышления о Боге. Согласно традиции, эта ночь приходится с 26-го на 27-е число месяца Рамадан. В эту ночь утверждаются и разрешаются дела Вселенной на год. Великий Трон – престол Бога на седьмом – самом высоком небе» [2, с. 541]. А в комментариях к этому стихотворению, написанных

тем же самым автором (А.К. Бабореко) к Собранию сочинений поэта 1987 года, мы видим несколько измененный вариант информации: «Кадр – значит “неизменные постановления”». В ночь Аль-Кафра – 23 или 24 числа месяца Рамадана по лунному календарю – согласно мусульманским верованиям, явился Магомету ангел Гавриил и передал слова Корана людям. “В эту ночь утверждаются и разрешаются дела вселенной на целый год” [3, с. 592]. Дело в том, что в обоих комментариях несколько неверно указано время наступления ночи Аль-Кадр. Как известно, нет точных сведений об этом: «Воистину, мне была показана ночь предопределения, а потом случилось так, что я забыл ее. Но ждите ее в одну из нечетных ночей последней декады рамадана...» [5, с. 1041-1042].

О величии и могуществе этой ночи говорится в 3 аяте суры «Аль-Кадр». Согласно Корану, «эта ночь лучше тысячи месяцев, в которых нет такой ночи, то есть, если правверный поклонялся Аллаху в течение этой ночи, то он получит большую награду, чем если бы он поклонялся Аллаху в течение тысячи месяцев» [5, с. 1064]. Действительно, ночь Аль-Кафра – это «ночь мира и любви», как и утверждает Бунин. Комментарии к 5 аяту этой суры свидетельствуют об этом: «Ночь предопределения – это благополучная ночь, в которую не творится зло, и не посылаются дьяволы. В эту ночь заковываются в цепи мятежные джинны, и связываются могучие джинны, и раскрываются все врата небесные, и покаяние принимается от всех кающихся, и поэтому Аллах сказал: “Она благополучна вплоть до наступления зари”» [5, с. 1042].

Большой интерес в стихотворении «Ночь Аль-Кафра» представляет также образ *святого пилигрима* – архангела Гавриила. Здесь также наблюдается переключки с 86 сурой Корана «Ночной путник» («Ат-Тарик»), во 2 и 3 аяте которой дается вопрос и ответ на него: «1. Клянусь небом и ночным путником! 2. Откуда ты мог знать, что такое ночной путник? 3. Это – звезда пронизывающая небеса своим светом. 4. Нет души, при которой

не было бы хранителя...» [5, с. 800]. С этим же образом, «*прорезавшим*» небеса «огненно-красной змеею», мы встречались и в стихотворении «Звезды горят над безлюдной землею...».

Следует обратить внимание и на архитектуру стихотворения. Повторы в первых двух четверостишиях и паузы (т. е. точки) после них (“/Ночь Аль-Кафра. Сошлись, слились вершины/, /Ночь Аль-Кафра. По темным горным склонам.../”, “/Пел муэzzин. Ещё алеют льдины.../, /Пел муэzzин. Перед Великим Троном.../”) служат, с одной стороны, восприятию музыки стиха, придают ему особую экзотику и мелодичность; этому также способствует и звуковая организация стиха, построенная на приеме эвфонии (многократное повторение звуков -с-ш-з- по всему стиху), использование сквозных рифм – *сошлись – слились – воздвиглись* (прием усиления – градация); с другой стороны, служат раскрытию главного замысла поэта – передать величие и красоту той ночи, ее благополучие, покой и умиротворенность. Использование этих повторов и особенно пауз как бы «заставляет» читателя задуматься и тем самым «окунуться» в атмосферу ночи Аль-Кадр. Более того, Бунин поэтически переосмысливая заснеженные вершины гор, наделяет их восточной атрибутикой – *чалмой*.

Интересно, что первоначально это стихотворение имело название «Млечная Река». Под таким заглавием оно было опубликовано в 1906 году в журнале «Пробуждение». И это не случайно. В стихотворении упоминается «Алмазная река», которая течет «перед Великим Троном». Думается, что Бунин имел в виду райскую реку изобилия аль-Каусар, которой в Коране посвящена отдельная сура. Вода этой реки «белее молока и слаще меда» [5, с. 1062]. Актуальна внутренняя форма слова *млечный*, выведенного в название стихотворения. Как известно, *млечный* – это архаический вариант слова *молочный*.

«Реке всех рек» Бунин посвящает отдельное стихотворение – «Ковсерь» (1903):

Мы дали тебе Ковсерь.
Коран

*Здесь царство снов. На сотни верст безлюдны
Солончаков нагие берега.*

*Но воды в них – небесно-изумрудны
И шелк песков белее, чем снега.*

*В шелках песков лишь сизые полыни
Растит аллах для кочевых отар,
И небеса здесь несказанно сини,
И солнце в них – как адский огонь, Сакар.*

*И в знойный час, когда мираж зеркальный
Сольет весь мир в один великий сон,
В безбрежный блеск, за грань земли печальной,
В сады Джиннат уносит душу он.*

*А там течет, там льется за туманом
Река всех рек, лазурная Ковсерь,
И всей земле, всем племенам и странам
Сулит покой. Терпи, молись – и верь.*

[2, с. 182-183].

Это стихотворение носит название 108 суры Корана – «Изобилие» («Аль-Каусар»): «1. Мы даровали тебе Изобилие (реку в Раю, которая называется аль-Каусар). 2. Посему совершай намаз ради своего Господа и закалявай жертву. 3. Воистину, твой ненавистник сам окажется бездетным» [5, с. 820]. Как видим, эпиграф взят из 1 аята суры.

Следует отметить, что впервые это стихотворение было опубликовано в 1905 году под заглавием «Мираж». В комментариях к этому стихотворению даются значения коранических слов: «Слово Ковсерь (“обильный”) толкуется в мусульманском предании как название райского источника (реки). Сакар – адское пламя (в Коране). Джиннат (Джаннат), собственно, и значит “сад” – в Коране одно из обозначений рая» [2, с. 540]. Подтверждение этим сведениям мы находим в приложении к Корану (“Словарь арабских выражений и терминов”): «Аль-Каусар – река изобилия, то есть райская река, вода которой белее молока и слаще меда. Ее благоухание прекраснее благоухания мускуса, а вокруг нее летают птицы с прекрасными длинными шеями, похожими на шеи верблюдов» [5, с. 1062]. О Сакаре го-

ворится в 74 суре Корана «Завернувшийся» («Аль-Муддассир») – это «Преисподняя, одно из названий Ада» [5, с. 1059]. А «Джаннат» – это Рай (Джанна), который упоминается в Коране под названиями – «Джаннат аль-Хульд» – Сад вечности; «Джаннат аль-Мава» – Сад пристанища; «Джаннат ан-Наим» – Сад блаженства [5, с. 1054].

Как видим, Бунин смог воспроизвести не только атрибуты Ислама (Джиннат, Аллах, Сакар, Ковсерь), но и передать сам дух веры, потому что все повествование построено библейски величаво, эпически.

Таким образом, в стихах на темы Корана И.А. Бунин продолжал пушкинские традиции, основанные его лирическим циклом «Подражания Корану». Обращение русского поэта к кораническим сюжетам не носило искусственного характера. Это не было простым заимствованием, пересказом услышанных каких-либо преданий, легенд из Корана. Точное воспроизведение сюжетов, образов и названий отдельных коранических сур – «Ан-Наджм», «Аль-Джинн», «Аль-Кадр», «Аль-Каусар» и др. – еще раз свидетельствует о непосредственном обращении Бунина к тексту Священной Книги, и, в частности, к перечисленным сурам.* Кораническая поэзия И.А. Бунина сама приобретает сакральное звучание.

На этой волне интереса древняя и новая восточная поэзия придают новый импульс творчеству русских поэтов. Взаимодействие поэтических культур Востока и Запада приобретает качественно новую ориентацию. Восточный Ренессанс, начиная с философской лирики Гафиза, Хайяма, Низами, Фирдоуси, проникновенной любовной лирики Физули и утонченных психологических зарисовок в жанре танка и хокку Басё, раскрыли европейскому читателю новые оттенки чувств, глубину связи человека с космосом, где личность предстает частью мироздания, а жизнь воспринимается как радость, дарованная человеку свыше. В этих стихах по-новому раскрывается

* Бунин пользовался этим изданием: Коран Магомета. Новый перевод, сделанный с арабского текста М.Казимирским. – М., 1901 [2, с. 550].

единство мира, исчезает противопоставление человека природе, снимается традиционное для европейской поэзии ощущение индивидуального трагизма, который заменяется пониманием степени общности людей и отсюда исторический оптимизм и некая новая духовность. Все эти идеи своеобразно отразились и в творчестве Ивана Бунина.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блок А. Собр. соч. в 8-ми томах. – М.: Гослитиздат, 1962. – Т. V. – 799 с.
2. Бунин И.А. Собр. соч. в 9-ти томах. М.: Художественная литература, 1965. – Т. I. – 596 с.
3. Бунин И.А. Собр.соч.в 6-ти томах. М.: Художественная литература, 1987. – Т. I. – 687 с.
4. Коран. Перевод смыслов и комментарии. Четвертое издание. Дополненное и переработанное Валерии Пороховой. – 1997. – 800с.
5. Смысловой перевод священного Корана на русский язык. Первое издание. Перевод с арабского Кулиева Эльмира. Комплекс имени Короля Фахда по изданию священного Корана. Медина, Саудовская Аравия. 2002. URL: http://xadis.ru/archive/kuran_tafsir/kuan/kuliev-word-html.zip (15.04.2011).
6. Тартаковский П.И. Русская советская поэзия 20-х начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока. – Ташкент: ФАН, 1977. – 333 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖВУЗОВСКИЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР, ПОСВЯЩЕННЫЙ 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА (МГПУ)*

В ноябре 2011 года исполняется 300 лет со дня рождения первого русского академика Михаила Васильевича Ломоносова (1711 – 1765). Среди юбилейных мероприятий, объединивших научное и культурное сообщество России в почитании памяти талантливейшего организатора науки, ученого-естествоиспытателя, реформатора отечественного стихосложения и поэта – классика русской литературы XVIII века, своё место занял и межвузовский научный семинар, прошедший 3 марта 2011 года в Московском городском педагогическом университете.

Место и роль Ломоносова в истории литературной науки трудно переоценить, в его научное наследие входят труды по ряду важнейших проблем поэтики – проблеме художественной речи, формы и содержания, стиля и жанра. На прошедшем научном семинаре были актуализированы теоретические размышления и поэтические опыты Ломоносова, значимые как для развития литературной науки, так и самой российской словесности.

Научный семинар объединил ученых четырех московских вузов, с докладами выступили преподаватели МГОУ (областной), РГГУ, ГИРЯ им. А.С. Пушкина, а также представили принимающей стороны – доктор филол. наук, профессор С.А. Джанумов, кандидат филол. наук, доцент М.Б. Лоскутникова, аспирантка Д.А. Супрунова. Дискуссии касались различ-

ных граней художественного и литературно-теоретического таланта М.В. Ломоносова, а также осмысления его творчества последующей литературной и литературно-критической традицией.

Открыл заседание профессор С.А. Джанумов. Поблагодарив участников семинара за участие в его работе и отметив важность заявленных для обсуждения проблем, С.А. Джанумов обратился к вопросу рецепции творчества Ломоносова в русской литературе первой половины XIX в. и, в частности, к наиболее спорной и вместе с тем интересной позиции А.С. Пушкина. Специфика поэтики Ломоносова оказалась в центре внимания нескольких выступающих. Д.ф.н., профессор С.Н. Травников (ГИРЯ им. А.С. Пушкина) посвятил свое выступление «Оде на взятие Хотина». Отметив, что можно выделить целый ряд наиболее существенных проблем, связанных с реализацией правил и приемов одического стиля в творчестве Ломоносова, исследователь предложил свою концепцию формосодержательной специфике этого произведения, позволяющей определить его место в развитии русской литературы XVIII столетия. Во многом оно определялось спецификой художественного метода поэта, который А.И. Иваницкий (РГГУ) связал с феноменом «барочного классицизма» (доклад «Море в поэтической модели мира Ломоносова»). Характерные элементы поэтической символики Ломоносова рассмотрела Т.А. Алпатова (МГОУ) (доклад «Мифология поэтического творчества в осмыслении Ломоносова-одо-

* Подготовлено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы, ГК № 14.740.11.0562.

писца»). Проблемы биографии Ломоносова и его деятельность в развитии русского просвещения были подробно проанализированы канд. филол. наук, доц. М.Б. Лоскутниковой (МГПУ) в докладе «М.В. Ломоносов как организатор науки». Доклад исследовательницы продемонстрировал роль и значение Ломоносова в становлении университетского образования в России. Аспирант МГПУ Д.А. Супрунова сосредоточила внимание на жанре басни в творчестве Ломоносова, выделив наи-

более актуальные проблемы, стоящие перед современным исследователем этой темы.

Доклады получили одобрение и поддержку разновозрастной аудитории, значительная часть которой составляли молодые исследователи – студенты и аспиранты московских вузов.

И.А. Киселёва, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской классической литературы МГОУ

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ

**на учебное пособие «Современный русский язык. Синтаксис»
(М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 256 с.)
Леканта Павла Александровича, доктора филологических наук,
профессора, Заслуженного деятеля науки РФ,
зав. кафедрой современного русского языка
Московского государственного областного университета**

П.А. Лекант предложил новый, авторский, учебник по синтаксису современного русского языка, соответствующий утвержденной программе по русскому языку и предназначенный для студентов филологических специальностей высших учебных заведений, изучающих современный русский язык как основной предмет. Эта книга учит русскому языку, умению его исследовать, она вооружила синтаксистов инструментарием для изучения грамматической формы, семантики и функций словосочетания, простого и сложного предложения, текста.

Учебник П.А. Леканта имеет очень стройную, глубоко продуманную композицию. Он состоит из следующих разделов: «Введение в синтаксис», «Словосочетание», «Предложение», «Речь и текст», «Пунктуация». В целом, сохранена традиционная структура такого рода учебных пособий по данному курсу, что обеспечивает известную преемственность рецензируемой книги. В излагаемом материале реализовано удачное сочетание критериев научности и доступности, глубины осмысления и ясности интерпретации сложнейших лингвистических проблем, различных научных парадигм, концепций, подходов.

Каждый из разделов имеет свою «изюминку». Так, в разделе «Введение в синтаксис» отмечена специфика синтаксического строя русского языка, заключающаяся в противопоставлении сочинения и подчинения (с. 7-9), в разделе «Словосочетание» новаторским стало предложение правил построения словосочетаний (с. 35-37), в разделе «Предложение» – разграничение атрибутивного и предикативного признаков (с. 68-69), синонимия односоставных и двусоставных предложений (с. 142-143), в разделе «Речь текст» – структурные средства текста (с. 228-230), в разделе «Пунктуация» – внимание к постановке знаков препинания, не предусмотренных правилами, так называемой авторской пунктуации.

Несомненно, украшают учебник со вкусом подобранные литературные примеры, используемые в качестве иллюстраций важнейших теоретических положений, из самых разнообразных источников неизменно высокого уровня – художественных произведений классических и современных авторов.

Следует отметить, что стиль и язык автора на протяжении всей книги служат воплощению его теоретической концепции – провозглашению единства грамматического строя русского языка, подтверждению мысли о том, что «категории и формы слова реализуют свой грамма-

тический потенциал в синтаксических единицах» (с. 4).

Научную значимость и методическую ценность учебного пособия, его соответствие современным образовательным технологиям трудно переоценить. Рецензируемую книгу отличает четкая методологическая обоснованность, репрезентативность материала, логичность и последовательность изложения, корректность преподнесения своей и «чужих» точек зрения.

П.А. Лекант в учебном пособии «Современный русский язык. Синтаксис» четко оп-

ределил свои научные и методические задачи и занял достойную внимания нишу в ряду современных грамматических работ. Такое издание найдет своего пользователя – специалиста-филолога, аспиранта и студента, бакалавра и магистранта.

***Т.Е. Шаповалова,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры современного русского языка Московского государственного
областного университета***

НАШИ АВТОРЫ

Алпатова Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: Alpatova2005@rambler.ru

Арименова Раиса Санжеевна – декан УК 1, Московский институт физической культуры и спорта / Бурятский государственный университет (г. Улан-Удэ); e-mail: xobok@yandex.ru

Голованева Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета; e-mail: yarrow@inbox.ru

Греков Владимир Николаевич – кандидат филологических наук, доцент историко-филологического факультета Российского православного института Св. Иоанна Богослова; e-mail: Grekov-@mail.ru

Зайцева Ирина Александровна – аспирант (соискатель) кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: slunce@inbox.ru

Киселева Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: clfssikaxix@rambler.ru

Кожин А.Н. – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: kafedralekant@yandex.ru

Константинова Маргарита Владимировна – соискатель кафедры профессиональной коммуникации и иностранных языков Курского государственного университета; e-mail: Rita7m@rambler.ru

Кузина Анна Николаевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Московского государственного университета технологий и управления; e-mail: akuzina3@yandex.ru

Лапшина Светлана Сергеевна – аспирант (соискатель) кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: lapshinass@mail.ru

Левина Вера Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии Тамбовского государственного университета; e-mail: levina_vn@mail.ru; vera.2003@mail.ru

Лоскутникова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент Московского городского педагогического университета; e-mail: loskutnikova@umail.ru

Лукина Евгения Сергеевна – преподаватель итальянского языка Государственного музыкально-педагогического университета им. М.М. Ипполитова-Иванова; e-mail: elukina_@list.ru

Начёрная Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Тамбовского государственного технического университета; e-mail: svetlana_nachrna@mail.ru

Осетров Игорь Германович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова; e-mail: igorosetrov@yandex.ru

Павлова Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы Российской Академии наук; e-mail: antologia1@yandex.ru

Преферансов Сергей Александрович – аспирант кафедры русского языка Волгоградского государственного университета; e-mail: tupismatic@mail.ru

Рябушкина Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Ульяновского государственного университета; e-mail: svetigor@bk.ru

Свиридова Екатерина Александровна – аспирант кафедры русского языка Мичуринского государственного педагогического института; e-mail: swiridowa.kat2011@mail.ru

Сицына-Кудрявцева Алевтина Николаевна – соискатель, Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; e-mail: alevtina-sk@yandex.ru

Сорокин Роман Викторович – аспирант кафедры русского языка Мичуринского государственного педагогического института; e-mail: sorokinroman87@mail.ru

Сотова Татьяна Олеговна – соискатель ученой степени кандидата филологических наук кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: manesu@yandex.ru

Сулемина Оксана Владимировна – аспирант кафедры русской литературы Воронежского государственного университета; e-mail: may2005@yandex.ru

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: tatjanaf@yandex.ru

Федорова Найля Ивановна – Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, аспирант кафедры русского языка и методики преподавания; e-mail: nelya7@mail.ru

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: Tshapovalova@gmail.com

Эфендиева Суад Ариф гызы – магистр, соискатель, старший преподаватель кафедры теории литературы Бакинского славянского университета; e-mail: suadefendi08@rambler.ru

Южакова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина; e-mail: yuliyayuzhakova@mail.ru

Юрлова Анастасия Андреевна – аспирант кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета; e-mail: anfilus@gmail.com



ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодня выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik.mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Русская филология» 2011. №4

Над номером работали:

менеджер отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *Л.В. Туркова*
литературный редактор *Т.Е. Шаповалова*
переводчик *И.С. Шаповалов*
компьютерная верстка *А.В. Тетерин*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik.mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «SchoolBookC».

Тираж 320 экз. Уч.-изд. л.11,75, усл. п.л. 10,25.

Подписано в печать 26.09.2011. Заказ № 430.

Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а